

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Псковский государственный университет»

На правах рукописи

Кроток Роман Николаевич

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И ПРИБАЛТИКИ В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Специальность: 1.6.13 – экономическая, социальная, политическая и
рекреационная география

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Научный руководитель:
доктор географических наук,
профессор А.Г. Манаков

Псков

2025

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Теоретико-методологические основы конфессиональной географии.....	10
1.1 Особенности формирования и основные направления развития географии религии.....	10
1.1.1 Зарождение и развитие географии религии за рубежом.....	10
1.1.2 Развитие конфессиональной географии в отечественной науке.....	13
1.1.3 Основные направления исследований в конфессиональной географии.....	16
1.2 Конфессиональное пространство как объект географии религии.....	21
1.2.1 Эволюция представлений о конфессиональном пространстве в конце XX – начале XXI веков.....	21
1.2.2 Концепции отечественной географии, на которые опирается изучение конфессионального пространства.....	26
1.2.3 Структура конфессионального пространства.....	30
1.3 Методы изучения конфессионального пространства.....	35
1.3.1 Основные показатели, используемые при изучении структуры конфессионального пространства.....	35
1.3.2 Методика изучения компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства.....	40
1.3.3 Методика анализа динамики конфессионального пространства.....	44
Глава 2. Структурные изменения в конфессиональном пространстве Северо-Запада России и Прибалтики до середины XX века.....	49
2.1 Конфессиональная география Северо-Запада России и Прибалтики по итогам переписи населения 1897 г.....	49
2.2 Конфессиональное пространство Северо-Запада России в XIX – первой половине XX вв.....	59
2.2.1 Изменение территориального устройства Русской православной церкви на Северо-Западе России до середины XX вв.....	59
2.2.2 Конфессиональное пространство Северо-Запада России до революции 1917 г.....	64
2.2.3 Конфессиональное пространство Северо-Запада России в межвоенный период (с 1920 по 1941 гг.).....	68

2.3 Изменения в структуре конфессионального пространства Прибалтики в XIX – первой половине XX вв.....	70
2.3.1 Динамика конфессионального пространства Эстонии до начала 1940-х гг.....	70
2.3.2 Динамика конфессионального пространства Латвии до начала 1940-х гг.....	79
2.3.3 Динамика конфессионального пространства Литвы до начала 1940-х гг.....	90
Глава 3. Конфессиональное пространство Северо-Запада России и Прибалтики в конце XX – начале XXI вв.....	97
3.1 Конфессиональное пространство Северо-Запада России в конце XX – начале XXI вв.....	97
3.1.1 Изменение территориального устройства Русской православной церкви на Северо-Западе России во второй половине XX – начале XXI вв.....	97
3.1.2 Динамика конфессионального пространства Северо-Запада России в конце XX – начале XXI вв.....	101
3.1.3 Территориальная структура конфессионального пространства Северо-Запада России.....	104
3.2 Конфессиональное пространство Эстонии в начале XXI вв.....	109
3.2.1 Динамика компонентной структуры конфессионального пространства Эстонии в течение двух первых десятилетий XXI в.....	109
3.2.2 Территориальная структура конфессионального пространства Эстонии.....	112
3.2.3 Изменения в территориальной структуре конфессионального пространства Эстонии в начале XXI в.....	117
3.3 Конфессиональное пространство Латвии в начале XXI вв.....	120
3.3.1 Динамика компонентной структуры конфессионального пространства Латвии в течение двух первых десятилетий XXI в.....	120
3.3.2 Территориальная структура конфессионального пространства Латвии.....	125
3.4 Конфессиональное пространство Литвы в начале XXI вв.....	130
3.4.1 Динамика компонентной структуры конфессионального пространства Литвы в течение двух первых десятилетий XXI в.....	130
3.4.2 Территориальная структура конфессионального пространства Литвы.....	132

3.4.3 Изменения в территориальной структуре конфессионального пространства Литвы в начале XXI в.....	137
Глава 4. Динамика конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX по начало XXI вв.....	140
4.1 Историко-конфессиональное районирование Северо-Запада России и Прибалтики.....	140
4.2 Конфессиональные контактные зоны Северо-Запада России и Прибалтики в конце XIX в. и начале XXI в.....	149
4.3 Трансформация компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX по начало XXI вв.....	160
Заключение.....	168
Литература.....	177

Введение

Мировое конфессиональное пространство не является неизменным во времени, на его развитие влияет множество факторов, в т.ч. имеющих внешнеполитический характер. Одним из таких факторов стал распад Советского Союза и крушение социалистической системы. Динамика конфессионального пространства постсоветских стран в начале XXI в. имеет разную направленность. Даже в пределах относительно небольшой территории, охватывающей Северо-Запад России и страны Прибалтики, можно наблюдать и десекуляризацию, и ускоренную социальную секуляризацию, и относительную устойчивость конфессионального пространства.

Если рассматривать более длительный временной интервал, а именно с конца XIX в. (переписи 1897 г.) по настоящее время, то можно говорить о значительных изменениях, или трансформации, конфессионального пространства региона исследования. Однако изучение динамики компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства осложнено по ряду объективных обстоятельств, в частности, из-за отсутствия вопроса о религиозной принадлежности в переписях населения советского периода и в современных России и Латвии, несопоставимость сетки административно-территориального деления в дореволюционный период и в наши дни, и др.

Объектом исследования является конфессиональное пространство Северо-Запада России и стран Прибалтики (Эстонии, Латвии и Литвы).

Предмет исследования – компонентная и территориальная структура конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики.

Цель исследования – выявление особенностей динамики конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX в. до настоящего времени.

Задачи исследования:

– разработать научно-исследовательский аппарат изучения динамики компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства;

– проследить изменения, происходившие в компонентной и территориальной структуре конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX в. по настоящее время, с разбивкой на два периода, рубежом которых является середина XX в.;

– выявить современную специфику конфессионального пространства Северо-Запада России, Эстонии, Латвии и Литвы;

– дать оценку сдвигов геопространств трех основных направлений христианства (православия, католицизма и протестантизма) и иудаизма во всем регионе исследования за более чем вековой период;

– определить основные черты трансформации компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX в. по настоящее время.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили разработки зарубежных и отечественных ученых в области конфессиональной географии (географии религии), таких как Т. Браун, Г. Каше, М. Бюттнер, П.И. Пучков, О.Е. Казьмина, С.А. Горохов, А.Д. Криндач, С.Г. Сафронов, О.А. Балабейкина, И.Ю. Филимонова, Г.З. Озем, К.В. Горина, И.В. Абросимова, С.И. Андреева, И.А. Захаров, Р.В. Дмитриев и др., научные теории и концепции отечественной географии, созданные и ныне находящиеся в стадии разработки, в частности, концепции конфессионального геопространства (С.А. Горохов), геоэтнокультурных систем (А.Г. Дружинин, С.Я. Суций), геокультурного пространства (А.Г. Манаков, В.Н. Калущков, Д.А. Дирин и др.), этнических и конфессиональных контактных зон (Н.К. Теренина, Т.И. Герасименко, В.С. Дементьев и др.).

Информационной базой исследования являются итоги переписей населения, содержащие вопросы о религиозной и этнической

принадлежности населения, в частности, результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., национальных переписей населения Эстонии, Латвии и Литвы в период с 1920 по 1940 гг. и в начале XXI в., а также социологических опросов населения, проведенных в Латвии (Латвийским агентством SKDS в период с 2000 по 2018 гг.) и в России (Фондом «Общественное мнение» в рамках проекта «Арена» по заказу Некоммерческой исследовательской службы «Среда» в 2012 г.).

Научная новизна работы состоит в следующем:

– предложен подход к выделению ключевых элементов территориальной структуры конфессионального пространства, опирающийся на использование модифицированного индекса религиозной мозаичности;

– определены сдвиги в территориальной структуре геопространств основных направлений христианства (православия, католицизма и протестантизма) Северо-Запада России и Прибалтики за более чем вековой период;

– выделено 20 историко-конфессиональных районов на территории Северо-Запада России и Прибалтики, каждый из которых характеризуется спецификой конфессионального состава населения в конце XIX столетия, или в наше время;

– осуществлена типология историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики по особенностям динамики компонентной структуры конфессионального пространства с конца XIX в. по настоящее время.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в модернизации научно-исследовательского аппарата конфессиональной географии (географии религий).

Практическая значимость исследования. Разработанный в ходе работы научно-исследовательский инструментарий может быть применен при изучении компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства стран и регионов, а также его динамики.

Кроме того, полученные в ходе исследования материалы внедрены в учебный процесс в Псковском государственном университете в рамках курсов «Этнология и этнография», «Этногеография», «География Псковской области», «География Балтийского региона», а также могут быть использованы в преподавании дисциплин по этнической географии и географии религий в других высших учебных заведениях страны.

Апробация результатов работы и публикации. По теме диссертации опубликовано 17 научных работ общим объемом 14 п.л. (с личным вкладом 8,5 п.л.), в т.ч. 9 статей в изданиях из перечня ВАК РФ, в т.ч. 4 статьи в научных журналах, входящих в международные базы данных Scopus и Web of Science, а также 1 монография (в соавторстве).

Основные положения диссертации были представлены на трех международных картографических форумах (Псков, 2023, 2024, 2025), двух международных научно-практических конференциях (Псков, 2024; Калининград, 2024), международном научно-образовательном форуме (Псков, 2024), всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Петрозаводск, 2024), политико-географических чтениях имени О.В. Витковского (Москва, 2024).

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. Объем диссертации составляет 176 страниц. Диссертация содержит 59 рисунков, в т.ч. 50 картосхем. Библиографический список включает 259 наименований, в т.ч. 44 – на иностранных языках.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Конфессиональное пространство, рассмотренное с позиции концепции геокультурного пространства, представляет собой совокупность взаимодействующих конфессиональных (религиозных) систем, включающих конфессиональные общности людей разного порядка и уровня с соответствующими атрибутами их деятельности.

2. Предложена методика для разделения двух основных составляющих территориальной структуры конфессионального пространства региона исследования – конфессиональных ядер и контактных зон.

3. Осуществлено историко-конфессиональное районирование Северо-Запада России и Прибалтики с целью выделения территориальных ячеек, служащих для оценки трансформации территориальной структуры конфессионального пространства с конца XIX в. по настоящее время.

4. Главным фактором трансформации компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX в. по настоящее время стало сокращение (примерно до двух третей) доли религиозного населения, что сказалось и на уменьшении удельного веса последователей каждого из трех основных направлений христианства.

5. Основными чертами динамики территориальной структуры конфессионального пространства стали следующие. Во-первых, это сужение протестантского геопространства, особенно на Северо-Западе России и в Литве. Во-вторых, это растекание православного геопространства, несколько ослабившего свои позиции в ядре (Северо-Западе России), но при этом усилившего, благодаря миграциям русскоязычного населения, в Эстонии (особенно в Ида-Вирумаа и г. Таллине) и Латвии. В-третьих, это устойчивость католического геопространства, которое не только сохранило свои позиции в ядре (в Литве), но и усилило в Латвии и Эстонии.

6. Историко-конфессиональные районы Северо-Запада России и Прибалтики характеризуются двумя основными типами динамики конфессионального пространства с конца XIX в. по настоящее время. Первым типом динамики является гетерогенизация общей конфессиональной структуры населения по причине роста удельного веса нерелигиозного населения, вторым – гомогенизация как общей конфессиональной структуры населения, так и ее религиозной части.

Глава 1. Теоретико-методологические основы конфессиональной географии

1.1 Особенности формирования и основные направления развития географии религии

1.1.1 Зарождение и развитие географии религии за рубежом

Термин «география религии» был впервые использован в вышедшем в 1642 г. труде английского врача Томаса Брауна «Религия врача» [217]. Однако в названии книги данное сочетание появилось только через полтора столетия в опубликованной на немецком языке работе пастора Готтлиба Каше «Представления о религиозной географии» [238]. При этом, немецкие географы основоположником географии религий считают философа Иммануила Канта [218]. Тем не менее, существуют разные точки зрения о времени возникновения географии религий, начиная с эпохи Реформации [219] до XX в. [186], и даже его второй половины [152; 236]. За это время в географии религий неоднократно изменялся объект и предмет исследования, а также угол зрения, под которым проводили географы и представители других дисциплин, изучающих религию [40; 41].

Наиболее известной в зарубежной географии является бохумская модель, рассматривающая развитие религии во взаимодействии с окружающей ее естественно-географической и социально-географической средой [219, р. 169]. Эта модель названа по наименованию города Бохум в Германии, где в 1970 г. сформулировал основные положения данного подхода один из основателей современной немецкой школы географии религии Манфред Бюттнер. Как считает С.А. Горохов [40], бохумская модель может служить превосходной отправной точкой для определения этапов развития географии религии. Однако сама модель не лишена недостатков, связанных, в том числе, со спецификой немецкой школы географии религии. Во-первых, это излишняя сконцентрированность на анализе окружающей

среды как уровня видимых индикаторов, во-вторых, это чрезмерный анализ идеологического уровня в ущерб социальному [40, с. 444].

В XVII в. произошел переход от религиозной географии («старой» церковной географии), которая испытывала значительное влияние теологии, к собственно географии религии. Пионерной в это плане стала работа Б. Кекерманна [239]. «Новая» церковная география сместила акцент с исследования только лишь распространения христианства на изучение различных религий, с которыми сталкивались европейские миссионеры. Именно тогда были заложены основы направления географии религий, названного в дальнейшем «деноминационной географией» [40, с. 451]. Также обозначились связи географии религий с демографией [232] и этнографией [227]. С.А. Горохов [40, с. 452] назвал данный этап развития географии религии («новой» церковной географии) *квазисекулярным*.

Окончание квазисекулярного этапа развития географии религии относится к концу XVII – началу XVIII столетий, что было связано с началом эпохи Просвещения. Наступает *секулярный* этап развития географии религий, характеризуемый снижением роли идеологической составляющей. Так, П. Бейль [28, с. 434] впервые обозначил наступающее XVIII столетие как век господства точек зрения, стоящих на политико-секулярных позициях. В XIX в. доминирующим в географии религий стал детерминистский подход, который получил свое продолжение и в XX в., в частности, в трудах Э. Сэмпл [251], ставшей продолжательницей идей Ф. Ратцеля.

Еще в XIX в. под влиянием детерминистского подхода в географии религии обозначился новый подход – *марксистский*. Представители данного подхода стали рассматривать религию в качестве внесоциального феномена. В целом же в этот период развития географии религии, который однако был характерен преимущественно для социалистических стран, не появилось значимых работ в этой отрасли науки. После смены в этих странах государственной идеологии в конце XX века встал вопрос о выборе дальнейшего пути исследований в религиозных дисциплинах, в том

числе и в географии религии. Так, например, украинские исследователи сделали ставку на собственные разработки, российские географы в большей мере стали ориентироваться в этом плане на современные западные научные школы [40, с. 455].

По сути, именно тогда, на рубеже 1980–1990-х гг., началось оформление географии религии в качестве научного направления как в украинской [172], так и в российской географии [122]. География религий стала достаточно популярным направлением исследований в украинской науке, было защищено несколько кандидатских диссертаций, посвященных как всей Украине [99; 153], так и ее регионам, например, Волынской и Львовской областям [114; 155]. География религии стала рассматриваться как одна из отраслей или социально-экономической [204], или культурной географии [173], были изданы учебники и монографии по географии религии Украины [98; 154].

В зарубежной науке в XX столетии обозначилось *социосекулярное* направление в географии религии, приверженцем которого был, например, французский исследователь Пьер Деффонтен [222]. Но начал формироваться и *синтетический* подход, объединяющий положения физико-теологического и детерминистского подходов. Первыми работами в рамках этого направления считаются труды П. Фикелера [228; 229] и Дэвида Софера [253; 254]. Еще одним основоположником синтетического, а точнее, *синтетико-аналитического*, подхода в географии религии в середине XX в. считается Эрих Исаак [234; 235].

Во второй половине XX – начале XXI вв., благодаря синтетико-аналитическому подходу, стало сосуществовать множество взглядов на тематику исследований в рамках географии религий. В частности, в качестве частных проявлений предмета изучения географии религии, согласно П. Фикелеру, признаются святость и религиозная толерантность, культовый символизм и значение сакральных цветов, звуков и направлений, влияние религии на ландшафты, сакральные растения и животные. По Э. Исааку, это

демографическое развитие религиозных групп, их размещение и структура, влияние религии на культурные ландшафты, теоретические аспекты географии религии. Согласно Д. Соферу, предметом изучения географии религии (деноминационной географии) являются ландшафты и пространственная организация определенных религиозных групп, сакральные центры и паломничество [40, с. 460].

С конца XX в. в зарубежной географии обозначились ростки *постсекулярного* этапа развития географии религии. Хотя географы пока сконцентрированы лишь на изучении последствий постсекулярности, проявляющихся, например, в обострении меж- и внутррелигиозных конфликтов. Тем не менее, господствующим в зарубежной географии религии в настоящее время является секулярный синтетический подход, так как осуществление анализа индивидуального религиозного опыта в силу объективных и субъективных факторов представляется крайне сложным на любом территориальном уровне [40, с. 463]. Так, в начале XXI в. появились работы, затрагивающие вопросы политической и социальной секуляризации [230; 257, однако пока единичными являются исследования, посвященные изучению феномена постсекулярного [231; 259].

1.1.2 Развитие конфессиональной географии в отечественной науке

В дореволюционный период в России география религий не существовала в качестве самостоятельного направления географии, однако сведения о конфессиональном составе населения были включены в общегеографические описания, особенно после проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. Хотя и до этого конфессиональная структура населения фиксировалась в ходе проведения ревизий населения (с XVIII в.) и учетов населения в разрезе губерний. Большой вклад в изучение, систематизацию и анализ итогов ревизий населения, включая сбор и обзор статистики по конфессиональному составу

населения на уровне губерний, внес В.М. Кабузан, опубликовавший с 1963 г. серию монографий [86–91]. Одна из этих монографий имеет прямое отношение к конфессиональной географии, т.к. посвящена распространению православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.) [90].

Также представления о конфессиональной принадлежности населения в дореволюционный период можно получить благодаря результатам церковного учета и метрическим книгам. Православные метрические книги велись с 1722 г., лютеранские – с 1764 г., католические – с 1826 г. (в ряде приходов с 1710 г.), мусульманские – с 1828 г., иудейские – с 1835 г. (в ряде приходов с 1804 г.), баптистские – с 1879 г. [9]. Кроме того, конфессиональная статистика за отдельные годы публиковалась в таких периодических изданиях, как «Губернские ведомости», «Обзоры губерний», а также в «Памятных книжках», выпускавшихся почти во всех губерниях и областях Российской империи с 1830-х гг. до 1917 г. [59]. Однако дореволюционная конфессиональная статистика стала вовлекаться в научный оборот в основном с конца XX в., по мере развития в отечественной науке исторической этнической и конфессиональной географии.

В советский период исследования по географии религий были достаточно редки и проводились преимущественно этнографами, при этом, в своем большинстве они базировались на зарубежном материале. Переписи населения, проводившиеся в СССР, не фиксировали религиозный состав населения. Исключение составила перепись населения 1937 г., однако ее результаты власти признали дефектными. При этом известно, что вопрос о религиозной принадлежности был введен лично Сталиным при просмотре окончательного варианта переписного листа. В ходе переписи 1937 г. свыше 56 % населения СССР указало о своей религиозной принадлежности, даже несмотря на активную антирелигиозную пропаганду [62].

В послевоенное время территориальные аспекты распространения религий стали изучаться в рамках географии населения в тесной связи с

географией этнического состава населения [5]. Рассматривались вопросы соотношения конфессиональной и этнической общностей [166]. Наиболее крупной работой этого периода была изданная в 1975 г. монография П.И. Пучкова «Современная география религий» [167], один из разделов которой посвящен традиционным вероисповеданиям народов СССР. Сведения о религиозном составе населения стран мира представлены также в изданном в 1986 г. (2-е изд.) этнодемографическом справочнике С.И. Брука «Население мира» [30]. Также нужно отметить издаваемое неоднократно в советское время справочное издание «Настольная книга атеиста» [146], где не только представлен географический срез (по странам мира) конфессионального состава населения, но и даны карты с религиями населения по зарубежным странам.

Воссоздание конфессиональной географии, теперь уже в качестве направления исследований культурной географии, пришлось на вторую половину 1980-х гг. (период перестройки) и первую половину 1990-х гг. (с началом постсоветского периода). Тогда же появилось много работ, подготовленных не географами, а религиоведами, этнополитологами и другим специалистами, но при этом затрагивающими аспекты территориального распределения религий и дающих фактический материал для исследований в рамках конфессиональной географии [187].

В 1992 г. была опубликована статья А.Д. Криндача [104], где географии религий рассматривается в качестве отдельного научного направления. Истории и географии Русской православной церкви были посвящены работы А.В. Даринского [54], В.Н. Антоновой с соавторами [10]. В последнем десятилетии XX в. разные вопросы конфессиональной географии России затрагивались в статьях А.Д. Криндача [105], С.Г. Сафронова [178; 179; 181]. Появились первые работы по географии религий отдельных регионов России, например, У.Н. Набиевой по Дагестану [144]. Новый импульс получили исследования по географии религий в зарубежных странах [164; 168; 169]. В конце XX в. были защищены две первые кандидатские диссертации по

конфессиональной географии: С.Г. Сафронова по географическим аспектам изучения религиозной сферы России [175] и С.А. Горохова по географии религиозно-общинных конфликтов в Индии [42].

В первом десятилетии XXI в. были защищены еще две кандидатские диссертации по конфессиональной географии: О.А. Балабейкиной [18] по Санкт-Петербургской епархии и И.Ю. Филимоновой [199] по Оренбургской области. В 2001 г. вышла монография С.Г. Сафронова [177], посвященная географии Русской православной церкви в конце XX в. К началу второго десятилетия XXI в. было опубликовано несколько монографий о Русской православной церкви и религиозных организациях мира [92–94], появились новые учебные пособия и словари по религиям мира [51; 95; 120; 171; 214], развивалось конфессиональное картографирование [165].

В 2010-е гг. было защищено сразу несколько кандидатских диссертаций, где затрагивались вопросы конфессиональной географии регионов России. Это были диссертации по Забайкальскому краю [38], Курганской области [1], Северному Кавказу [8], Псковской области [67]. Были защиты кандидатских диссертаций и по зарубежному миру: Северной Европе [211] и Африке [80]. И, наконец, в 2017 г. состоялась защита докторской диссертации С.А. Горохова [43], посвященная динамике конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции. В начале третьего десятилетия XXI в. следует отметить защиту кандидатской диссертации Т.А. Андреевой [6], где была представлена пространственная реконструкция монастырского строительства Русского Православия, начиная с X в.

1.1.3 Основные направления исследований в конфессиональной географии

В работе [5] было выделено три основных направления в рамках отечественной географии религии по состоянию на начало XXI в. В

настоящее время на наш взгляд можно выделить восемь основных и два стыковых со смежными науками направлений конфессиональной географии, которые получили развитие в России и странах ближнего зарубежья.

Во-первых, это разработка *теоретических аспектов географии религии*. В данных работах рассматриваются вопросы объекта и предмета данного научного направления. Среди исследований этого направления нужно отметить труды А.Д. Криндача [104; 204], С.Г. Сафронова [179; 181], В.М. Булаевой [31], К.В. Гориной [39], С.А. Горохова [40; 41; 44], В.А. Шальнева [205], С.И. Андреевской [7], А.Г. Манакова [126], О.А. Балабейкиной [16; 22], В.С. Дементьева [61], А.Н. Новикова [147] и ряда других авторов.

Во-вторых, это изучение *географии религии в мире и отдельных странах*, где, в частности, рассматриваются вопросы трансформации конфессионального пространства, а также влияния религии на территориальную организацию общества. К таким исследованиям нужно отнести, в первую очередь, монографии С.А. Горохова «География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства» [41] и И.А. Захарова «География религий: трансформация конфессионального пространства Африки» [79].

Изучению конфессионального пространства отдельных стран посвящены работы О.А. Балабейкиной и В.Л. Мартынова по Финляндии [19; 26], Швеции [25], Норвегии [23] и Польши [27], труды С.А. Горохова и Р.В. Дмитриева по географии религий Индии [42; 48; 49] и Латинской Америки [47], М.М. Агафошина и С.А. Горохова – по Западной Азии [3] и Швеции [2], И.А. Захарова, Р.В. Дмитриева и С.А. Горохова – по странам Африки [80–83]. В частности, в этих работах затрагиваются и такие вопросы, как религиозная конкуренция в мире, религиозные конфликты и др.

В качестве третьего направления исследований можно обозначить *изучение конфессиональной географии отдельных регионов России*, где рассматривается история формирования и современная территориальная

организация конфессионального пространства, проблемы религиозной сферы регионов и др. Такие исследования проводились на уровне Европейского Севера России [142], Кузбасса [208], Приамурья и Приморья [53], Орловской области [29], Северо-Запада России [63], Псковской области [143]. В эту же группу исследований входят обозначенные выше кандидатские диссертации, где освещаются вопросы конфессиональной географии отдельных регионов России [1; 8; 18; 38; 58; 199].

Четвертым направлением исследований можно считать проблематику **конфессионального районирования**. В этом плане нужно отметить работы, где разрабатываются теоретические основы районирования в географии религий, например, в статье В.В. Шведовой [206], а также предпринимаются на практике осуществить конфессиональное районирование на уровне отдельных регионов, например, И.Н. Корнева и И.В. Абросимовой в Курганской области [102], Ф.В. Шитикова в Бурятии [209], С.И. Андреевской на Северном Кавказе [8]. Кроме того, нужно отметить работы Г.З. Озем, посвященные конфессиональному районированию Республики Беларусь [150; 151], а также статью С.А. Горохова [45], где данная проблематика рассмотрена на уровне всего мира.

К региональным исследованиям по конфессиональной географии тесно примыкают работы по **исторической конфессиональной географии России и ее регионов**, которые в настоящее время уже можно отнести к отдельному направлению. Эти работы опираются на конфессиональную статистику по итогам проведения ревизий населения XVIII и XIX вв., результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., а также на другие источники. К этому направлению исследований применительно ко всей территории России можно отнести работы В.М. Кабузана А.Г. [90], С.Г. Сафронова [176], А.Г. Манакова и П.Э. Суворкова [136], по Псковскому региону и Северо-Западу России – В.С. Дементьева [60; 61; 129], бывшей территории Санкт-Петербургской епархии – О.А. Балабейкиной [14; 18], Выборгской губернии – Ю.И. Крипатовой [106],

Также заслуживают рассмотрения в качестве отдельного направления конфессиональной географии изучение *территориальной организации Русской православной церкви* в разные временные интервалы и в разных регионах страны. К этой группе исследований относятся, например, работы на уровне всей России О.А. Балабейкиной [15], а также и В.С. Дементьева, как на уровне всей страны [71], так и Северо-Запада России в средневековый период [66], советский и постсоветский периоды [65], Псковского региона в XVIII–XXI вв. [64].

С формальной точки зрения к отдельному направлению конфессиональной географии можно отнести *изучение конфессиональных (религиозных) ландшафтов* отдельных территорий, включая анализ их эволюции (или трансформации). Но зачастую конфессиональный (религиозный) ландшафт является понятием, аналогичным конфессиональному пространству, хотя и с рядом оговорок, т.к. в целом такие исследования в большей степени опираются на концепцию культурного ландшафта, разработанную в рамках отечественной культурной географии, задающую несколько иную направленность исследований, чем в собственно конфессиональной географии [161].

Исследования по изучению формирования и современного состояния конфессионального (религиозного) ландшафта наиболее распространены в работах, посвященных азиатским регионам России, в частности, Западной Сибири [55–57], Хакасии [12], Забайкалью [75] и Дальнему Востоку [197]. При этом в качестве аналога «религиозного ландшафта» иногда выступают «сакральный ландшафт» и «духовный ландшафт». Так, понятие «сакральный ландшафт» обычно используется для обозначения совокупности религиозных материальных объектов, чаще всего мест или объектов поклонения природного характера. «Духовный ландшафт» понимается шире, как обобщающий термин, который описывает все аспекты взаимодействия человека со сверхчувственным миром [161].

Таким образом, еще одним направлением исследований, которое можно рассматривать в рамках географии религии, хотя и не строго укладывающимся в последнюю, является *сакральная география*. Изучение сакрального пространства развивается в России [13; 115; 117; 157 и др.], Республике Беларусь [119], но особое внимание развитию данного направления с 1990-х гг. уделялось украинскими учеными. Так, П.В. Шуканов проанализировал методологические основы развития сакральной географии [210], а Л.Т. Шевчуком [207] было подготовлено учебное пособие по сакральной географии Украины. В качестве основополагающей работы этого направления в украинской науке принято считать опубликованные в 1993 г. тезисы выступления О.И. Шабля и А.И. Висьтак [203]. Причем, сакральная география в этой работе рассматривалась как некий аналог, или даже замена конфессиональной географии, т.к. не было проведено четкой границы между сакральной географией и географией религии [40, с. 452].

Первым стыковым направлением конфессиональной географии, которое можно отнести также и к географии туризма, является *изучение религиозного (в т.ч. паломнического) туризма*. В настоящее время религиозному туризму посвящено достаточно много работ российских авторов. В этих трудах религиозный туризм рассматривается и как важная часть современной индустрии туризма [182], и как составляющая брендинга конкретных территорий [20], и как один из приоритетных видов российского туризма [121; 174; 216]. Но более близки к конфессиональной географии и географии культуры в целом исследования, где религиозный туризм рассматривается в качестве механизма поддержания духовно-культурных процессов в России [4; 149]. Кроме того, следует также отметить издание подготовленного Т.Т. Христовым учебного пособия «Религиозный туризм» [200].

И, наконец, на стыке с картографией развивается *конфессиональное картографирование*, в число задач которого входит систематизация данных о действующих общинах и религиозных организациях, а также тематическое

картографирование религиозной сферы. Основопологающей здесь можно считать статью П.И. Пучкова по развитию конфессионального картографирования, опубликованную в 2007 г. в «Этнографическом обозрении» [165]. Также в этом плане нужно отметить кандидатскую диссертацию Т.А. Андреевой (2023 г.), где представлена картографическая реконструкция монастырского строительства Русского Православия X–XXI вв. [6]. Религиям посвящен раздел Национального атласа России, изданного в 2008 г. [170], в 2009 г. было подготовлено издание «Народы России: Атлас культур и религий» [145], в 2013 г. была опубликована «Интерактивная карта всех религиозных общин России» [84]. В Республике Беларусь в 2007 г. был подготовлен электронный аналитический географический атлас «Конфессии и культовые сооружения Беларуси» [158].

Таким образом, декларируемое в данной работе изучение трансформации конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики в XIX – начале XXI вв. можно отнести к группам исследований по конфессиональной географии регионов России и зарубежных стран, при этом имеющим историко-географическую направленность.

1.2 Конфессиональное пространство как объект географии религии

1.2.1 Эволюция представлений о конфессиональном пространстве в конце XX – начале XXI веков

Слово «конфессия» происходит от латинского confessio (исповедание), и означает определенное вероисповедание, или же направление в рамках отдельной религии, а также объединение верующих, которые придерживаются данного вероисповедания. Иногда конфессия отождествляется с понятием «деноминация» [169].

Различные подходы к пониманию конфессионального пространства, сложившиеся в отечественной географии, лучше рассмотреть с помощью

кандидатских и докторских диссертаций, в качестве объекта исследований в которых выступает конфессиональное пространство. При этом, логичнее использовать хронологический порядок защиты диссертаций, чтобы проследить эволюцию представлений о конфессиональном пространстве в отечественной науке, определив ключевые концепции, на которые опирались данные исследования.

Так, С.Г. Сафронов (1998) в своей кандидатской диссертации под конфессиональным пространством предложил понимать результат территориального сочетания следующих религиозных элементов: 1) носителей определенной веры; 2) объекты общественных институтов, связанных с обслуживанием и воспроизводством исповедания; 3) религиозное наследие, организующее религиозную деятельность; 4) центры управления территориальных единиц; 5) конфессиональную символику. Кроме того, им была обозначена материальная база конфессионального пространства, к которой относятся капитальные сооружения (храмы, соборы, часовни, мечети, дацаны и др.) [175].

В кандидатской диссертации О.А. Балабейкиной (2005) под конфессиональным пространством понимается территория, «в пределах которой осуществляется религиозная деятельность и располагаются объекты конфессиональной инфраструктуры, объединенные в территориально-административные единицы различных конфессий, если они институционально оформлены» [18, с. 6]. Так, например, в качестве части конфессионального пространства ею рассматривается структура епархий Русской православной церкви. При этом О.А. Балабейкина, обращаясь к учению о **территориальных рекреационных системах** В.С. Преображенского, использует также термин «конфессиональная территориальная система», под которым понимает «систему религиозных учреждений и организаций с их штатом священнослужителей и религиозной инфраструктурой, обеспечивающих удовлетворение религиозных потребностей населения в данной системе расселения» [18, с. 6].

И.Ю. Филимонова (2006) конфессиональное пространство обозначила как «форму существования конфессиональных объектов и явлений, а также совокупность отношений между конфессиональными объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени» [199, с. 42]. При этом дифференциацию конфессионального пространства И.Ю. Филимонова рассматривает с позиции концепции **геоэтнокультурных систем**, в качестве частного случая которых выделяет геоэтноконфессиональные системы. В качестве компонентов этих систем рассматриваются: 1) «носители веры (в совокупности составляющие религиозные организации) или культурных (религиозных и национальных) традиций...; 2) элементы **культурного ландшафта** (включая религиозный ландшафт и элементы светского ландшафта)» [199, с. 43].

К.В. Горина (2011) предложила конфессиональное пространство рассматривать в качестве «одной из важных категорий культурной среды региона, включающей в себя комплекс элементов религиозно-территориальной системы: носителей веры, религиозной инфраструктуры и атрибутивно-обрядовой части» [38, с. 4]. Далее в диссертации К.В. Гориной отмечается, что человек как носитель веры создает особенности **религиозно-культурного ландшафта** территории, вместе с тем, происходит формирование **этноконфессиональных сообществ**. В качестве своеобразного результата освоения территории выступает **дифференциация населения по религиозному признаку** [38].

В кандидатской диссертации И.В. Абросимовой (2013) определение конфессионального пространства дается в тесной связи с понятиями **геокультурного пространства** и этноконфессионального пространства. По ее мнению, этноконфессиональное пространство является более емким понятием, чем взятые по отдельности культурное (этнокультурное), этническое и конфессиональное пространства, и образуется на пересечении данных пространств, но при этом выполняет роль их системообразующего ядра [1, с. 7].

В работе С.И. Андреевой (2015) конфессиональное пространство рассматривается в качестве части **геокультурного пространства**, которая является результатом обособления, взаимодействия и развития конфессиональных групп, формирующих конфессиональные **геокультурные системы**. По ее мнению, изучение конфессионального пространства с позиции географической науки предполагает анализ территориальной организации конфессий, их динамики, взаимодействия и развития [8, с. 6]. При этом С.И. Андреева предлагает выделять **вертикальную и горизонтальную структуры** конфессионального пространства, первая из которых связывается с особыми компонентами духовной и материальной культуры конфессий, а вторая отражает закономерности территориальной дифференциации конфессионального пространства и может быть представлена в виде системы таксонов **конфессионального районирования** [8, с. 6].

И, наконец, С.А. Горохов (2017) в докторской диссертации представляет свое видение конфессионального пространства. Так, он вводит понятие «**конфессиональное геопространство**», которому дает определение в рамках синтетического подхода. Под конфессиональным геопространством он предложил понимать «систему отношений, во-первых, между социальными общностями, образованными совокупностями религиозно идентифицирующих себя индивидуумов, и, во-вторых, между этими же общностями и создаваемыми в результате их деятельности культовыми и некультовыми объектами» [43, с. 7]. При этом С.А. Горохов подчеркивает, что в его исследовании концентрируется внимание «на совокупности социальных отношений в рамках конфессионального геопространства, и остаются в стороне **социально-ландшафтные связи**» [43, с. 46]. Аналогичная терминология, включая и понятие конфессионального геопространства, используется в кандидатской диссертации И.А. Захарова (2019), посвященной трансформации конфессионального пространства Африки [80].

Представленный обзор позволяет проследить, как менялось представление о конфессиональном пространстве и его составляющих по мере развития отечественной культурной географии с конца XX в. по настоящее время. В конце XX и начале XXI вв. основное внимание при изучении конфессионального пространства уделялось анализу территориального распространения религиозных организаций, религиозно-культурной инфраструктуры и атрибутивно-обрядовой составляющей, что прослеживается, например, в работах С.Г. Сафронова [176; 177; 180], В.М. Булаевой и К.В. Гориной [31; 39], Ф.В. Шитикова [209] и др.

О.А. Балабейкиной и А.Л. Дмитриевым [22] был задан более широкий круг исследований религиозного регионоведения, хотя из четырех обозначенных ими предметных направлений (историко-культурологического, пространственного, политико-правового и социально-экономического) только одно, имеющее хронологический характер (пространственное), «развивается в рамках географии религий и базируется на изучении структуры расселения последователей определенных религий... в регионах и странах» [22, с. 48].

С рубежа XX–XXI вв. исследования по изучению конфессионального пространства регионов России все в большей степени опираются на концепции, развиваемые в это время в отечественной культурной географии, а именно, концепции культурных ландшафтов, геоэтнокультурных систем и геокультурного пространства. Это, в частности, подтверждается представленными выше определениями конфессионального пространства в кандидатских диссертациях И.Ю. Филимоновой (2006), И.В. Абросимовой (2013) и С.И. Андреевской (2015). Несколько особняком в этом плане стоят докторская диссертация С.А. Горохова (2017) и кандидатская диссертация И.А. Захарова (2019), где география религий рассматривается на стыке культурной и социальной географии.

1.2.2 Концепции отечественной географии, на которые опирается изучение конфессионального пространства

В кандидатских диссертациях И.Ю. Филимоновой (2006) и К.В. Гориной (2011) имеется отсыл к *концепции культурных ландшафтов*, разрабатываемой в зарубежной и отечественной науке. Так, В.Н. Стрелецкий [187] отмечает, что исследования в области культурного ландшафта стали одним из наиболее быстро и успешно развивающихся направлений отечественной культурной географии уже с середины 1980-х гг. [187, с. 402]. Повторное «открытие» культурного ландшафта в отечественной географии во второй половине 1980-х гг., после более чем полувекового перерыва, вызванного свертыванием культурно-географической тематики в СССР к началу 1930-х гг., было сделано целым рядом исследователей – Ю.А. Ведениным, М.А. Кулешовой, Б.Б. Родоманом, В.Л. Каганским, Р.Ф. Туровским, Т.М. Красовской, В.Н. Калуцковым и др. [198, с. 129].

Хотя и в обозначенный полувековой период продолжалось использование термина «культурный ландшафт», который, однако, носил природоцентричный характер. В это время концепцию культурного ландшафта разрабатывали физико-географы В.Л. Котельников, Д.В. Богданов, С.В. Калесник, А.Г. Исаченко и др., а культурный ландшафт рассматривался как разновидность антропогенного ландшафта, в противовес акультурным ландшафтам [74]. Наиболее значимый перелом в изучении культурного ландшафта в отечественной географии произошел в конце 1980-х гг. – первой половине 1990-х гг., когда в структуре культурного ландшафта начали выделять слой нематериальной (духовной) культуры [122, с. 28].

Ю.А. Веденин [33] определил культурный ландшафт как «целостную и территориально-локализованную совокупность природных, технических и социально-культурных явлений, сформировавшихся в результате соединенного действия природных процессов и художественно-творческой,

интеллектуально-созидательной и рутинной жизнеобеспечивающей деятельности людей» [33, с. 9].

Р.Ф. Туровский в своей монографии «Культурные ландшафты России» [196] определяет культурный ландшафт как синтез частных культурных пространств, к числу которых относится и конфессиональное пространство, которое включает территории проживания различных конфессиональных групп. В пределах конфессионального пространства можно выделять «центры религиозной жизни – епархиальные центры, монастыри, места паломничества, места расположения чтимых, чудотворных икон и других религиозных святынь... Конфессиональное пространство создается также деятельностью религиозных подвижников – святых, старцев, миссионеров, прославленных священников, епископов и др.» [196, с. 38]. Также нужно отметить, что конфессиональная составляющая культурных ландшафтов была учтена Р.Ф. Туровским при осуществлении культурно-ландшафтного районирования России.

В кандидатской диссертации И.Ю. Филимоновой (2006) в качестве элементов культурного ландшафта, входящих в геоэтноконфессиональные системы, рассмотрены: 1) «религиозный ландшафт, состоящий из материальных объектов религиозной инфраструктуры (культовых объектов, религиозных кладбищ, религиозных образовательных учреждений)»; 2) «сакральный ландшафт (святые источники, могильники, городища и др.)»; 3) светский ландшафт, несущий в себе реминисценции религий народов [199, с. 6].

Как отмечено выше, в работе И.Ю. Филимоновой (2006) дифференциация конфессионального пространства рассматривается с позиции *концепции геоэтнокультурных систем*. Концепция геоэтнокультурных систем (ГЭКС) в отечественной географии была разработана в начале 1990-х гг. культур-географом А.Г. Дружининым и социологом С.Я. Суцим и [76; 188]. Под ГЭКС авторы концепции понимают «территориальную (географическую) целостность, локализованную в

пределах определенного ареала и формируемую взаимодействием этнических общностей, антропогенезированных природных комплексов (ландшафтов) и особых форм пространственной организации общества (территориальных общественных систем) в процессе природопользования» [188, с. 17–18].

Кандидатские диссертации И.В. Абросимовой (2013) и С.И. Андреевской (2015) в значительной степени опираются на *концепцию геокультурного пространства*. Д.А. Дирин [72] относит геокультурное пространство к ключевым понятиям культурной географии. В.Н. Калущков [96] считает геокультурное (или культурно-географическое) пространство основным объектом культурной географии. А.Г. Манакосым [122] геокультурное пространство рассматривается как «структурный компонент географического пространства, сфера и продукт человеческой деятельности, представляющий собой совокупность взаимодействующих геокультурных систем, состоящих из геокультурных общностей людей разного порядка и элементов антропогенного (искусственного) происхождения» [122, с. 26–27]. Геокультурное пространство обладает рядом важнейших черт: 1) многомерностью; 2) многослойностью; 3) иерархичностью; 4) одновременно континуальностью и дискретностью; 5) динамизмом [73; 74].

В отличие от культурного ландшафта, включающего два основных слоя – природный и культурный [33, с. 10], в концепции геокультурного пространства (ГКП) «природный ландшафт рассматривается только как основа для формирования геокультурных систем, в результате чего экологический аспект исследований передает первенство хронологическому подходу» [122, с. 30]. При этом в вертикальной структуре геокультурного пространства важное место занимает конфессиональный слой. Соответственно, религиозный фактор значится среди важнейших факторов дифференциации ГКП, в т.ч. при осуществлении интегрального культурно-географического районирования [123].

Нужно отметить, что в своей диссертации С.И. Андреянова (2015) четко разделяет понятия «религиозное пространство» и «конфессиональное пространство». Под первым С.И. Андреянова понимает философскую категорию, отражающую в большей степени факт диверсификации религиозной составляющей мирового социума, а под вторым – собственно часть геокультурного пространства [8, с. 6]. По аналогии с данными понятиями можно предложить ввести различие между часто применяемыми специалистами разных научных направлений терминами «религиозный ландшафт» и «конфессиональный ландшафт». Второй из них логичнее использовать в рамках концепции культурного ландшафта, оставив первый (более широкий) термин для исследований иной направленности.

Несмотря на декларируемую в кандидатской диссертации И.Ю. Филимоновой (2006) опору на концепцию геоэтнокультурных систем, фактически в работе используются понятия и методы, обычно соотносимые с концепцией геокультурного пространства. В частности, в диссертации осуществлено этноконфессиональное районирование Оренбургской области, предложен и апробирован ряд показателей, которые позволяют проследить особенности территориальной структуры конфессионального пространства [199].

По мере развития концепции геокультурного пространства начали создаваться предпосылки для формирования *концепции этноконтактных зон* (ЭКЗ). Данное понятие стало использоваться этнографами с 1980-х гг., а в отечественной культурной географии было сначала применено в концепции геоэтнокультурных систем (в качестве одного из элементов ГЭКС, наряду я ядрами, регионами, социокультурными и этнокультурными полями) [188], а затем и в разработках в рамках концепции геокультурного пространства [122].

По аналогии с этноконтактными зонами было разработано понятие «*конфессиональные контактные зоны*» (ККЗ) [109]. При этом в рамках концепции этноконтактных зон (конфессиональных контактных зон) идет

разработка собственного научно-исследовательского аппарата, в первую очередь, позволяющего оценить степень выраженности этнических и конфессиональных контактных зон (ЭКЗ и ККЗ) [194], а также проследить их динамику [113; 192; 193; 195].

В целом же в данном исследовании можно принять определение конфессионального пространства в рамках концепции геокультурного пространства. Так, конфессиональное пространство рассматривается как часть геокультурного пространства, состоящее из взаимодействующих конфессиональных (религиозных) систем, включающих конфессиональные общности людей разного порядка и уровня с соответствующими атрибутами их деятельности.

1.2.3 Структура конфессионального пространства

По мере развития отечественной культурной географии представления о структуре конфессионального пространства также претерпевали некоторые изменения, что можно объяснить постепенным смещением центра тяжести в исследованиях отечественной географии религий от изучения конфессиональных ландшафтов (в качестве слоя культурного ландшафта) к рассмотрению конфессионального пространства как части геокультурного пространства.

Поэтому в структуре конфессионального пространства до сих пор разные авторы выделяют элементы, соответствующие двум данным концепциям (культурных ландшафтов и геокультурного пространства). Так, например, В.С. Дементьев [61] обозначил совокупность взаимосвязанных между собой различных компонентов и структурных элементов, которые принято учитывать при изучении конфессионального пространства: «религиозный состав населения (в т.ч. половозрастной, национальный, образовательный состав религиозных групп), религиозно-культурную инфраструктуру (церкви, соборы, мечети, дацаны, костелы, кирхи,

монастыри и др.), церковно-территориальное устройство (епархии, деканаты, благочиния, митрополии и др.), атрибутивно-обрядовую составляющую (крестные ходы, паломничество, символику, обряды, религиозные культы и др.)» [61, с. 119].

Но при рассмотрении конфессионального пространства как части геокультурного пространства обычно анализируются в первую очередь две его структуры: вертикальная (*компонентная*) и горизонтальная (*территориальная*). Наиболее четко такое видение структуры конфессионального пространства представлено в работах С.А. Горохова [41; 43], который подчеркивает, что в своих исследованиях он «концентрирует внимание именно на совокупности социальных отношений в рамках конфессионального геопространства, оставляя в стороне социально-ландшафтные отношения» [41, с. 38], тем самым отдаляясь от концепции культурного ландшафта.

Пожалуй, менее дискуссионным является рассмотрение в качестве *элементов компонентной структуры* конфессионального пространства «отдельных религий, религиозных направлений и течений, религиозных деноминаций и общин» [41, с. 39]. Хотя в процессе анализа компонентной структуры конфессионального пространства зачастую приходится учитывать также этнический состав населения, особенно в случае отсутствия или неполноты статистики по вероисповеданию (в первую очередь, в России, где в переписях не фиксируется религиозная принадлежность населения). Не случайно, что в ряде работ на уровне регионов России изучается не конфессиональное, а этноконфессиональное пространство [1; 67; 199; 209]. И тогда оправданным становится включение в качестве вспомогательных элементов в «вертикальную» структуру конфессионального пространства, например, атрибутивно-обрядовой (К.В. Горина, 2011 [38]), или празднично-обрядовой (И.В. Абросимова, 2013 [1]) составляющей, «особых компонентов духовной и материальной культуры конфессий» (С.И. Андреянова, 2015 [8, с. 6]).

Следует различать две принципиально разные процедуры делимитации конфессионального пространства: 1) выделение элементов территориальной структуры конфессионального пространства; 2) конфессиональное районирование территории. Большеобразие характеризует выделение *элементов территориальной структуры* конфессионального пространства. Так, С.Г. Сафронов [176; 180] предложил в территориальной структуре конфессионального пространства выделять крупные конфессиональные плиты, соответствующие сферам влияния мировых религий, «границы между которыми не всегда четкие и скорее представляют собой переходные контактные зоны» [180, с. 90]. Таким образом, в данном случае выделяется всего два элемента территориальной структуры (*конфессиональные плиты и контактные зоны*), причем не предлагается критерия их разграничения, что явно сужает возможности их географического анализа.

В связи с этим можно обратить внимание на элементы территориальной структуры геэтнокультурных систем, выделяемые авторами данной концепции С.Я. Сушим и А.Г. Дружининым [188, с. 24, 101]: *ядро ГЭКС, полупериферия и периферия* (регионы), *контактная зона, поле* (социокультурное, геокультурное и геополитическое). К тому же авторы концепции подчеркивают, что определение любой территории как ядра, периферии, контактной зоны и т.д. окажется корректным лишь применительно к определенной геэтнокультурной системе... Территория, выступающая в одном случае как контактная зона, в иной ситуации предстает ядром и т.п.» [188, с. 24].

На наш взгляд, существует потребность в определении количественных критериев для разграничения основных элементов территориальной структуры конфессионального пространства, в качестве которых выступают *конфессиональные ядра* (или моноконфессиональные территории) и *конфессиональные контактные зоны*. Примером может послужить предложенная С.А. Гороховым классификация территориальных единиц по

степени конфессиональной неоднородности (основываясь на величине модифицированного индекса мозаичности): 1) крайне гомогенные; 2) относительно гомогенные; 3) относительно гетерогенные; 4) крайне гетерогенные [41, с. 106]. Данные количественные критерии можно использовать для отделения конфессиональных ядер (моноконфессиональных территорий) от конфессиональных контактных зон, а также для разделения контактных зон по степени выраженности.

Но чаще первую процедуру делимитации конфессионального пространства исследователи оставляют без описания, и их внимание концентрируется на изложении собственно методики *конфессионального районирования*. Так, в кандидатской диссертации С.И. Андреевой (2015) осуществлено конфессиональное районирование Северного Кавказа, для чего была разработана иерархия таксонов районирования (снизу вверх): конфессиональный район, конфессиональный округ (аварский, даргинский, кумыкский и др.), конфессиональная область (дагестанская, чечено-ингушская, осетинская и др.), конфессиональная провинция (нахско-дагестанская, северокавказская, восточно-кавказская, южная и др.), конфессиональный край (русский, закавказский и др.), конфессиональная страна (православная, шиитская, суннитская, протестантская), конфессиональный мир (исламский и христианский).

В большинстве других исследований, выполненных на уровне регионов России, осуществлено не конфессиональное, а этноконфессиональное районирование. И.Ю. Филимонова (2006) в своей кандидатской диссертации предложила использовать два таксона этноконфессионального районирования – провинции и округа. На территории Оренбургской области ею было выделено 6 этноконфессиональных провинций (с преобладанием православной, мусульманской культуры или их приблизительно равным соотношением) и 10 этноконфессиональных округов (учитывающих этнический состав населения). Ф.В. Шитиков [209] по схожему принципу осуществил этноконфессиональное районирование Бурятии, но в качестве

таксонов районирования принял провинции и подпровинции. На территории Бурятии он выделил 11 провинций, две из которых разделил на подпровинции.

Более простым выглядит этноконфессиональное районирование Курганской области, проведенное И.В. Абросимовой (2013). Основываясь на сочетании компонентной этноконфессиональной структуры территорий, ею было предложено выделение двух уровней иерархии: этноконфессиональный район – этноконфессиональная местность. При этом вся территория Курганской области отнесена к рангу этноконфессионального района, внутри которого выделено три этноконфессиональных местности: 1) преимущественно славяно-православной; 2) с повышенной долей тюркско-исламской (мусульманской) составляющей; 3) «смешанной» [1; 102].

В работах Г.З. Озем [150; 151], где представлены результаты конфессионального районирования Беларуси, на первом этапе были определены типы и подтипы административных единиц Беларуси по особенностям развития конфессиональных структур. В частности, выделены моноконфессиональные, биконфессиональные и поликонфессиональные типы территорий с разбивкой на подтипы в зависимости от динамики компонентной конфессиональной структуры. Данная типология административных единиц Беларуси позволила перейти к конфессиональному (религиозному) районированию. Выделенные в итоге религиозные районы Беларуси представляют собой «устойчивые территориальные сочетания конфессиональных типов административных единиц» [150, с. 94].

В нашем исследовании используется схожая методика историко-конфессионального районирования, благодаря чему на территории Северо-Запада России и стран Прибалтики выделено двадцать историко-конфессиональных районов и четыре города (Санкт-Петербург, Таллин, Рига и Вильнюс), которые характеризуются специфической конфессиональной структурой населения или на рубеже XIX–XX вв., или в настоящее время.

Таким образом, конфессиональное пространство в данном исследовании рассматривается как часть геокультурного пространства, состоящее из взаимодействующих конфессиональных (религиозных) систем, включающих конфессиональные общности людей разного порядка и уровня с соответствующими атрибутами их деятельности. Элементами компонентной структуры конфессионального пространства являются отдельные религии, религиозные направления и течения, религиозные деноминации и общины. В качестве основных элементов территориальной структуры конфессионального пространства выступают конфессиональные ядра (моноконфессиональные территории) и конфессиональные контактные зоны разной степени выраженности.

1.3 Методы изучения конфессионального пространства

1.3.1 Основные показатели, используемые при изучении структуры конфессионального пространства

Во многих исследованиях по конфессиональной географии стран и регионов используется показатель, позволяющий оценить степень сложности (неоднородности, разнообразия) конфессионального состава населения. Исследователи называют этот показатель или *индексом мозаичности конфессионального состава* (ИМКС) [199, с. 10], или *индексом конфессиональной мозаичности* (ИКМ) [150, с. 92], но чаще всего – *индексом религиозной мозаичности* (ИРМ) [61; 113; 122; 130; 136; 192 и др.].

Индекс религиозной мозаичности рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{ИРМ} = 1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2,$$

где m – количество религий (или религиозных направлений) в стране или регионе, p_i – доля приверженцев i -й религии (или религиозного направления) в стране или регионе.

ИРМ является аналогом *индекса этнической мозаичности* (ИЭМ), предложенного для применения в отечественной этнической географии и этнодемографии Б.М. Эккелем [212; 213] во второй половине 1970-х гг., за что данный показатель иногда называют индексом Эккеля. Но нужно отметить, что в зарубежной науке данный индекс начал использоваться примерно на два десятилетия раньше. Там его называют *индексом этнической фракционализации* [220; 221; 249]. Его предложил Дж. Гринберг [233] в 1956 г. для измерения языкового разнообразия, и потому показатель изначально обозначался как индекс *лингвистической фракционализации*. Позже его стали называть индексом *этнолингвистической фракционализации*, и такое название иногда используется и сейчас [244; 246; 258].

Значения ИРМ укладываются в интервал от 0 (в случае, если в стране или регионе все население исповедует одну религию) до $1-1/m$ (наиболее поликонфессиональная территория). Чем величина ИРМ ближе к 1, тем больше степень конфессионального разнообразия территории, однако значение ИРМ не может достигать 1. Максимальное значение индекса зависит от количества конфессий, представленных в стране или регионе.

С.А. Горохов обратил внимание на два основных недостатка ИРМ, а именно: 1) нечеткость диапазона принимаемых значений и 2) неявную зависимость величины индекса от числа религий, исповедуемых в стране или регионе [41, с. 102; 46, с. 57]. Чтобы избежать эти недостатки, С.А. Горохов предложил использование нормированного варианта индекса мозаичности (*модифицированного индекса религиозной мозаичности*), рассчитываемого путем деления ИРМ на $1-1/m$:

$$\text{ИРМ}_M = \frac{1 - \sum_{i=1}^m \pi_i^2}{1 - 1/m}.$$

Таким образом, ИРМ_М не зависит от количества конфессий, представленных в стране или регионе, и его значения укладываются в интервал от 0 до 1. Важно отметить, что расчет ИРМ_М правильнее строить по укрупненным конфессиональным группам населения, охватывающим приверженцев или отдельных религий (например, иудаизма, ислама, буддизма), или же основных направлений христианства (католицизма, православия, протестантизма), но не деноминаций протестантизма (т.е. лютеранства, кальвинизма, англиканства, баптизма, методизма, адвентизма, пятидесятничества и т.д.). Хотя возможен вариант учета всех конфессиональных групп, но тогда требуется введение специальных коэффициентов, позволяющих оценить степень комплиментарности (культурной близости/контрастности) данных конфессиональных групп, что будет рассмотрено ниже.

В современной структуре общества представлена достаточно значительная группа населения, по каким-либо причинам не указывающая свою религиозную принадлежность, а также лиц, называющих себя атеистами. Данные категории населения не должны учитываться при расчете ИРМ_М, однако они не могут быть игнорированы при оценке конфессиональной структуры общества в целом, особенно в наиболее секуляризованных странах. С.А. Горохов [41, с. 132] предложил решить данную проблему путем внедрения *индекса общей мозаичности*, в расчет которого, наравне с приверженцами разных религий, включена категория нерелигиозного населения (т.е. атеистов и лиц, не обозначивших своей религиозной принадлежности). Таким образом, расчеты индексов общей и религиозной мозаичности позволяют характеризовать конфессиональную ситуацию в секуляризованных странах.

В нашем исследовании также рассчитываются оба индекса, предложенные С.А. Гороховым (общей и религиозной мозаичности), однако общий индекс мозаичности предложено обозначить как *модифицированный индекс конфессиональной мозаичности* (ИКМ_М), чтобы его не путать с рассмотренным выше модифицированным индексом религиозной мозаичности (ИРМ_М).

В работе [193] был предложен показатель, позволяющий оценить вероятность встречи последователей двух религий (вероисповеданий) в определенном регионе. Этот показатель был назван *индексом религиозной контактности* (ИРК), и рассчитывается он по формуле:

$$\text{ИРК} = k * 2 * P_A * P_B,$$

где P_A – доля последователей вероисповедания А в населении определенной территориальной единицы, P_B – доля последователей вероисповедания В в населении той же территории, k – поправочный коэффициент, отражающий «межконфессиональные расстояния».

Формально ИРК можно считать вариантом ИРМ, рассчитываемым для двухкомпонентных конфессиональных систем. Тем не менее, в расчете ИРК используется коэффициент, который не позволяет отождествлять эти два индекса. Индекс религиозной контактности является аналогом индекса этнической контактности (ИЭК), предложенного Н.К. Терениной [189] для изучения двухкомпонентных этноконтактных зон. Что же касается поправочного коэффициента k , то он нуждается в отдельном рассмотрении, и его суть раскрыта ниже.

Величина ИРК изменяется от 0 до 0,5. Чтобы выровнять интервалы значений ИРК с модифицированными вариантами индекса религиозной (или конфессиональной) мозаичности (ИРМ_М и ИКМ_М), можно также рассчитывать *модифицированный индекс религиозной контактности* (МИРК) по формуле:

$$\text{ИРК}_M = k * 4 * P_A * P_B.$$

Коэффициент k при расчете ИЭК (т.е. оценке вероятности контакта между представителями двух этносов) позволяет учесть «межэтнические расстояния», которые этнодемограф Е.Л. Сороко [184; 255] предложил определять путем количественной оценки склонности представителей разных этносов к образованию смешанных супружеских пар. Е.Л. Сороко рассчитал «межэтнические расстояния» для нескольких десятков пар этносов России по итогам переписи населения 2010 г. [184]. Н.К. Теренина [190] использовала предложенные Е.Л. Сороко коэффициенты для расчета ИЭК регионального уровня на примере республик Урало-Поволжья. Показатель k она предложила называть *коэффициентом этнической контрастности* (КЭК), или же «*коэффициентом Сороко*».

Е.Л. Сороко отмечал, что значение коэффициента, равное единице, соответствует полному отсутствию каких-либо предпочтений представителей двух этносов при заключении смешанных браков. Значение коэффициента менее единицы характеризует наличие предпочтения при создании этнически смешанных семей, а более единицы – наличие серьезных барьеров при заключении браков между представителями определенных национальностей [184, с. 113].

Хотя Е.Л. Сороко не рассчитывал «межконфессиональные расстояния», но Н.К. Теренина предложила оценить последние, опираясь на КЭК в парах народов, которые могли бы послужить аналогами при принятии соответствующих *коэффициентов религиозной контрастности* (КРК). Так, например, в работе [194] были приняты следующие величины КРК: 1) между православными и мусульманами – 1,55 (в соответствии с «межэтническими расстояниями» в паре русские-башкиры [181, с. 113]); 2) между православными и буддистами – 1,1 (соответствует КЭК в паре русские-буряты [181, с. 114]); 3) между православными и нерелигиозным населением – 0,3 (соответствует минимальному значению КЭК между наиболее близкими народами, например, татарами и башкирами). По

аналогии принималась величина КРК в парах последователей других религий.

Апробация данных величин КРК на уровне регионов России [194], опираясь на результаты опроса населения, проведенного в августе 2012 г. некоммерческой исследовательской службой «Среда» в рамках проекта «Арена» [11], показала, что данный показатель в полной мере может использоваться как для оценки религиозной контрастности на уровне субъектов Российской Федерации, так и для оценки степени выраженности *конфессиональных контактных зон* благодаря корректировке рассчитанных для административных единиц ИРМ путем умножения на величину КРК.

1.3.2 Методика изучения компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства

Так как основным показателем, используемым для выделения элементов территориальной структуры конфессионального пространства в нашем исследовании является модифицированный индекс религиозной мозаичности, нужно обратить внимание на шкалу значений индекса, применяемую для определения уровня конфессионального разнообразия территорий. В связи с тем, что показатель ИРМ_М был предложен С.А. Гороховым, можно принять его градацию значений ИРМ_М, которые, как отмечает сам автор, были математически выверены им [41; 46].

Так, С.А. Горохов предлагает такие субинтервалы значений ИРМ_М, которые позволяют разделить территориальные ячейки на четыре группы в зависимости от степени конфессиональной мозаичности: 1) крайне гомогенные (со значениями ИРМ_М от 0 до 0,280); 2) относительно гомогенные (ИРМ_М от 0,281 до 0,556); 3) относительно гетерогенные (ИРМ_М от 0,557 до 0,820); 4) крайне гетерогенные (ИРМ_М от 0,821 до 1) [41, с. 106].

Обратим внимание на то, что разработчики концепции этноконтактных зон (ЭКЗ) пользуются иными интервалами значений ИЭМ для разделения

ЭКЗ по степени выраженности. Данная градация ИЭМ была предложена А.Г. Манаковым [122, с. 38] еще в 2002 г. Так, если величина ИЭМ составляет менее 0,2, то говорят о моноэтнических территориях, при значениях ИЭМ от 0,2 до 0,4 – о неярко выраженных ЭКЗ, при ИЭМ от 0,4 до 0,6 – об ярко выраженных ЭКЗ, при ИЭМ свыше 0,6 – о наиболее ярко выраженных ЭКЗ [127; 135; 139 и др.]. Но при этом разработчики концепции ЭКЗ отмечают, что при переходе к модифицированному варианту ИЭМ приходят к очень близким значениям индекса, предложенным С.А. Гороховым, которые также можно использовать для классификации ЭКЗ по степени выраженности [128, с. 36].

Учитывая замечание о сопоставимости классов ЭКЗ по степени выраженности, определенных по разным шкалам, используемым в вариантах расчета ИЭМ и ИЭМ_м, можно предложить выделять такие элементы территориальной структуры конфессионального пространства с опорой на величину модифицированного индекса религиозной мозаичности (ИРМ_м): 1) моноконфессиональные территории (при ИРМ_м менее 0,280); 2) неярко выраженные конфессиональные контактные зоны (ИРМ_м от 0,281 до 0,556); 3) ярко выраженные конфессиональные контактные зоны (ИРМ_м от 0,557 до 0,820); 4) наиболее ярко выраженные конфессиональные контактные зоны (ИРМ_м от 0,821 до 1). Именно такая градация ИРМ_м при выделении конфессиональных контактных зон (ККЗ) разной степени выраженности на территории Прибалтики использована в работах [107; 108; 111; 112].

Таким образом, при выделении элементов территориальной структуры конфессионального пространства можно использовать как терминологию, предложенную С.А. Гороховым в рамках концепции конфессионального геопространства [41; 43], так и разработчиками концепции этнических и конфессиональных контактных зон [135; 139; 193; 194 и др.], при этом опираясь на те же значения индексов религиозной мозаичности. Тем самым устанавливается связь между двумя данными концепциями, на основе которых осуществляется изучение конфессионального пространства.

Еще один недостаток индекса религиозной мозаичности, осложняющий анализ территориальной структуры конфессионального пространства, в первую очередь, с помощью картографического метода, выражается в невозможности с помощью этого показателя показать соотношение основных конфессиональных групп в населении территорий. Для такого анализа требуется дополнительная информация о компонентной структуре конфессионального пространства конкретной территории, которая не отображается на карте. Данный недостаток можно частично компенсировать, используя рассмотренный ниже картографический прием.

Так, предлагается на карте отображать одновременно величину индекса религиозной мозаичности и преобладание в структуре населения конкретной конфессиональной группы. При этом преобладающая в населении конфессиональная группа отображается определенным цветом, а величина индекса религиозной мозаичности – интенсивностью цвета. Чем ярче цвет, тем ниже индекс религиозной мозаичности, т.е. территория ближе к моноконфессиональной. Менее интенсивная окраска соответствует поликонфессиональным территориям, или конфессиональным контактными зонам. Таким образом, данный картографический прием, апробированный в работах [111; 193; 194], позволяет визуально проследить различия в величине индекса религиозной мозаичности на территориях господства разных религий.

При изучении компонентной структуры конфессионального пространства в работе используется методика расчета «потенциальной» конфессиональной структуры населения «исходя из традиционной религиозной принадлежности этносов, проживающих на определенной территории» [176, с. 452]. Данная методика была предложена С.Г. Сафроновым [176] и в дальнейшем использовалась В.С. Дементьевым [67; 130] и другими исследователями. Расчет потенциальной конфессиональной структуры населения с опорой на его этнический состав применяется, в первую очередь, в случае, если для конкретных территорий отсутствует

реальная конфессиональная статистика. Хотя в настоящее время нужно учесть последствия секуляризации общества и высокую долю в некоторых странах нерелигиозного населения, что осложняет оценку структуры религиозной части населения.

Кроме того, расчет потенциальной конфессиональной структуры населения позволяет оценить этнический состав населения разных конфессиональных групп в пределах определенных территорий, если такие сведения отсутствуют, или же они представлены только на более высоком территориальном уровне (например, на уровне стран). Особенно это важно при изучении современного конфессионального пространства, и данная методика была апробирована применительно к территории Прибалтики как к концу XIX в. и началу XX в. [107; 108; 111; 112], так и к первым десятилетиям XXI в. [110; 137; 139].

В исследовании было осуществлено историко-конфессиональное районирование в пределах всего региона исследования, т.е. Северо-Запада России и Прибалтики, применительно к временному интервалу с XIX в. по настоящее время. С одной стороны, районирование строится по методике, предложенной Г.З. Озем [150] в процессе конфессионального районирования Беларуси. В методике присутствует два основных этапа, первый из которых связан с выделением основных элементов территориальной структуры конфессионального пространства (с учетом также и его компонентной структуры) Северо-Запада России и Прибалтики в конце XIX в. (по переписи 1897 г.) и в настоящее время, а второй касается собственно процедуры районирования.

С другой стороны, методика историко-конфессионального районирования опирается на приемы, используемые при осуществлении историко-географического (историко-культурного) районирования территорий [124; 125]. В частности, в качестве одного из основных признаков районирования (в процедуре отграничения районов) выступают административные и политические границы, как современные, так и бывшие,

существовавшие в разные временные интервалы с конца XIX в., особенно наиболее устойчивые, т.е. существовавшие длительное время. Всего на территории Северо-Запада России и Прибалтики выделено 20 историко-конфессиональных районов, а также отдельно 3 современные столицы стран Прибалтики и Санкт-Петербург.

Нужно отметить, что в сетке районирования присутствует максимальная привязка границ районов к современному административно-территориальному делению региона исследования, но при этом многие историко-конфессиональные районы носят исторические названия (исторических регионов Латвии, Литвы и др.). Однако главным признаком районирования является наличие специфики конфессионального состава населения районов или в начале интервала исследования (конец XIX в.), или в настоящее время, что важно с точки зрения оценки степени трансформации компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства за прошедшее время.

1.3.3 Методика анализа динамики конфессионального пространства

В связи с тем, что данное исследование носит историко-географический характер, оно опирается на методики, разработанные в исторической географии. В первую очередь, отметим методы временных срезов и диахронический (т.е. анализ динамики территориальной структуры между определенными датами) [32; 123; 134]. Но специфика объекта историко-географического исследования вносит свой вклад в методы анализа динамики территориальной структуры конфессионального пространства.

Сначала обратим внимание на методики, используемые другими авторами для изучения трансформации конфессионального пространства. Так, например, для оценки инерционности территориальной структуры пространства какой-либо конфессии используются индекс Рябцева [21; 41; 50]. Индекс Рябцева (I_r) рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{Ир} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (k_{t_2} - k_{t_1})^2}{\sum_{i=1}^n (k_{t_2} + k_{t_1})^2}},$$

где ki – доля каждой из n территориальных единиц одного ранга, рассчитанная для приверженцев одной религии, в территориальной единице более высокого ранга в моменты времени t_2 и t_1 [41, с. 115]. Существует шкала значений индекса Рябцева, характеризующая меру различий структур, начиная от «тождественности структур» до «полной противоположности структур».

Методика, опирающаяся на расчет индекса Рябцева, была апробирована при оценке сдвигов в структуре пространств отдельных религий на территории Эстонии в период с 1881 по 1897 гг. [107]. Однако более предпочтительным для оценки сдвигов в территориальной структуре конфессионального пространства Эстонии был признан картографический метод, который позволяет визуализировать сдвиги на отдельных территориях нижнего иерархического уровня, и индекс Рябцева при этом может выполнять вспомогательную функцию, не являясь единственным или же основным методом анализа.

В связи с этим отметим такой картографический прием, используемый другими авторами, как обозначение территорий, где произошло расширение или сжатие геопространства одной из религий [41; 80; 82; 83], сопровождаемое обозначением демографического центра геопространств религий за разные годы. Но в нашем исследовании применяется иная методика, предложенная разработчиками концепции этнических и конфессиональных контактных зон, которая в чем-то схожа с методикой, используемой автором концепции конфессионального геопространства (С.А. Гороховым) и его учениками.

Прежде всего нужно отметить, что уже имеется достаточный опыт использования индекса этнической фракционализации в зарубежной науке

для оценки гомогенизации/гетерогенизации этнической структуры населения, как на уровне стран за длительный период (например, Л. Дражановой [223; 224], которая рассчитала «исторический индекс этнической фракционализации» для 162 стран мира за период с 1945 по 2013 гг.), так и на уровне низовых административных единиц (например, работы А. Немет [246; 247] по динамике этнической структуры населения Латвии на уровне 547 муниципалитетов с 1989 по 2011 гг.). Такой опыт уже имеется и в отечественной науке, особенно наработанный в последнее время благодаря модернизации концепции этнических и конфессиональных контактных зон.

Суть методики заключается в выделении фаз и стадий развития этнических и конфессиональных контактных зон, что используется в дальнейшем для соответствующей классификации территориальных ячеек. Данные фазы и стадии лучше рассмотреть на примере двухкомпонентных конфессиональных контактных зон. Так, например, можно перефразировать обозначенные Н.К. Терениной [191] стадии развития ЭКЗ применительно к динамике конфессиональных контактных зон (ККЗ), выделив четыре основные стадии их развития: 1) зарождение ККЗ, или начальная стадия роста (появление приверженцев религии *B*, в котором доминируют последователи религии *A*); 2) рост конфессиональной контактности (увеличение в регионе удельного веса приверженцев религии *B* и снижение доли последователей религии *A*, формирование ярко выраженной ККЗ); 3) начало растворения ККЗ (постепенное нарастание моноконфессиональности, но уже с перевесом приверженцев религии *B*); 4) полное растворение ККЗ, завершение замены религии (возвращение к моноконфессиональности региона, в котором доминирующими стали приверженцы религии *B*).

Так как речь идет о двухкомпонентной ККЗ, то ее развитие можно рассмотреть, опираясь на динамику модифицированного индекса религиозной контактности (ИРК_М). На первой фазе, охватывающей две первые стадии развития ККЗ, наблюдается рост величины ИРК_М, затем, при достижении индексом максимального значения (единицы), происходит смена

фаз, т.е. переход к фазе растворения ККЗ, включающей третью и четвертую стадию развития ККЗ. Границу между первой и второй стадиями, а также между третьей и четвертой, можно принять в соответствии с величиной $ИРК_M=0,28$, т.е. рубежа, условно отделяющего моноконфессиональную территорию от ККЗ.

Но двухкомпонентная ККЗ является достаточно редким явлением, поэтому возможен вариант рассмотрения метаконфессиональной контактной зоны, в которой в качестве двух компонентов выступают укрупненные конфессиональные категории, например, в представленном ниже случае, христианское и нехристианское население (рис. 1). На данном примере видно, что, кроме изменения величины $ИРК_M$, при выделении фаз и стадий развития ККЗ учитывается также динамика долей христианского и нехристианского населения, что на представленной схеме обозначается благодаря выделению двух «волн» – «христианизации» (роста доли христиан) и «дехристианизации» (роста удельного веса нехристианского населения).

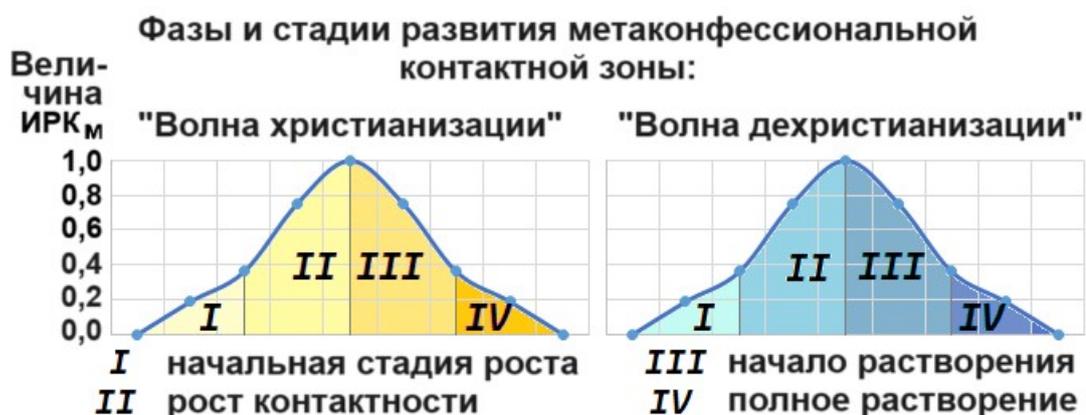

Рисунок 1 – Фазы, стадии и «волны» развития двухкомпонентных конфессиональных контактных зон (на основе динамики модифицированного индекса религиозной контактности)

При анализе динамики трех- или четырехкомпонентных ККЗ приходится учитывать изменение долей приверженцев всех представленных в регионе религий (или религиозных направлений), что несколько осложняет

классификацию территориальных ячеек по фазам и стадиям развития ККЗ. Но и такую классификацию территорий вполне возможно отобразить на карте, акцентировав внимание на динамике наиболее крупных конфессиональных групп населения.

Однако, на наш взгляд, применительно к крупным территориям, каковыми являются регионы Северо-Запада России и страны Прибалтики, а также к территориям, которые не обладают статусом конфессиональных контактных зон, в ходе анализа трансформации конфессионального пространства лучше использовать более традиционную терминологию. Так, в качестве двух основных фаз динамики конфессионального пространства можно обозначить «гетерогенизацию» и «гомогенизацию», выделив внутри каждой из них по две стадии – «начальную» и «основную»/«завершающую».

И, наконец, нужно обратить внимание на информационную базу, на которую опирается изучение динамики конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с XIX в. по настоящее время. Во-первых, это конфессиональная и этническая статистика по результатам проведения ревизий населения в Российской империи (с 1719 по 1917 гг.), которая представлена в работах В.М. Кабузана [88–91].

Во-вторых, это итоги Первой всеобщей переписи населения Российской империи, на которой задавался вопрос о вероисповеданиях населения. Результаты данной переписи на уездном уровне размещены на сайте Demoscope.ru [156]. В-третьих, это итоги переписей населения Эстонии, Латвии и Литвы в период их первой независимости, а также в начале XXI в., в ходе которых также фиксировалась конфессиональная структура населения. Материалы этих переписей представлены на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR [248], на ресурсах национальной статистики стран Прибалтики [226; 256; 243], а также в ряде историко-статистических источников [183; 225; 242].

В-четвертых, это результаты социологических опросов населения России и Латвии, в ходе которых задавались вопросы о вероисповедании

населения. В России такой опрос был проведен в 2012 г. некоммерческой исследовательской службой «Среда» в рамках проекта «Арена» [11]. Он охватил большинство субъектов Российской Федерации и, согласно итогам исследований [126; 194], позволил достаточно объективно оценить конфессиональный состав населения данных регионов. В Латвии в качестве основы для оценки современной конфессиональной структуры населения регионов страны были взяты результаты социологического опроса, проведенного Латвийским агентством SKDS в 2018 г. Социологическая выборка включала жителей Латвии в возрасте от 18 до 74 лет, всего около 1000 респондентов, которым задавался вопрос «К какой вере вы принадлежите?» [237].

Глава 2. Структурные изменения в конфессиональном пространстве Северо-Запада России и Прибалтики до середины XX века

2.1 Конфессиональная география Северо-Запада России и Прибалтики по итогам переписи населения 1897 г.

Результаты Первой всеобщей переписи населения Российской губернии 1897 г. часто вовлекаются в научный оборот, особенно специалистами по исторической конфессиональной географии (например, в работах [14; 68; 90; 118; 123; 130; 136; 176]). В частности, имеется опыт изучения конфессиональной структуры населения по итогам переписи 1897 г. в пределах региона исследования на уровне уездов [61; 67–70; 122], однако, при этом не анализируются различия между религиозным составом населения городских поселений (губернских и уездных центров, заштатных и безуездных городов, местечек) и окружающих их сельских территорий уездов.

По итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в пределах региона исследования проживало 10,8 млн чел., из которых 45,7 % составляли православные и единоверцы, 2,2 % –

старообрядцы, 24,55 % – католики, 21,9 % – протестанты (в т.ч. 21,6 % – лютеране), 5,47 % – иудеи и 0,13 % – мусульмане. По городам и уездам региона исследования была рассчитана величина модифицированного индекса религиозной мозаичности ($ИРМ_M$) по четырем основным конфессиональным группам населения: 1) православным и старообрядцам; 2) католикам; 3) протестантам; 4) иудеям (рис. 2).

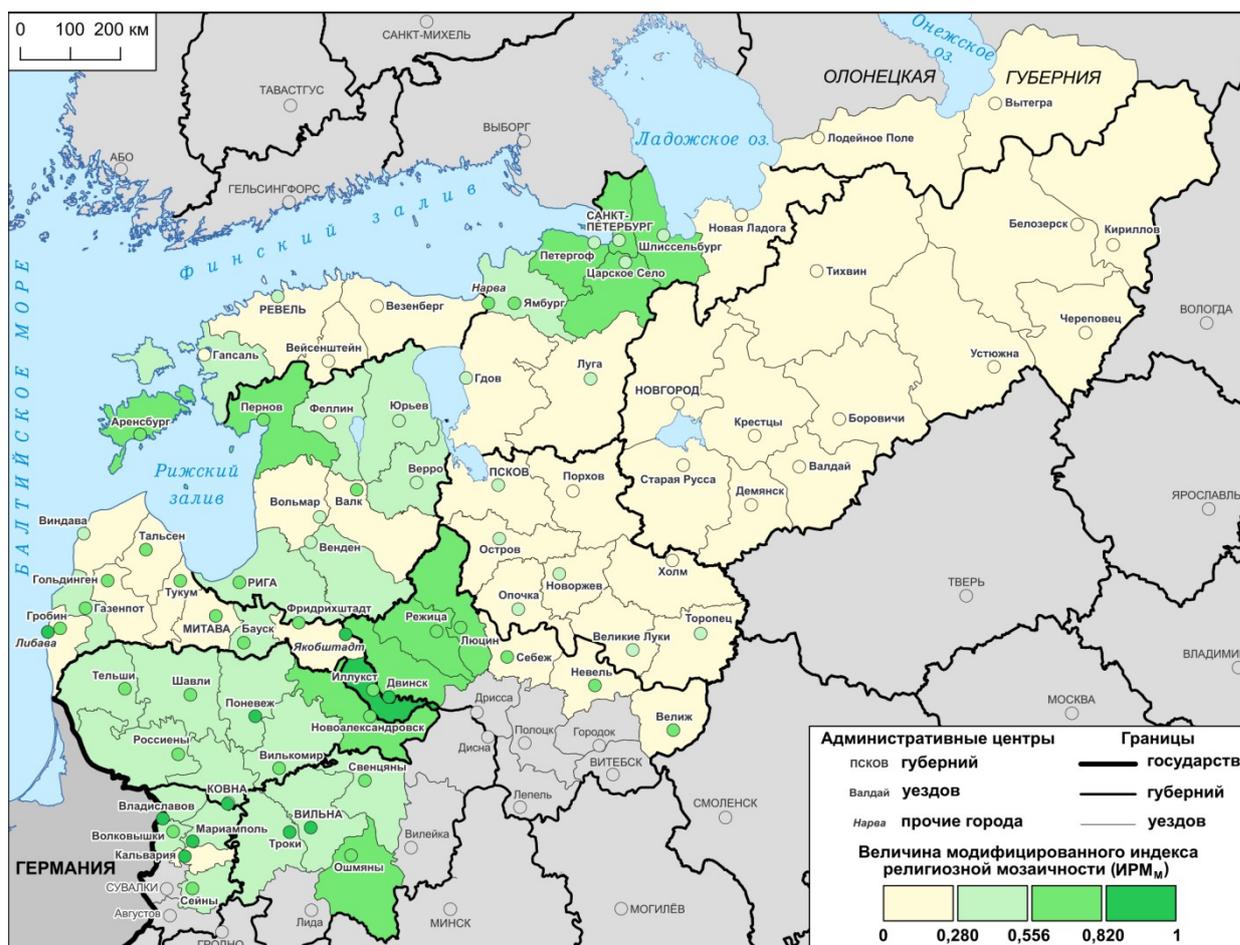

Рисунок 2 – Величина модифицированного индекса религиозной мозаичности по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Северо-Запада России и Прибалтики (рассчитано автором по [156; 248])

Наиболее гетерогенным в конфессиональном плане были следующие территории: Санкт-Петербург и соседние уезды, северо-западные уезды Лифляндской губернии, запад Витебской губернии (Латгалия), а также городские поселения Курляндской, Ковенской, Виленской и Сувалкской

губерний. Наиболее конфессионально гомогенными территориями были Новгородская и Псковская губернии, юго-запад и восток Санкт-Петербургской губернии, юг Олонецкой губернии, большая часть Эстляндской губернии, а также отдельные уезды Лифляндской и Курляндской губерний.

Чтобы выявить причины конфессиональной гетерогенности территорий, нужно рассмотреть географию распределения приверженцев разных религий и религиозных направлений. Самой ранней религией в регионе исследования является православное направление христианства. Православие закрепилось на современной территории Северо-Запада России фактически сразу после Крещения Руси в 988 г. В дальнейшем православие начало распространяться также в восточной части Прибалтики, в частности, в Латгалии, зависимой от полоцких князей. Но с начала XIII в. в ходе экспансии немецких рыцарских орденов православная религия была вытеснена с этих территорий [130, с. 95].

Территории с доминированием православного населения в конце XIX в. охватывали современный Северо-Запад России. Но в его пределах доля православных была понижена в уездах, окружающих Санкт-Петербург, Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии, Крестецком уезде Новгородской губернии, Порховском уезде Псковской губернии и уездных центрах на севере Витебской губернии (рис. 3). На территории Прибалтики можно отметить ряд уездов с повышенной долей православного населения – Эзельский и Перновский уезды Лифляндской губернии, Ошмянский уезд Виленской губернии.

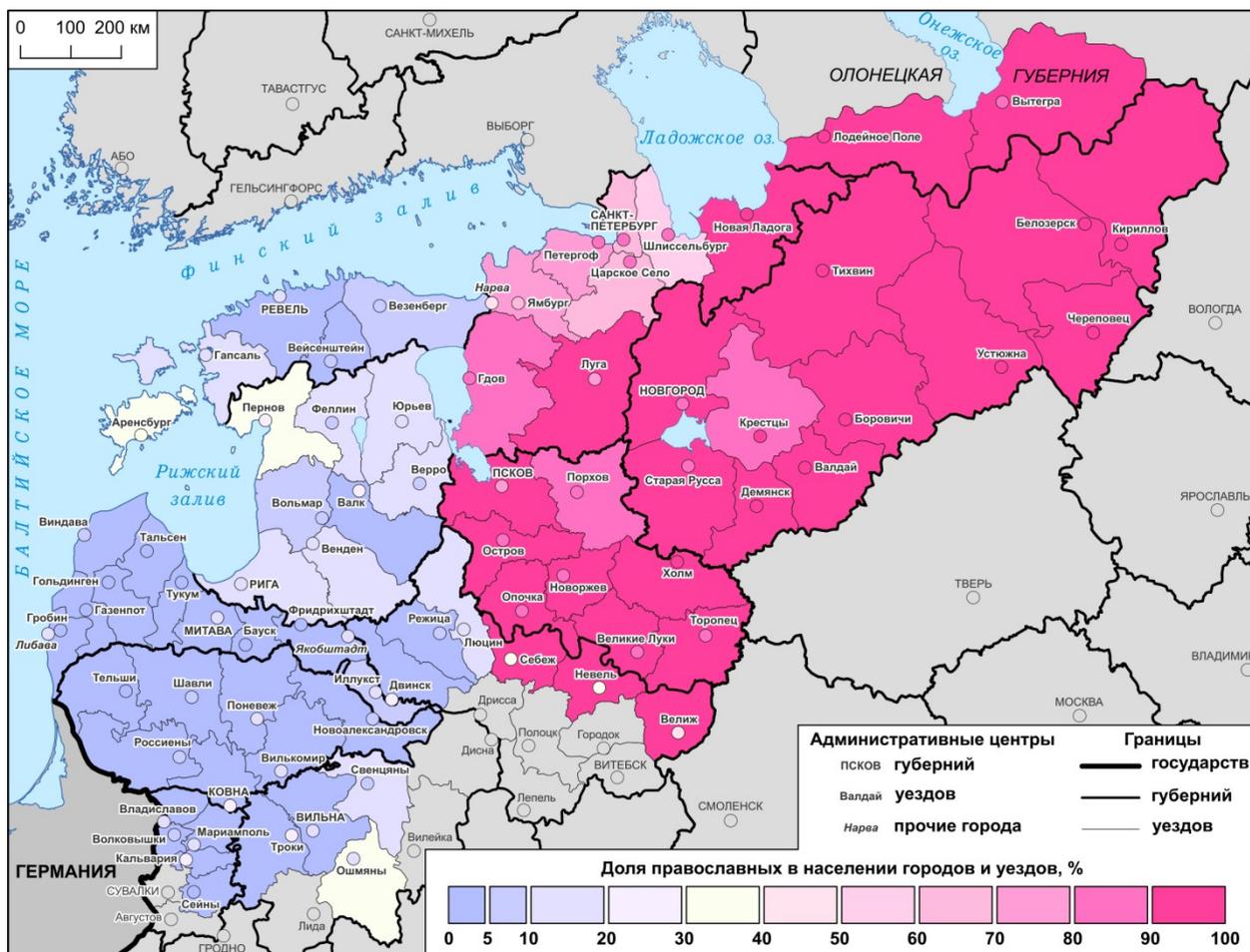

Рисунок 3 – Доля православных в населении городов и уездов по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Северо-Запада России и Прибалтики (рассчитано автором по [156; 248])

В качестве одной из причин пониженной доли православных в ряде уездов Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской и Витебской губерний можно отметить повышенную долю старообрядцев (рис. 4). Особенно высока была доля старообрядцев в южной части Латгалии (западной части Витебской губернии) и прилегающих уездах Курляндской и Ковенской губерний. Также нужно отметить повышенную долю старообрядцев к западу от Чудского озера – в Юрьевском уезде Лифляндской губернии. Концентрация старообрядцев на этих территориях – в глухих уголках русских губерний, или на землях, пограничных с Российским государством во второй половине XVII в., связана с гонениями

старообрядцев со стороны Русской православной церкви после раскола церкви в середине XVII в.

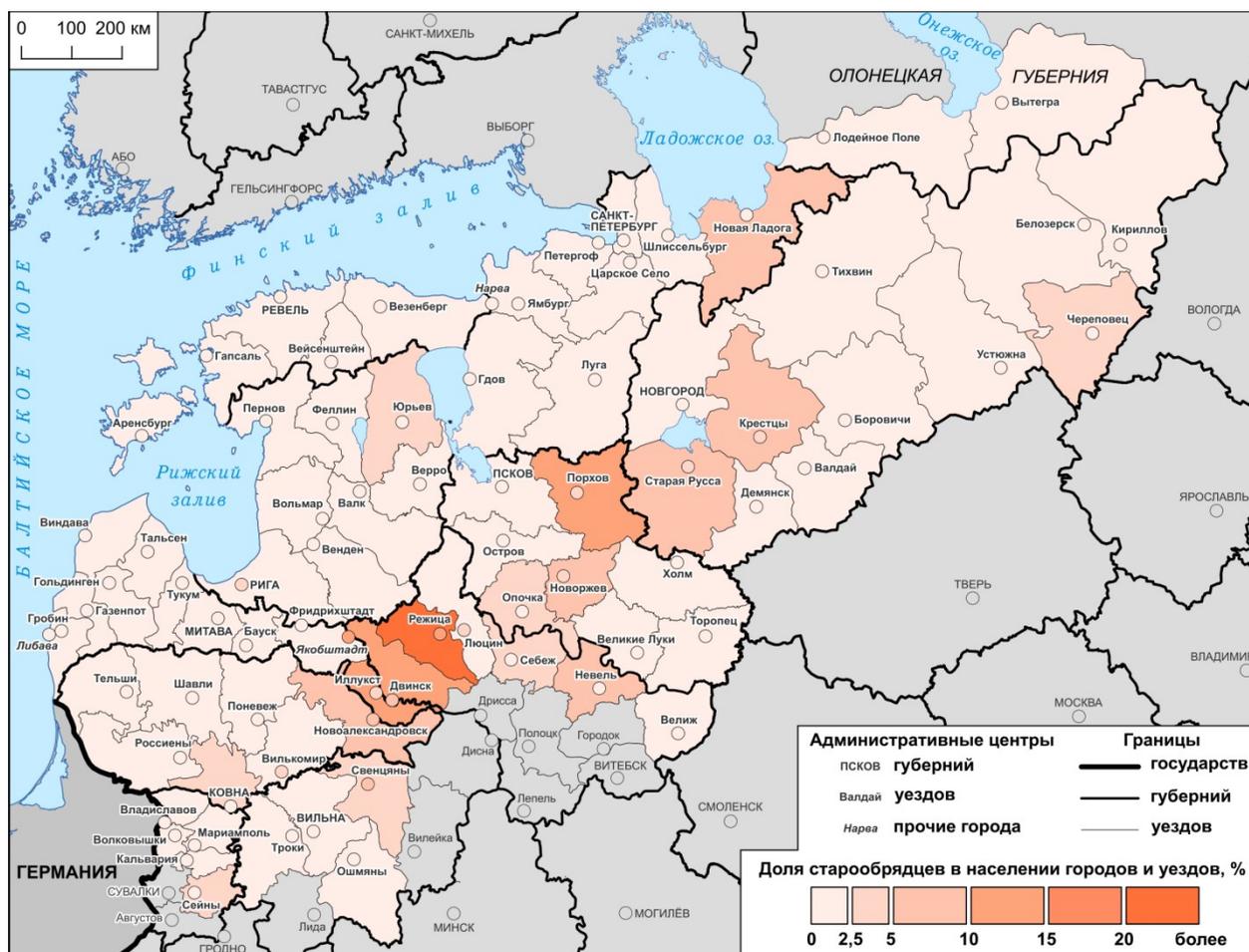

Рисунок 4 – Доля старообрядцев в населении городов и уездов по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Северо-Запада России и Прибалтики (рассчитано автором по [156; 248])

Наибольшее число приверженцев протестантского направления христианства в регионе исследования в 1897 г. было представлено лютеранами. Лютеранство закрепилось на севере Прибалтики в XVII в., когда в результате польско-шведской войны 1621–1626 гг. Эстляндия и Лифляндия вошли в состав Шведского королевства. Кроме того, лютеранство стало главной религией Курляндского герцогства, которое сохранило вассальную зависимость от Речи Посполитой. Также Швеция в начале XVII в., а точнее, по Столбовскому миру 1617 г., приобрела Ингерманландию

– земли к юго-востоку от Финского залива. После оттока отсюда части местного православного финно-угорского населения (води, ижорцев, карелов), в Ингерманландию переселились выходцы из Финляндии (савакот и эвремейсет), принявшие к тому времени от шведов лютеранство. Последние получили обобщающее название – финны-ингерманландцы [130, с. 99].

Доля протестантов в конце XIX в. была наиболее высока в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях (рис. 5), т.е. на землях бывших шведских владений и Курляндского герцогства.

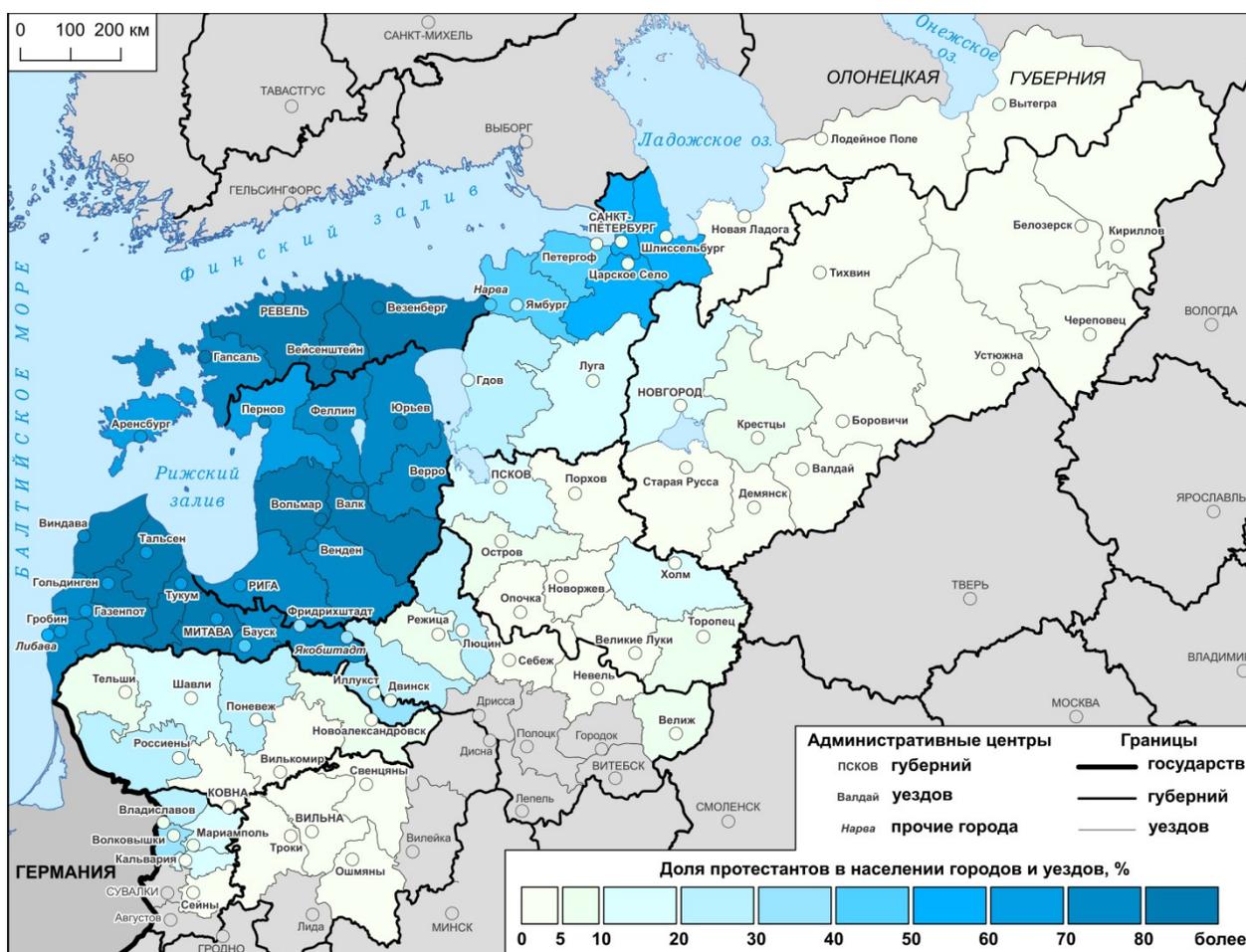

Рисунок 5 – Доля протестантов в населении городов и уездов по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Северо-Запада России и Прибалтики (рассчитано автором по [156; 248])

Но нужно отметить в этих губерниях несколько уездов (особенно Эзельский и Перновский в Лифляндской губернии), отличавшихся чуть менее высокой долей протестантов на фоне своего окружения. Причины этого будут рассмотрены ниже. Также нужно обратить внимание на повышенную долю протестантов в населении уездов, окружающих Санкт-Петербург, что было связано с проживанием в окрестностях столицы достаточно многочисленных групп иностранцев из стран зарубежной Европы.

Католическая религия в регионе исследования начала внедряться в XIII в. немецкими рыцарскими орденами – Орденом меченосцев с 1202 г. и Ливонским орденом с 1237 г. С конца XIV в. католическую религию начала принимать Литва, что стало результатом заключения с Польшей в 1385 г. Кревской унии. Окончательно католичество закрепилось в Литве во второй половине XVI в. в результате подписания в 1569 г. Люблинской унии, что привело к созданию Речи Посполитой. Польско-литовское государство захватило почти всю Прибалтику, но после польско-шведской войны 1621–1626 гг. утратило Ливонию, т.е. большую часть территорий современной Эстонии и Латвии (кроме Латгалии). В итоге в XVII в. на территории Эстляндии и Лифляндии, перешедших под управление шведами, католичество уступило свое место лютеранству [130, с. 97].

Доля приверженцев Римско-католической церкви в конце XIX в. была наиболее высокой в Латгалии (западной части Витебской губернии), Ковенской, Виленской и Сувалкской губерниях (рис. 6). Это были территории, где католичество было сохранено после Ливонской войны XVI в. благодаря вхождению их в состав Речи Посполитой, в которой господствовала Римско-католическая церковь. Значительная часть Речи Посполитой была включена в состав Российской империи в конце XVIII в., но так и сохранила свою конфессиональную специфику. Также можно отметить относительно повышенную долю католиков в населении многих уездных центров «русских» и прибалтийских губерний, что связано с

проживанием в них не только выходцев из католических губерний Российской империи, но и иностранцев, т.е. выходцев из зарубежной Европы.

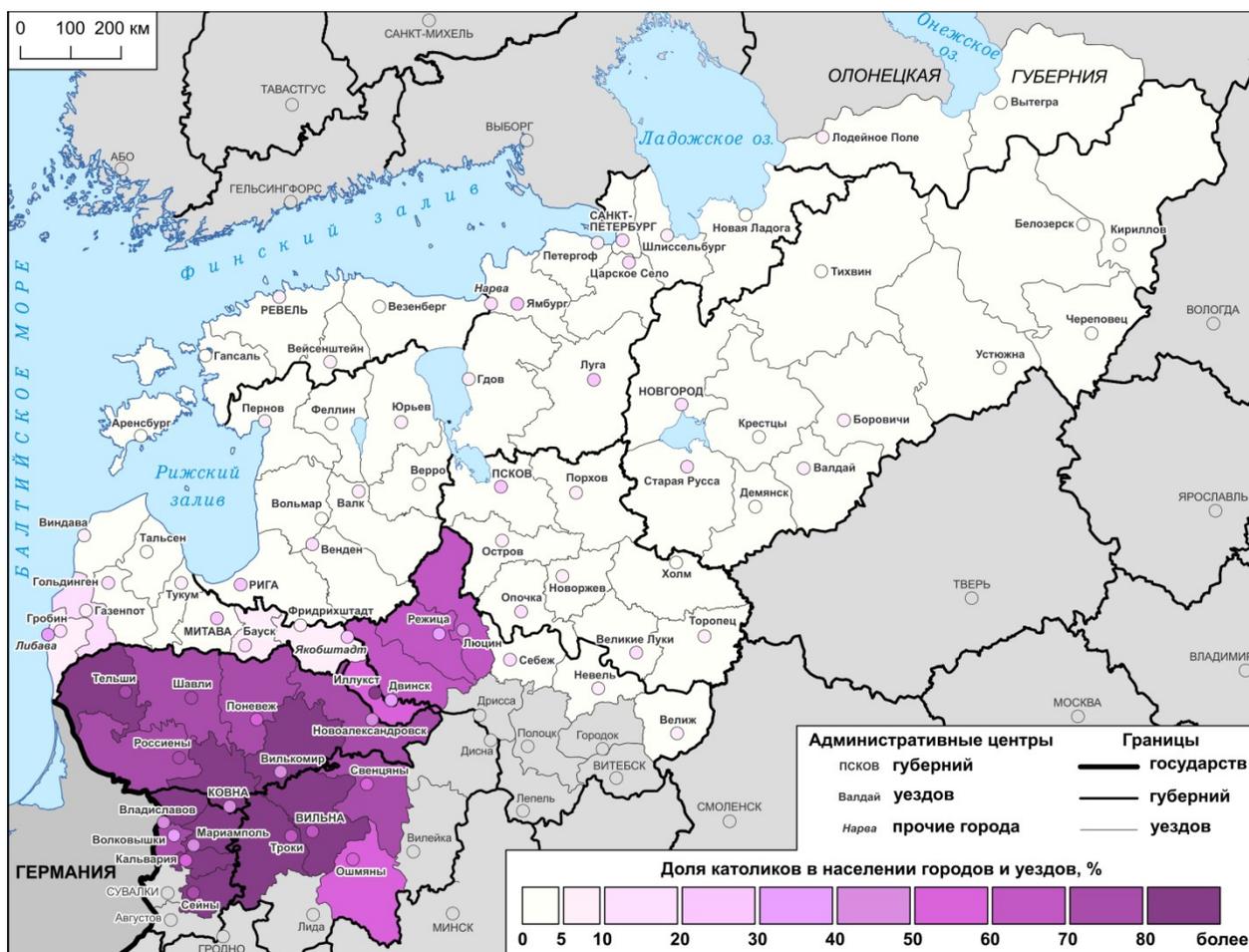

Рисунок 6 – Доля католиков в населении городов и уездов по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Северо-Запада России и Прибалтики (рассчитано автором по [156; 248])

Доля приверженцев иудаизма, которая фактически совпадала с долей евреев, в конце XIX в. была наиболее высока в пределах «черты оседлости» еврейского населения, куда входили Ковенская, Сувалкская, Виленская и Витебская губернии (рис. 7). Также повышенной долей иудеев характеризуется Курляндская губерния, которая не входила в «черту оседлости», где были приняты особые правила проживания евреев [77; 131; 132]. В целом же, даже в пределах «черты оседлости», евреи были сконцентрированы в городских поселениях (губернских и уездных центрах, заштатных и безуездных городах и местечках), т.к. им запрещалось владение

землей, а значит, и проживание в сельской местности. Исключение из правила, т.е. проживание евреев на сельских территориях уездов, можно увидеть в Ковенской и частично в Виленской и Сувалкской губерниях.

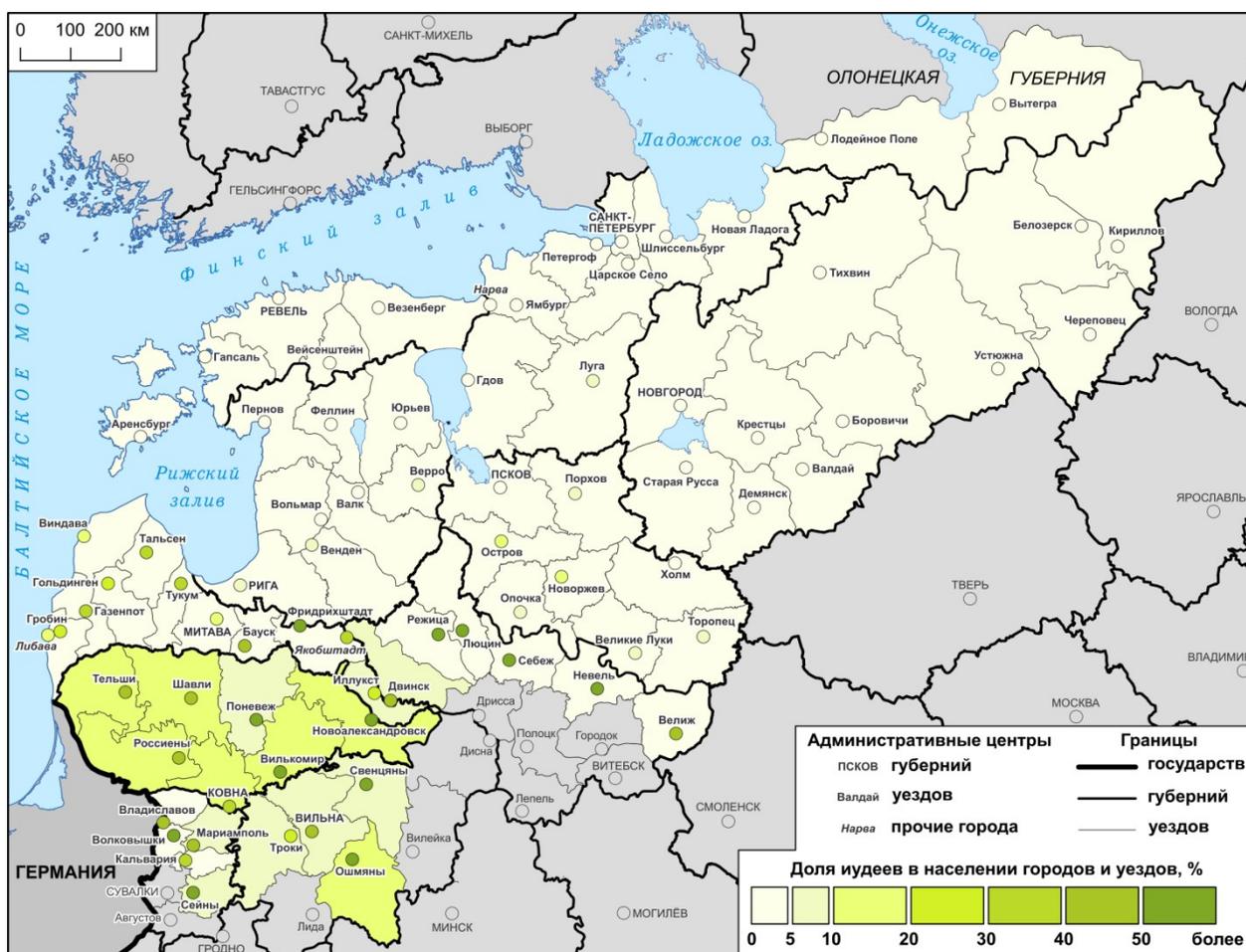

Рисунок 7 – Доля иудеев в населении городов и уездов по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Северо-Запада России и Прибалтики (расчитано автором по [156; 248])

Удельный вес в населении городов и уездов мусульман (или по терминологии того периода, магометан) на территории Северо-Запада России и Прибалтики в конце XIX в. был крайне низким, тем не менее, можно обозначить территории, где их доля была относительно повышенной. Это Петергофский уезд Санкт-Петербургской губернии и Троцкий уезд Виленской губернии, в населении которых тогда была повышена доля татар (рис. 8).

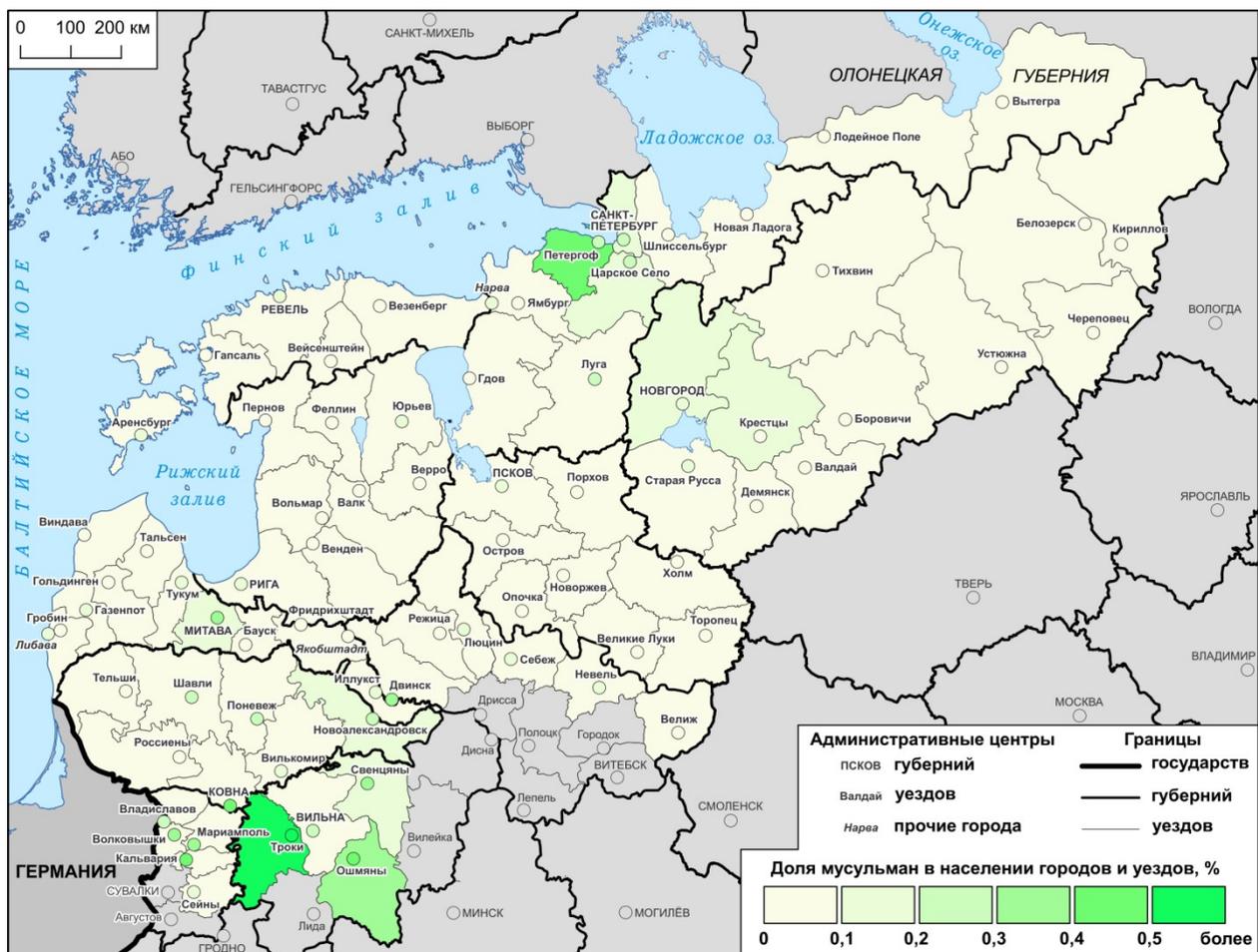

Рисунок 8 – Доля мусульман в населении городов и уездов по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Северо-Запада России и Прибалтики (расчитано автором по [156; 248])

Таким образом, на территории Северо-Запада России и Прибалтики по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. можно выделить три крупных конфессиональных региона с доминированием приверженцев основных направлений христианской религии: 1) православный «русский» Северо-Запад (Санкт-Петербургская, Олонецкая, Новгородская, Псковская губернии и северо-восточная часть Витебской губернии); 2) протестантская северная Прибалтика (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии); 3) католическая южная Прибалтика (Ковенская, Сувалкская, Виленская губернии и западная часть Витебской губернии) со значительным присутствием приверженцев иудаизма (в городских поселениях).

Ярко выраженная конфессиональная контактная зона характеризует главное место стыка этих трех регионов, а точнее, территорию Латгалии (запад Витебской губернии). Также можно выделить конфессиональные контактные зоны несколько меньшей степени выраженности, сложившиеся на стыке протестантского и православного регионов (северные части Лифляндской и Санкт-Петербургской губерний), католического и православного регионов (восточная часть Виленской губернии).

2.2 Конфессиональное пространство Северо-Запада России в XIX – первой половине XX вв.

2.2.1 Изменение территориального устройства Русской православной церкви на Северо-Западе России до середины XX вв.

В средние века, фактически сразу после принятия на Руси в 988 г. православия, с созданием Киевской митрополии были организованы епархии, и почти вся современная территория Северо-Запада России вошла в состав Новгородской епархии (существующей с 992 г.), лишь крайние южные окраины региона стали частью Полоцкой епархии (с 992 г.), юго-восточные – Смоленской епархии (с 1137 г.), восточные – Ростовской епархии (с 992 г.) [66].

После потери Новгородской республикой независимости в 1478 г. часть территорий Новгородской епархии перешла под прямое управление московского митрополита. В 1571 г. Новгородская епархия утратила еще часть своих земель в пользу Вологодской епархии, хотя к концу века вернула свои земли. Перед учреждением Патриаршества в Москве в 1589 г. в состав Московской митрополии входило 11 епархий, в т.ч. Новгородская архиепископия, Вологодская, Смоленская и др. епархии. Новгородская епархия повысила свой статус до митрополии, а Вологодская и Смоленская епархии стали архиепископиями. Были учреждены Псковская и Корельская

епархии. Но после русско-шведской войны, по Столбовскому договору 1617 г., в пользу Швеции перешли значительные территории на севере Новгородской митрополии, а также земли Корельской епархии. Тем не менее, в XVII в. продолжалось формальное управление новгородским митрополитом утраченными территориями, тем более, что шведы боялись бегства православного населения с этих земель и сохранили в них власть митрополита [159].

В 1667 г. Псковская епархия была преобразована в архиепископию, а в 1682 г. – в митрополию. Одновременно в Новгородской митрополии были организованы новые епархии, но их количество постоянно менялось. В начале XVIII в. Московская патриархия включала 22 епархии, в т.ч. часть из них (Новгородская и Великолукская, Псковская и Изборская, Смоленская и Дорогобужская) имели статус митрополий. Вместе с тем, в этот период часть земель современного Северо-Запада России относилась к Патриаршей области (епархия Патриарха), которая постепенно расширялась, достигнув своего максимума в середине XVII в. (при патриархе Никоне), но в дальнейшем ее земли стали возвращаться Новгородской и Псковской митрополиям [159; 160].

За юго-западные окраины современного Северо-Запада России в течение XVI–XVII вв. шел постоянный спор между Московским государством и Речью Посполитой. С 1596 г. Полоцкая и Смоленская архиепархии стали значиться униатскими. Несмотря на протесты местных православных жителей, их стали причислять к униатам. Лишь в кратковременные периоды в XVII в., когда части этих земель переходили под управление России, там временно восстанавливалась власть псковских и новгородских архиереев [159].

После включения в состав Российского государства в ходе Северной войны шведских Эстляндии и Лифляндии, была расширена территория Псковской епархии вплоть до Финского залива, и с 1718 г. был изменен титул псковских архиереев на «Псковский, Нарвский и Изборский». А в

1720-е гг. В состав Псковской епархии были включены также Эстляндия и Лифляндия. Во второй половине XVIII в. Псковская епархия еще больше расширилась – за счет Курляндского герцогства, которое официально вошло в состав Российской империи только в 1795 г. [160].

В 1764 г. Екатерина II провела церковную реформу, изменившую епархиальное устройство Русской православной церкви и начавшую секуляризацию земель, сопровождавшуюся закрытием многих монастырей. Епархии были разделены на три класса, к первому были отнесены Новгородская и Петербургская, ко второму – Псковская. С 1764 г. Эстляндии отошли к Петербургской епархии. Соответственно, изменились титулы архиереев – на Санкт-Петербургский и Ревельский, Псковский и Рижский [103; 160].

В 1784 г. было принято о распределении губерний и наместничеств по епархиям: Рижское и Ревельское наместничества были отнесены к Псковской епархии, Полоцкое наместничество – к Могилевской епархии. В 1788 г. Ревельское наместничество было возвращено Санкт-Петербургской епархии. В состав Псковской епархии стали входить Псковское, Рижское и Полоцкое наместничества [160].

В 1772 г., после первого раздела Речи Посполитой, все православные приходы в бывших провинциях Двинской, Полоцкой и Витебской были приписаны к Псковской епархии. В 1795 г. Полоцкая губерния, по причине большой удаленности от Пскова, была передана Могилевской епархии, получившей название «Могилевская и Полоцкая» (с 1797 г. – Белорусская и Могилевская). В конце XVIII в., при императоре Павле I псковский архиерей стал именоваться «Псковским, Лифляндским и Курляндским», а новгородский – «Новгородским и Олонецким», т.к. Великие Луки с уездом были переданы Псковской епархии [103].

Александр I в 1801 г подписал указ, согласно которому границы епархий стали совпадать с границами губерний. Однако для Лифляндской и Курляндской губерний было сделано исключение, и они оставались в составе

Псковской епархии. С 1836 по 1850 гг. В Псковской епархии существовала Рижская кафедра (викариатство), но с 1850 г. была выделена отдельно Рижская и Митавская епархия, которая охватывала Лифляндию и Курляндию. После этого псковские архиереи стали именоваться «Псковскими и Порховскими». В 1833 г. из Могилевской епархии была выделена Полоцкая епархия (точнее, Полоцкая и Виленская), в которую включили Витебскую, Виленскую и Курляндскую губернии. С 1840 г. епархия называлась Полоцкой и Витебской [64, с. 78]. В состав этой епархии входили юго-западные окраины современного Северо-Запада России вплоть до 1924 г., пока ряд уездов бывшей Витебской губернии не были включены в состав Псковской губернии. Таким образом, с этого времени и вплоть до революции 1917 г. границы епархий Северо-Запада России совпадали с границами губерний: Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской.

После революции и гражданской войны часть территории Северо-Запада России (Нарва, Ивангород, Печорский и Пыталовский края) отошла по Тартускому и Рижскому договорам 1920 гг. Эстонии и Латвии. Эстонская православная церковь (ЭПЦ) и Латвийская православная церковь (ЛПЦ) вошли под юрисдикцию Константинопольского Патриарха соответственно в 1923 и 1936 гг. При этом в ЭПЦ было организовано три епархии: Таллинская, Нарвская и Печорская. Пыталовский край, отошедший к Латвии (т.н. Абреньский уезд) входил в Вилякское благочиние ЛПЦ [64, с. 79].

На остальной территории Северо-Запада России сохранялся принцип территориального деления Русской православной церкви в соответствии с административно-территориальным делением (АТД) страны. Так как АТД Северо-Запада России в 1920–1940-е гг. менялось очень часто, можно отметить лишь ключевые моменты этих изменений. В отдельные годы значительную часть региона охватывала Ленинградская митрополия, внутри которой выделялись епархии (Псковская, Великолукская, Новгородская, Боровичская и др.), чаще всего соответствующие округам Ленинградской области. В 1920-е гг. в самой Ленинградской епархии было максимальное за

всю ее историю количество викариатств, что было связано с большой вероятностью ареста митрополита и викарных архиереев, и необходимостью срочной замены выбывших [14].

Но резкое сокращение числа приходов Русской православной церкви вело к укрупнению епархий, т.к. к уменьшению их количества. После репрессий 1937–1939 гг. осталось всего четыре архиерея, в т.ч. два – на Северо-Западе России (Ленинградский и Петергофский) [201]. Так, к примеру, к 1941 г. в Ленинградской епархии количество православных храмов стало наименьшим за весь период ее существования [14]. В конце 1930-х гг. Псковская и Новгородская епархии перешли в подчинение архиепископа Петергофского (по факту управлявшего Ленинградской епархией), т.е. в то время он обладал правами епархиального архиерея [65].

Так же нужно отметить еще один фактор, повлиявший на нестабильность территориального устройства православной церкви в послереволюционный период. Это движение «обновленчества», которое поддерживалось некоторое время властью большевиков в противовес «тихоновской» церкви. Создаваемые «обновленческие» епархии действовали некоторое, но непродолжительное время, одновременно с официальными епархиями Русской православной церкви, что заметно осложняет определение точных границ и датировку существования отдельных епархий на Северо-Западе России в этот временной интервал [65].

В период Великой Отечественной войны в юго-западной части Ленинградской области, ныне соответствующей территории Псковской области, была организована Псковская православная миссия. Ею основу составляли священнослужители из Рижской и Нарвской епархий. Данная миссия работала также и на оккупированных территориях современных Ленинградской и Новгородской областей [18; 162].

Также в период войны, в 1943 г., в состав Ленинградской епархии были включены Новгородская и Олонецкая епархии. С образованием в 1944 г. Псковской и Великолукской областей в них были созданы свои епархии. При

этом Великолукская епархия была выделена из Калининской епархии, в ней титулы архиереев стали именоваться «Великолукские и Торопецкие» [65].

2.2.2 Конфессиональное пространство Северо-Запада России до революции 1917 г.

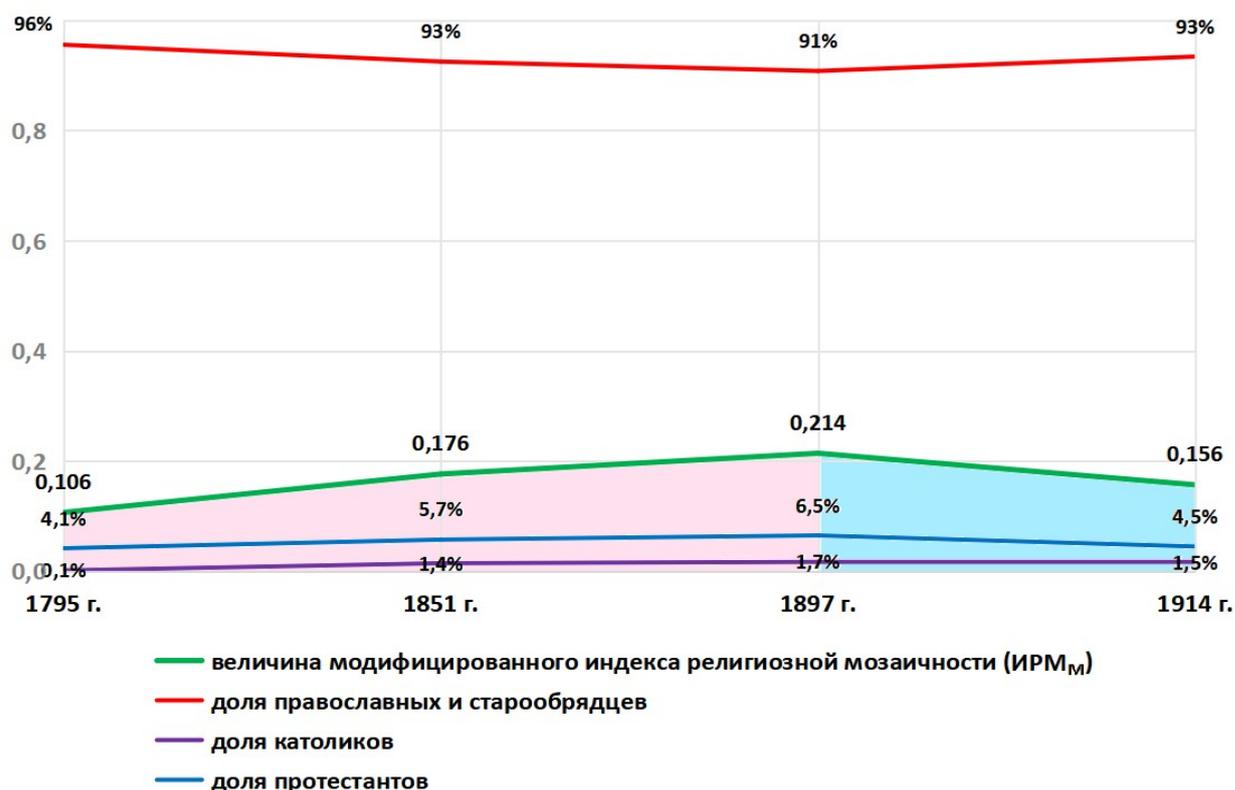
В дореволюционный период, кроме итогов Первой всеобщей переписи населения Российской империи, статистику о вероисповедании населения можно получить по результатам ревизий (от познелатинского *revisio* – «пересмотр»), проводимых с 1719 по 1858 гг. Всего в России было проведено десять ревизий населения, главной задачей которых было определение численности населения, облагаемого податями, а также учета населения, не подлежащего налогообложению. Ревизии обычно продолжались несколько лет, и иногда новая ревизия начиналась до окончания предыдущей. К тому же, в нескольких ревизиях (первой, второй и шестой) учитывалось только мужское население [59].

В.М. Кабузан собрал и обработал результаты ревизий XVIII–XIX вв., а также текущего учета населения Российской империи в 1913–1917 гг. по конфессиональной структуре населения на уровне губерний, представив эту статистику в своей работе «Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.)» [90]. Конечно, данную религиозную статистику трудно назвать точной, к тому же иногда отсутствуют данные о немногочисленных конфессиональных группах, поэтому в целом ряде губерний доля православных равна 100 %. Также в ряде случаев нет разделения старообрядцев и православного населения. Тем не менее, данная статистика дает общее представление о динамике компонентной, а иногда и территориальной, структуре конфессионального пространства Северо-Запада России на протяжении XVIII и XIX вв.

Наиболее спорной является конфессиональная статистика по итогам первой ревизии (1719–1727 гг.), поэтому ниже рассмотрена динамика

конфессиональной структуры населения Северо-Запада России, начиная с пятой ревизии (1794–1795 гг.), т.е. с конца XVIII в., и вплоть до Первой мировой войны. В представленном ниже графике учтены результаты девятой ревизии (1850–1851 гг.), Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и текущего учета населения в предреволюционный период (1913–1914 гг.) [88–90; 156].

По данной статистике была рассчитана величина модифицированного индекса религиозной мозаичности (ИРМ_М) по четырем основным конфессиональным группам (православные со старообрядцами, католики, протестанты и иудеи). По динамике и величине ИРМ_М (на протяжении всего периода менее 0,280) были выделены фазы и стадии динамики конфессионального пространства Северо-Запада России с 1795 по 1914 гг.: 1) фаза конфессиональной гетерогенизации с 1795 по 1897 гг. (начальная стадия, характеризуемая ростом доли протестантов и католиков, и небольшим падением доли православных, но при сохранении последними явного доминирования в конфессиональном пространстве региона); 2) фаза конфессиональной гомогенизации с 1897 по 1914 гг. в пользу православных, характеризуемая положительной динамикой удельного веса последних при сокращении доли католиков и протестантов (рис. 9).

Фазы и стадии динамики конфессионального пространства Северо-Запада России

Стадии фазы гетерогенизации:

- 1) начальная стадия гетерогенизации
- 2) основная стадия гетерогенизации

Стадии фазы гомогенизации:

- 3) начальная стадия гомогенизации
- 4) завершающая стадия гомогенизации

Рисунок 9 – Изменение модифицированного индекса религиозной мозаичности и удельного веса основных конфессиональных групп в современных границах Северо-Запада России, с 1795 по 1914 гг. (рассчитано автором по [88–90; 156])

Территориальная структура конфессионального пространства Северо-Запада России в период с конца XVIII по начало XX вв. не претерпевала серьезных изменений. Почти исключительно православными оставались Псковская и Новгородская губернии, рост доли католиков и протестантов происходил исключительно благодаря Санкт-Петербургской губернии, в ней же произошло сокращение удельного веса этих конфессиональных групп в начале Первой мировой войны (табл. 1).

Таблица 1 – Изменение доли основных конфессиональных групп на Северо-Западе в период с 1795 по 1914 гг. (источники: [88–90])

	годы	Доля приверженцев религии, %			
		Весь Северо-Запад*	губернии		
			Санкт-Петербургская	Новгородская	Псковская
Православные	1795	95,56**	86,72**	100,0**	99,92**
	1851	90,71	79,91	98,8	98,09
	1897	88,73	81,82	96,04	92,91
	1914	91,63	89,07	98,22	93,08
Старообрядцы	1795
	1851	1,3	0,96	1,31	1,48
	1897	2,07	0,95	2,28	3,61
	1914	1,26	0,34	0,84	3,6
Католики	1795	0,11
	1851	1,41	3,35	0,06	0,25
	1897	1,65	3,10	0,35	0,49
	1914	1,52	2,52	0,12	0,75
Протестанты	1795	4,13	13,28	...	0,08
	1851	5,7	15,19	0,02	0,18
	1897	6,46	12,77	1,02	2,32
	1914	4,46	7,71	0,82	1,67
Иудеи	1795	0,2
	1851	0,19	0,14	0,01	...
	1897	0,92	1,0	0,28	0,66
	1914	0,27	0,11	...	0,9
Мусульмане	1795
	1851	0,16	0,42
	1897	0,14	0,28	0,04	0,03
	1914	0,11	0,21

Примечания: *включая 3 уезда Витебской губернии, вошедшие в 1924 г.

в состав Псковской губернии; **православные и старообрядцы (в сумме);

... нет сведений.

2.2.3 Конфессиональное пространство Северо-Запада России в межвоенный период (с 1920 по 1941 гг.)

Революцию 1917 г. можно рассматривать в качестве начального момента радикальной трансформации конфессионального пространства России, включая и ее Северо-Западный регион. В послереволюционный период произошло значительное сужение религиозного компонента в конфессиональном пространстве России. С.А. Горохов обозначил такой период в развитии конфессионального геопространства как фазу устойчивой политической секуляризации, характеризуемую ростом общей мозаичности (как результат увеличения удельного веса нерелигиозного населения) и снижением или сохранением на предыдущем уровне религиозной мозаичности [41, с. 155].

Наиболее значительным было сужение собственно религиозного компонента в конфессиональном пространстве Северо-Запада России в 1920–1930-е гг. В этот период происходило массовое закрытие церквей и монастырей Русской православной церкви, духовенство подвергалось репрессиям и гонениям. Особенно в этом плане выделялся Петроград-Ленинград, получивший славу «колыбели революции». Так, к примеру, первый этап закрытия храмов в Петрограде пришелся на 1917 г., и это были в основном домовые и ведомственные храмы. В начале 1920-х гг. были закрыты многие монастыри и домовые церкви [18]. Третий этап пришелся на период с 1929 по 1931 гг., когда после принятия в 1929 г. закона «О религиозных объединениях», в Ленинграде было закрыто 139 храмов [202]. В 1933 г. в городе с населением свыше двух млн жителей оставался действующим всего 61 православный храм, к 1938 г. их количество сократилось до 34, а к 1941 г. – до 8 [14].

Массовое закрытие храмов в остальной части Ленинградской епархии пришлось на конец 1930-х гг. и начало 1940-х гг., что было связано с преобладанием за пределами Ленинграда приходских храмов над домовыми

[18]. Во всей Ленинградской епархии к 1941 г. оставался лишь 21 православный храм, и это было их минимальное количество за все время существования епархии [14]. Такая же ситуация сложилась в других епархиях Северо-Запада России. Так, в Псковской епархии в 1930-е гг. действовал всего 21 храм, в т.ч. 8 действующих православных храмов располагалось в Пскове [64].

В 1920-е гг. развернулась острая борьба внутри православной церкви между несколькими группировками, т.е. фактически произошел раскол Русской православной церкви. Во-первых, это были «тихоновцы», т.е. сторонники патриарха Тихона, взятого под стражу и освобожденного только в 1923 г. Во-вторых, «тихоновцам» противостояли «обновленцы», некоторое время поддерживаемые большевиками. При этом создавались многочисленные «обновленческие» епархии, которые действовали параллельно с епархиями Московского Патриархата. На Северо-Западе России «обновленчество» не прижилось только в Псковской епархии [65].

В конце 1920-х гг. В Ленинграде некоторое время существовало антисергианское движение, или же Иосифлянское, т.к. возглавлялось митрополитом Иосифом. Последний выступил с критикой послания митрополита Сергия (1927 г.), признавшего Советскую власть и предложившего подчиниться и сотрудничать с ней. При этом существовали разногласия и внутри лагеря «реформаторов» [14].

Но даже несмотря на мощную антирелигиозную пропаганду, в ходе проведения Всесоюзной переписи населения 1937 г., результаты которой официально были признаны дефектными, свыше 56 % населения СССР указали о своей религиозной принадлежности [78]. Вероятно, что чуть меньший удельный вес религиозного населения был на Северо-Западе России, и соотношение религиозного и нерелигиозного населения в этот период можно оценить примерно 50 на 50 %. Эти цифры и можно принять как отправные для сравнения конфессиональной структуры населения Северо-Запада России в довоенный период и в настоящее время.

Количество православных приходов на Северо-Западе России резко увеличилось в период Великой Отечественной войны, т.к. на оккупированных территориях вела свою деятельность Псковская православная миссия, в основном представленная священнослужителями Рижской и Нарвской епархий. В это время на оккупированных территориях было открыто от двух до трех сотен православных приходов [162]. Следует отметить, что сразу после освобождения территорий Северо-Запада России, а точнее, в период с 1944 по 1948 гг. был отмечен рост количества православных приходов: на современной территории Псковской области на 10 единиц (с 85 до 95 храмов), в Новгородской было зарегистрировано также 10 новых приходов (увеличение с 31 до 41), столько же новых приходов было зарегистрировано и на территории Ленинградской области [148].

Таким образом, компонентная и территориальная структура конфессионального пространства Северо-Запада России в период с конца XVIII по начало XX вв. не претерпевала серьезных изменений. Почти исключительно православными оставались Псковская и Новгородская губернии, рост доли католиков и протестантов происходил исключительно благодаря Санкт-Петербургской губернии. Революцию 1917 г. можно рассматривать в качестве начального момента радикальной трансформации конфессионального пространства России. К середине XX в. произошло значительное сужение религиозного компонента в конфессиональном пространстве Северо-Запада России.

2.3 Изменения в структуре конфессионального пространства

Прибалтики в XIX – первой половине XX вв.

2.3.1 Динамика конфессионального пространства Эстонии до начала 1940-х гг.

Информационной базой для изучения конфессиональной структуры населения на территории Эстонии в период с XVIII в. до 1940-х гг., кроме

охарактеризованных выше итогов пятой (1794–1795 гг.) и девятой (1850–1851 гг.) ревизий, а также Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и учета населения 1913 г. [88–90; 156], являются результаты переписей населения, состоявшихся в 1881 г. (охватила три прибалтийских губернии – Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую), 1922 и 1934 гг. (в период первой независимости Эстонии). Однако более полными, содержащими информацию по территориальным ячейкам (уездам), являются итоги переписей населения 1881 и 1897 гг. [248], которая использована для анализа территориальной структуры конфессионального пространства в современных границах Эстонии и его динамики в дореволюционный период.

Основной религией на территории Эстонии с XVI–XVII вв. является лютеранское направление христианства. На севере Эстонии, а точнее, в Эстляндии, лютеранство было принято в конце XVI в., когда эта территория вошла в состав Швеции – первой страны мира, где лютеранство приобрело статус государственной религии. В начале 1630-х гг. к Швеции перешла и Лифляндия, куда входила южная часть современной Эстонии. Тогда были созданы Эстляндская консистория, возглавляемая епископом, и Лифляндская верховная консистория во главе с суперинтендантом. Только в Ревеле (Таллине) церковь оставалась независимой от государства [24, с. 101].

Православие наиболее активно стало распространяться в Эстляндии и Лифляндии после включения этих территорий в состав Российского государства в соответствии с закрепившим итоги Северной войны Ништадтским мирным договором 1721 г. Однако была сохранена конфессиональная свобода местного лютеранского населения. В 1832 г. был принят закон, позволяющий населению Прибалтийских губерний переходить из лютеранства в православие. В 1919 г., после провозглашения Эстонской республики, была создана Эстонская евангелическо-лютеранская церковь (ЭЕЛЦ), главой которой являлся епископ, утверждаемый президентом республики. В конце Великой Отечественной войны руководство ЭЕЛЦ

бежало в Германию и Швецию, и в 1948 г. вместо нее была организована Евангелическо-лютеранская церковь Эстонской ССР [24, с. 101].

В компонентной структуре конфессионального пространства на территории Эстонии на протяжении XVIII и XIX вв. постепенно снижался удельный вес лютеран и росла доля православных и старообрядцев (рис. 10), причем начальная стадия конфессиональной гетерогенизации с середины XIX в. перешла в основную стадию фазы гетерогенизации (ИРМ_М превысил 0,280 и продолжал расти). Гетерогенность компонентной структуры конфессионального пространства, достигнув пика в конце XIX в. (по итогам переписи 1897 г.), затем несколько снизилась в предреволюционный период, что означало временный переход к фазе конфессиональной гомогенизации (начальной стадии).

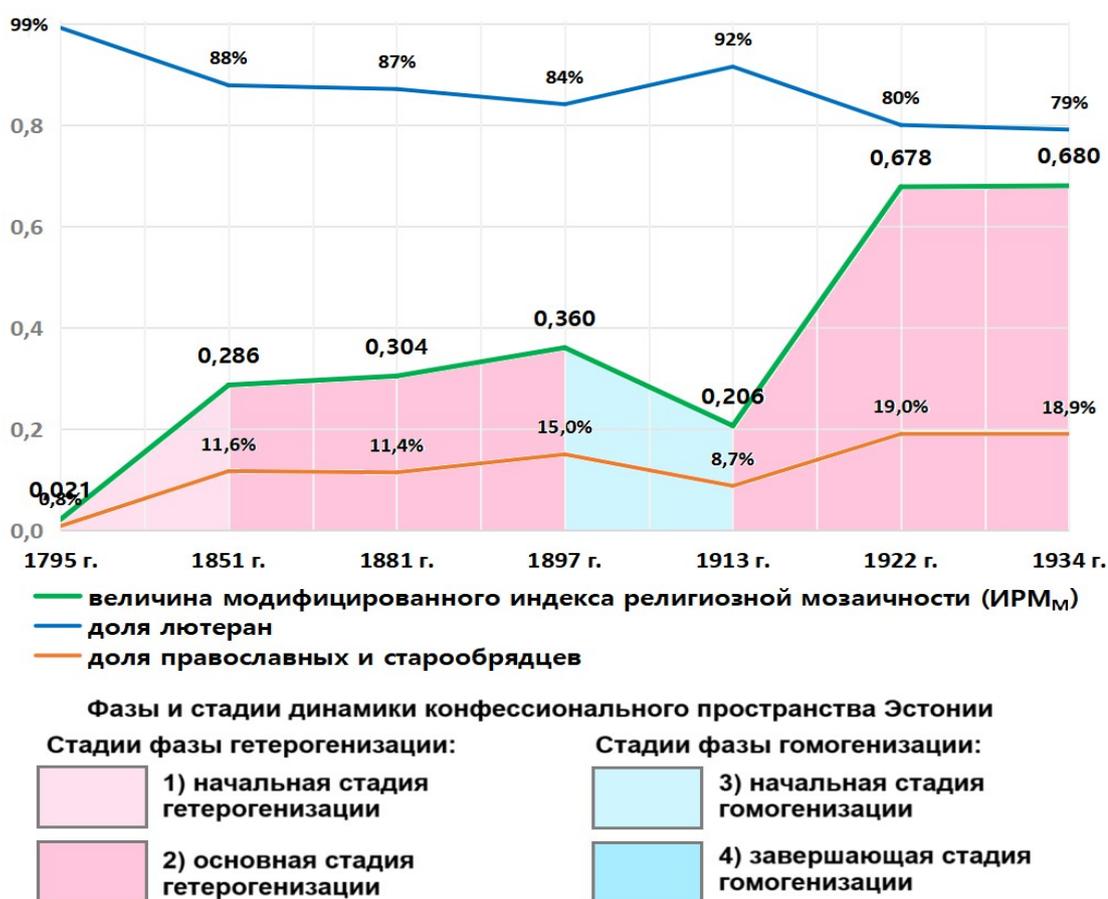

Рисунок 10 – Изменение модифицированного индекса религиозной мозаичности и удельного веса основных конфессиональных групп на территории Эстонии с 1795 по 1934 гг. (рассчитано по [88–90; 156; 248])

Однако в период первой независимости Эстонии (с 1918 по 1940 гг.) произошел значительный рост ИРМ_М, что означало возвращение к основной стадии фазы конфессиональной гетерогенизации. В этот период вновь повысилась доля православных и старообрядцев, что, однако, было связано с включением в состав Эстонии по Тартускому договору 1920 г. собственно русских территорий (Нарвы и Ивангорода с окрестностями, а также Печорского края), где доминировало православное население (включая печорских сето, принявших православие в XVI в.).

Особенности территориальной структуры конфессионального пространства на территории современной Эстонии во второй половине XIX в. были изучены с опорой на религиозную и этническую статистику по итогам переписей населения 1881 и 1897 гг. в работе [107]. В компонентной структуре конфессионального пространства Эстляндской и Лифляндской губерний тогда лидировали лютеране (рис. 11). Наибольшей была их доля в Эстляндской губернии (свыше 90 %), наименьшей – в северо-западных уездах Лифляндской губернии (около 65 % – в Эзельском уезде, около 72 % – в Перновском уезде).

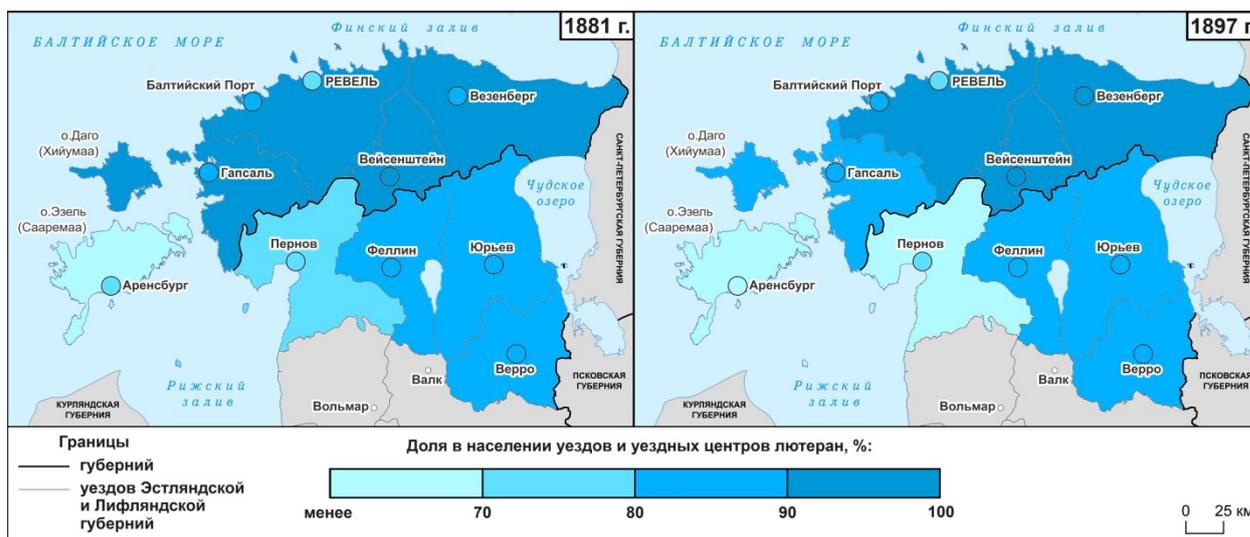

Рисунок 11 – Доля лютеран в населении уездов и уездных центров на территории Эстонии в 1881 и 1897 гг. [107, с. 90]

В период с 1881 по 1897 гг. на территории современной Эстонии доля лютеран уменьшилась с 87,1 до 84,1 %. При этом наибольшее падение этой доли характеризовало западные уезды (Гапсальский, Перновский), наиболее удаленные от русских губерний. Произошло это за счет роста в данных уездах удельного веса православного и старообрядческого населения (рис. 12). Православные и старообрядцы занимали вторую позицию в компонентной структуре конфессионального пространства на территории Эстонии во второй половине XIX в. Их доля с 1881 по 1897 гг. в целом выросла с 11,4 до 15 %.

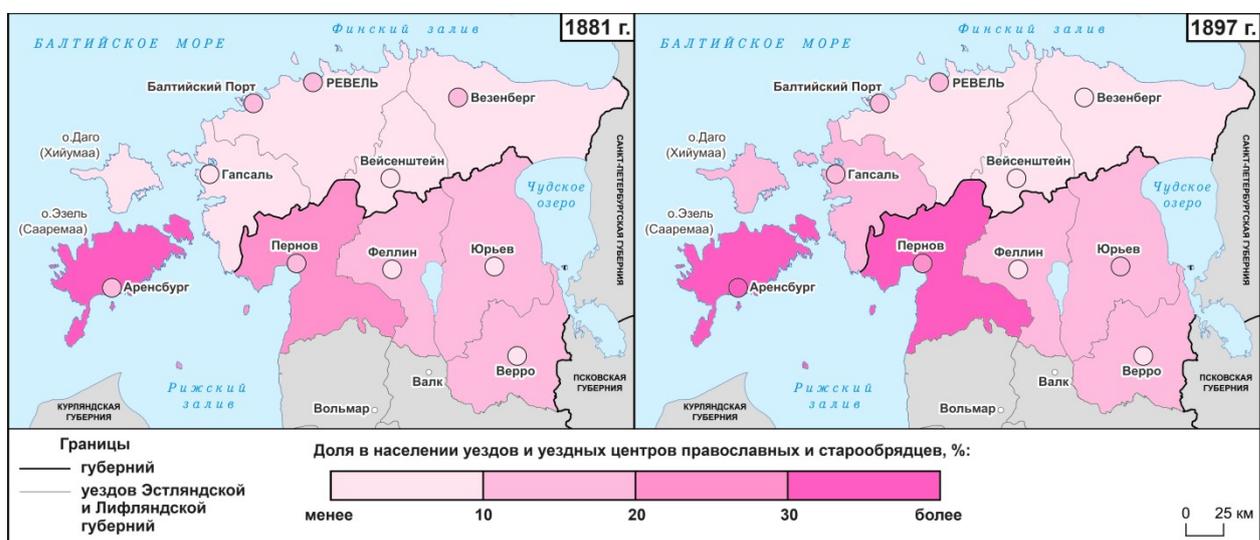

Рисунок 12 – Доля православных и старообрядцев в населении уездов и уездных центров на территории Эстонии в 1881 и 1897 гг. [107, с. 91]

Наибольший прирост доли православных и старообрядцев произошел в Эзельском и Перновском уездах Лифляндской губерний (с 35 до 39 %, и с 30 до 32 % соответственно), а также в Гапсальском уезде Эстляндской губернии (до 13 %). Но исторически православное русское население никогда не концентрировалось на западе Эстонии, можно отметить лишь миграции старообрядцев на западное побережье Чудского озера, ставшие следствием раскола Русской православной церкви в XVII в. [100].

По итогам переписей населения 1881 и 1897 гг., на основе этнической статистики, была рассчитана потенциальная религиозная структура

населения уездов и уездных центров на территории Эстонии. Сравнение доли православного (в сумме старообрядцами) населения с удельным весом потенциально православного населения (суммарно восточнославянских народов) показало значительное превышение доли православных (в 1881 на 8 %, а в 1897 г. на 9 %). С другой стороны, примерно на такую же величину доля потенциально лютеранского населения (эстонцев, шведов и финнов) превышает удельный вес собственно лютеран. Благодаря этому была вычислена доля эстонцев, принявших православную религию (рис. 13).

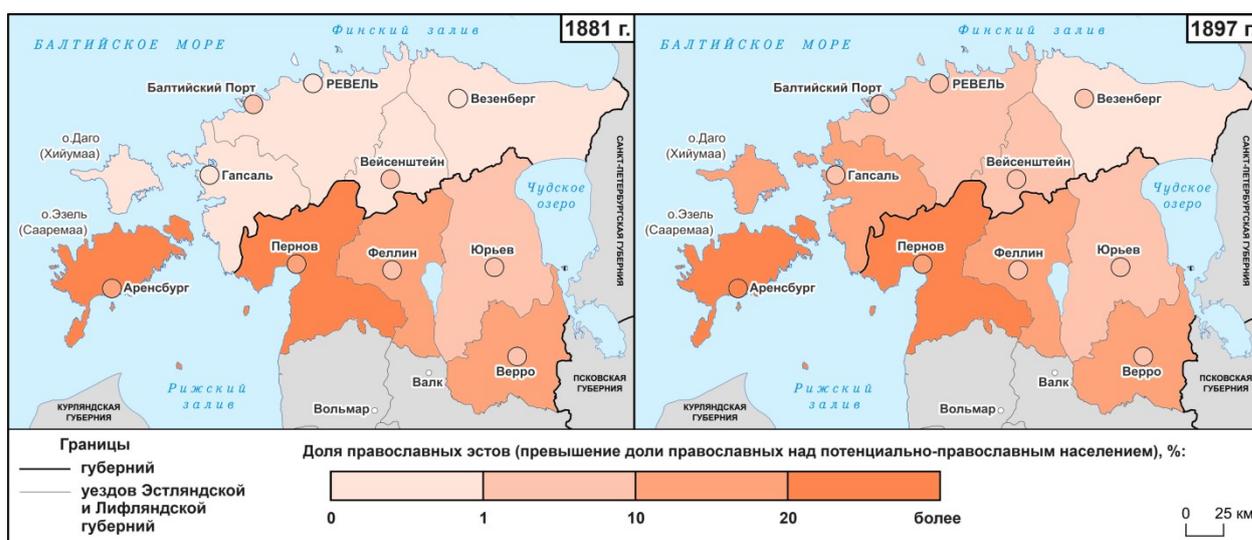

Рисунок 13 – Доля православных эстонцев в населении уездов и уездных центров на территории Эстонии в 1881 и 1897 гг. [107, с. 93]

Следует отметить, что в период в XIX в. произошло две волны массового обращения эстонцев в православие, первая из которых пришлась на середину века, а вторая – на 1880-е гг. Как раз результаты двух этих волн и были зафиксированы в итогах переписей населения 1881 и 1897 гг. В 1816 и 1819 гг. император Александр I отменил крепостное право в Эстляндской и Лифляндской губерниях соответственно. В 1832 г., согласно новому закону, жителям этих губерний было разрешено переходить из лютеранства в православие. Среди крестьян губерний стали распространяться слухи, что, прием «царственной веры» (православия) облегчит получением ими земли. Первая волна перехода эстонцев в православие пришлась на 1845–1848 гг.,

которая охватила сначала северо-восточные, а затем и северо-западные уезды Лифляндской губернии. В этот период православие приняли около 64 тыс. Эстонцев, или же примерно 17 % населения северной части Лифляндской губернии [163].

Вторая волна перехода эстонцев в православие началась в период с 1882 по 1887 гг., когда Рижскую епархию Русской православной церкви возглавлял епископ Донат. Тогда православие приняло около 16 тыс. эстонских крестьян, причем проживающих преимущественно в Эстляндской губернии. Продолжение волны пришлось на период с 1887 по 1894 гг., когда Рижской епархией управлял епископ Арсений. Тогда в православие перешло еще 12 тыс. крестьян. В итоге к 1914 г. Рижская епархия насчитывала уже свыше 273 тыс. прихожан (без старообрядцев) [241, с. 25]. Если в 1881 г. наибольшей была доля православных эстонцев в уездах Лифляндской губернии, особенно в Эзельском и Перновском уездах, то к 1897 г. заметно выросла доля православных эстонцев в Эстляндской губернии, особенно на ее западе (см. рис. 13).

Доля католиков на территории современной Эстонии в период с 1881 по 1897 гг. выросла с 0,2 до 0,35 %. Приверженцами Римско-католической церкви в это время являлись в основном выходцы из католической части Европы, которые проживали преимущественно в городах (рис. 14). Но можно отметить, что в период с 1881 по 1897 гг. доля католиков выросла в ряде сельских уездов, в частности, в Ревельском и Везенбергском уездах Эстляндской губернии, в Перновском уезде Лифляндской губернии.

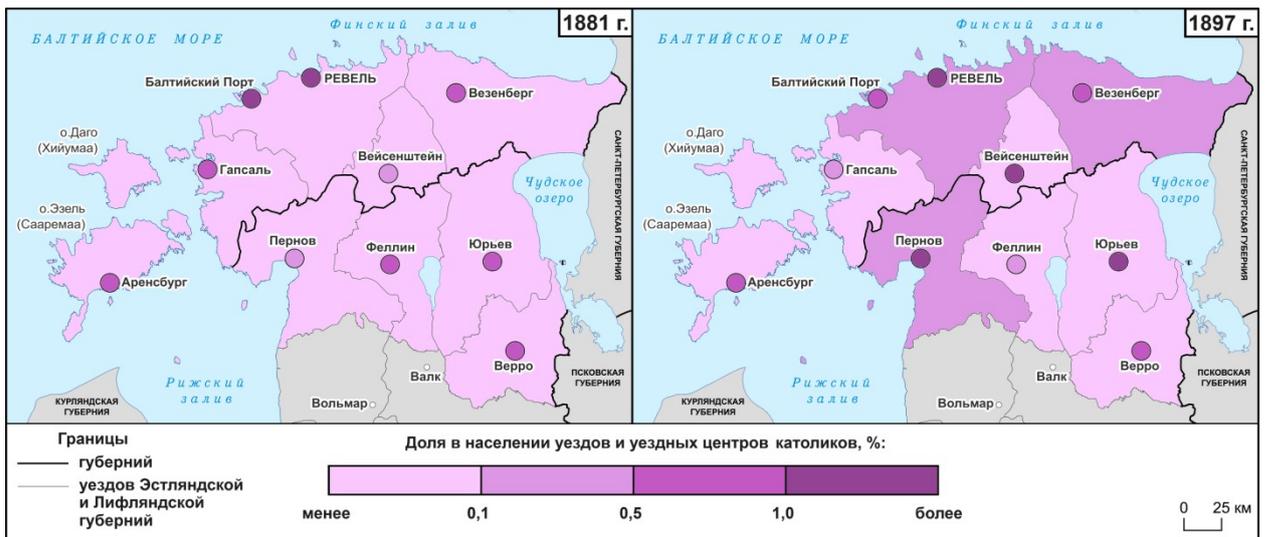

Рисунок 14 – Доля католиков в населении уездов и уездных центров на территории Эстонии в 1881 и 1897 гг. [107, с. 93]

Также достаточно малочисленными на территории современной Эстонии были приверженцы иудаизма (преимущественно евреи). Несмотря на то, что Эстляндская и Лифляндская губернии не входили в черту оседлости еврейского населения, все же в городских поселениях губерний (и частично даже в сельской местности) проживали небольшие группы евреев. Доля приверженцев иудаизма на территории современной Эстонии в 1881 и 1897 гг. держалась на уровне около 0,5 %, и в период между переписями произошли незначительные территориальные перераспределения (рис. 15).

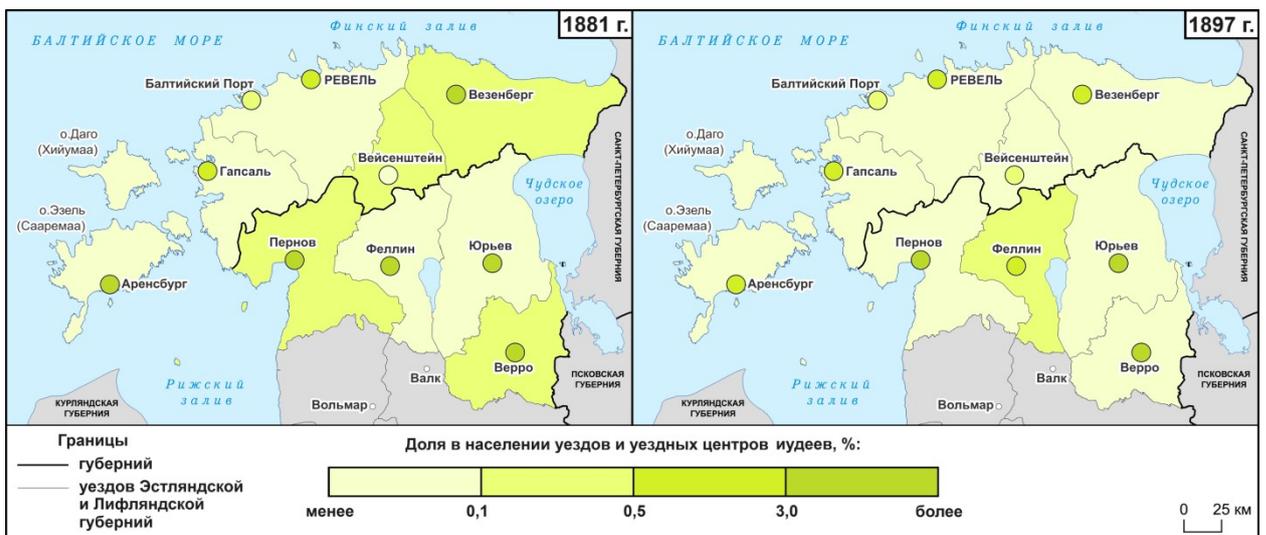

Рисунок 15 – Доля иудеев в населении уездов и уездных центров на территории Эстонии в 1881 и 1897 гг. [107, с. 94]

Для оценки степени инерционности геопространств основных религий и религиозных направлений в период с 1881 по 1897 гг. был рассчитан индекс Рябцева, что позволило сделать следующие выводы. Для лютеранского геопространства индекс составил 0,016, что фактически означает тождественность территориальных структур 1881 и 1897 гг. Весьма низкий уровень различий территориальных структур характеризует православное геопространство (индекс равен 0,069). Низкий уровень различий был отмечен для католического и иудейского геопространств (индексы составляют соответственно 0,091 и 0,132).

Также за 1881 и 1897 гг. на уровне уездов и уездных центров был рассчитан модифицированный индекс религиозной мозаичности (ИРМ_М). В этот период ИРМ_М на всей современной территории Эстонии вырос с 0,304 до 0,360. К категории относительно гетерогенных в конфессиональном плане территорий (с ИРМ_М от 0,556 до 0,820) относились Эзельский и Перновский уезды Лифляндской губернии (рис. 16).

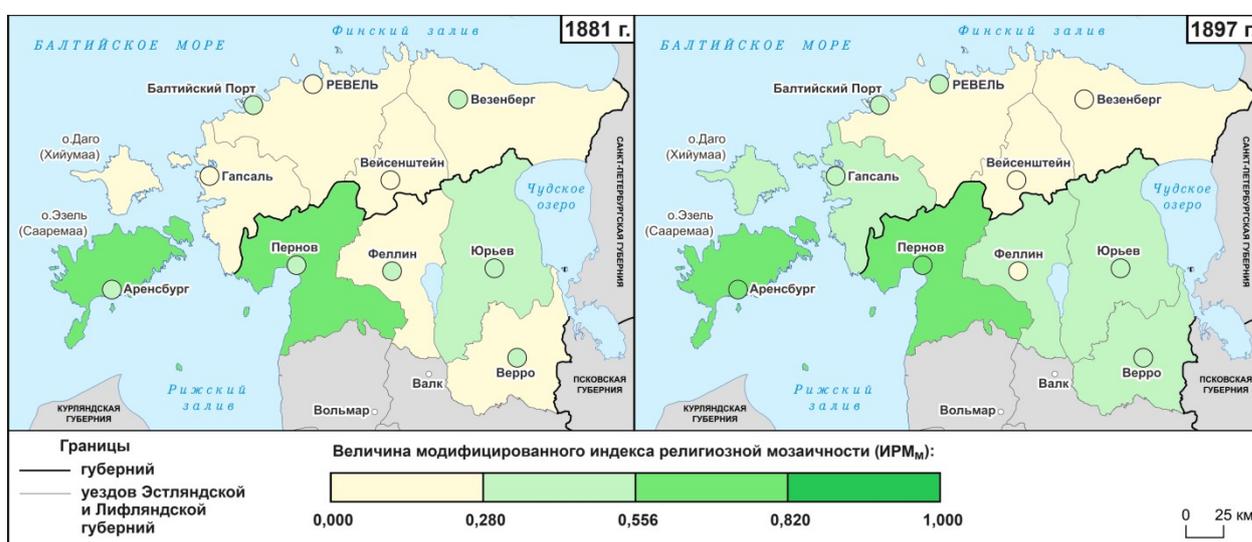

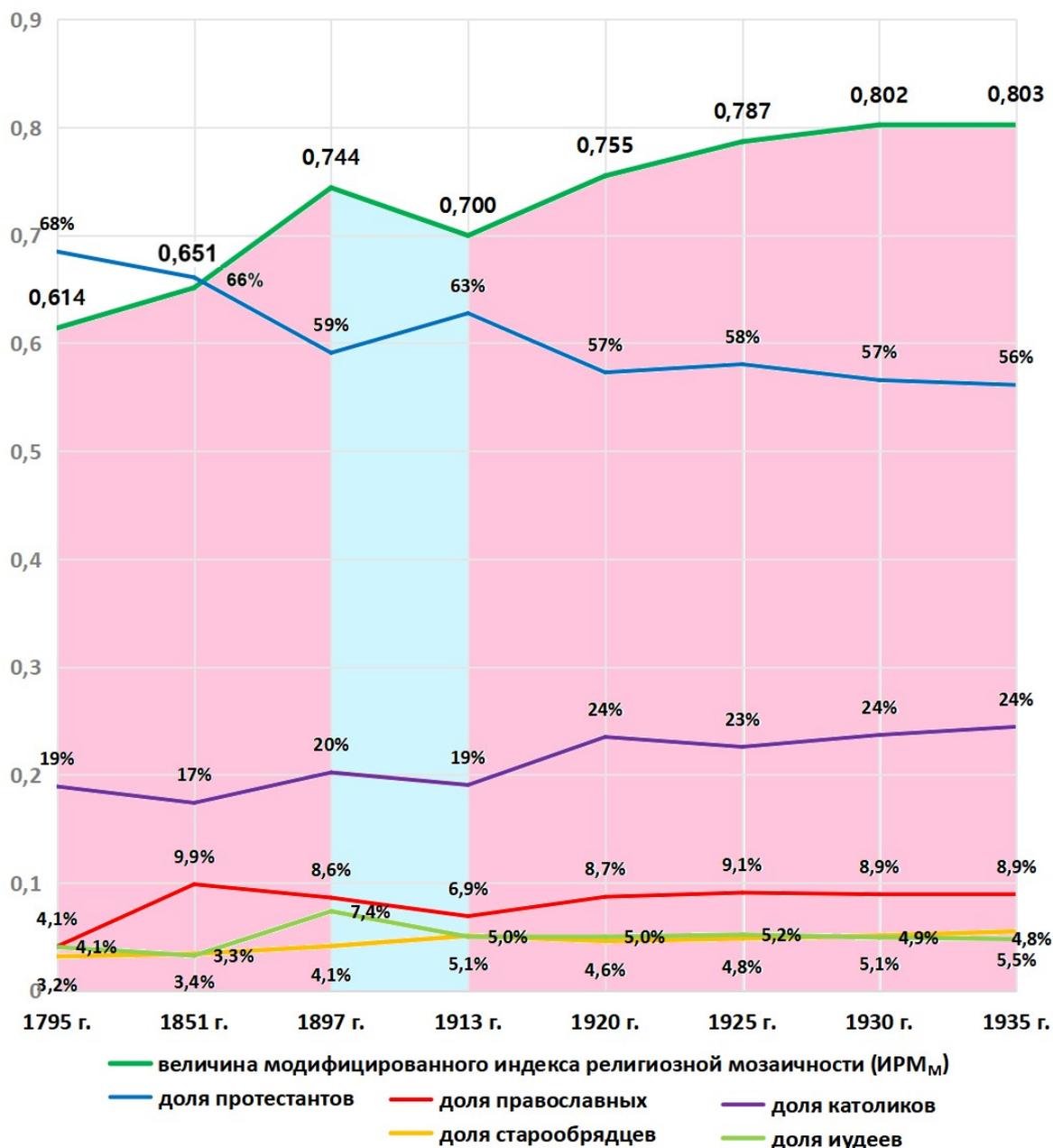
Рисунок 16 – Величина модифицированного индекса религиозной мозаичности уездов и уездных центров на территории Эстонии в 1881 и 1897 гг. [107, с. 95]

В группу крайне гомогенных территорий ($ИРМ_M$ менее 0,280) в 1881 г. попадало два уезда Лифляндской (Феллинский и Верроский) и все уезды Эстляндской губернии, но к 1897 г. в этой категории осталось только три уезда Эстляндской губернии. Все остальные уезды перешли в категорию относительно гомогенных территорий ($ИРМ_M$ от 0,280 до 0,556).

Наличие лишь небольших сдвигов в конфессиональном пространстве в современных границах Эстонии в конце XIX в. позволяет говорить об относительной устойчивости его территориальной структуры, и о преимущественно гомогенной его компонентной структуре, за исключением относительно гетерогенных территорий на юго-западе Эстонии (о. Сааремаа и района г. Пярну, или в то время Эзельского и Перновского уездов Лифляндской губернии), по сути представляющих собой ярко выраженные контактные зоны между лютеранами и православными (хотя этнически и те, и другие были эстонцами).

2.3.2 Динамика конфессионального пространства Латвии до начала 1940-х гг.

В качестве информационной базы для изучения конфессиональной структуры населения на территории Латвии в период с XVIII в. до 1940-х гг., кроме результатов пятой (1794–1795 гг.) и девятой (1850–1851 гг.) ревизий, итогов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и учета населения 1913 г. [88–90; 156], выступают результаты переписей населения, состоявшихся в 1920, 1925, 1930 и 1935 гг. [248], т.е. в период первой независимости Латвии. На основе этих данных была рассчитана величина модифицированного индекса религиозной мозаичности ($ИРМ_M$) за обозначенные годы (рис. 17), а также доля приверженцев пяти основных религий, религиозных направлений и групп течений (православных, старообрядцев, протестантов, католиков, иудеев).

Фазы и стадии динамики конфессионального пространства Латвии

Стадии фазы гетерогенизации:

- 1) начальная стадия гетерогенизации
- 2) основная стадия гетерогенизации

Стадии фазы гомогенизации:

- 3) начальная стадия гомогенизации
- 4) завершающая стадия гомогенизации

Рисунок 17 – Изменение модифицированного индекса религиозной мозаичности и удельного веса основных конфессиональных групп на территории Латвии с 1795 по 1935 гг. (рассчитано по [88–90; 156])

Территория современной Латвии стала гетерогенной в конфессиональном отношении в XVII в., когда была разделена между Швецией (Лифляндия, в дальнейшем – регион Видземе), Курляндским герцогством (исторические регионы Курземе и Земгале) и Речью Посполитой (регион Латгале, или Латгалия), причем в двух первых было принято лютеранство, а в Инфлянтах польских (Латгалии) сохранена католическая религия. К тому же, в Латгалии были представлены достаточно многочисленные группы старообрядцев (бежавших из России в том же XVII в.), православных (белорусов и русских) и иудеев (евреев).

Гетерогенизация компонентной структуры конфессионального пространства Латвии продолжалась почти весь XIX в. (до переписи населения 1897 г.), когда росла доля католиков и иудеев при стабилизации удельного веса православных и старообрядцев, и значительном падении доли протестантов. В начале XX в. обозначился небольшой период конфессиональной гомогенизации, хотя, возможно, что это был «сбой», произошедший из-за неточности конфессиональной статистики в этот период. На протяжении всего периода первой независимости Латвии продолжалась конфессиональная гетерогенизация, в большей мере связанная с уменьшением доли протестантов при медленном увеличении удельного веса католиков и стабилизации доли других конфессиональных групп (см. рис. 17).

Динамика территориальной структуры конфессионального пространства Латвии XIX – первой половины XX вв. рассмотрена по трем периодам: с 1897 по 1920 гг. (см. статью [111]), с 1925 по 1930 гг и с 1930 по 1935 гг. (более полный анализ представлен в статье [108]), каждый из которых имел свою специфику. В конце XIX – начале XX вв. современная территория Латвии была в составе трех губерний Российской империи: 1) северо-западная часть в Лифляндской губернии (регион Видземе); 2) восточная часть в Витебской губернии (регион Латгале); 3) южная часть в Курляндской губернии (регионы Курземе и Земгале).

По итогам переписи населения 1897 г. на территории Латвии преобладали лютеране (59,1 %), вторую позицию занимали католики (20,2 %), третью – православные (8,6 %), четвертую – иудеи (7,4 %), пятую – старообрядцы (4,1 %) [111, с. 28]. Степень гетерогенности территориальной структуры конфессионального пространства Латвии по результатам переписи населения 1897 г., находящуюся в обратной зависимости от доли лютеран, можно проследить по рисунку 18.

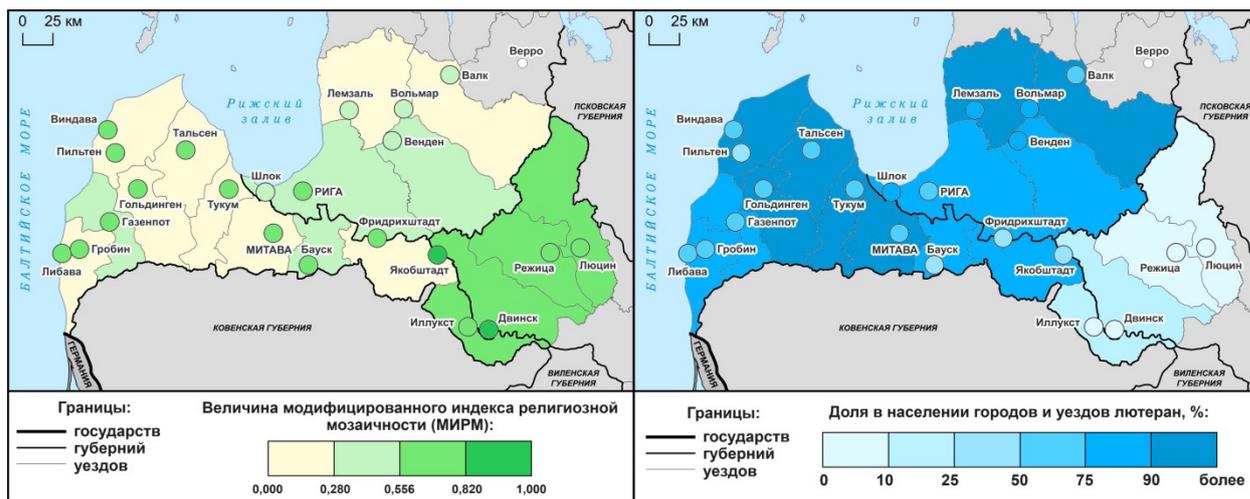

Рисунок 18 – Величина модифицированного индекса религиозной мозаичности уездов и уездных центров на территории Латвии и доля лютеран по итогам переписи населения 1897 г. [111, с. 30]

Относительно гетерогенной в конфессиональном отношении (ярко выраженной конфессиональной контактной зоной) была территория Латгалии с самой высокой на территории Латвии долей католиков (рис. 19). Преимущественно конфессионально гомогенными являлись тогда территории Видземе, Курземе и Земгале, но при этом в Курляндии относительной гетерогенностью характеризовались уездные центры, что было связано с высокой долей в их населении иудеев (евреев).

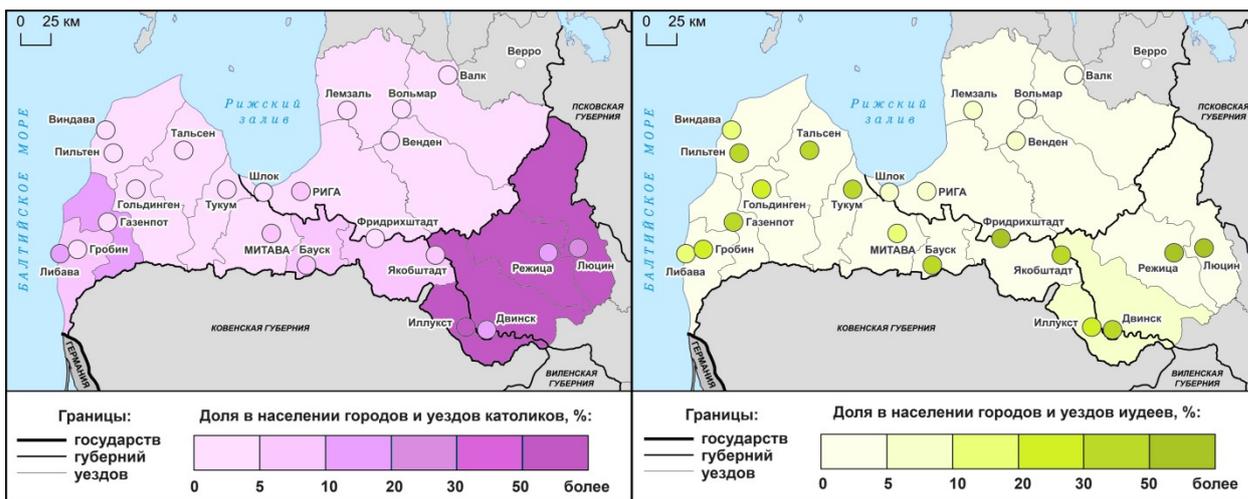

Рисунок 19 – Доля католиков и иудеев в населении уездов и уездных центров на территории Латвии в 1897 гг. [111, с. 30]

Но повышенная степень конфессиональной гетерогенности Латгалии была связана не только с концентрацией там католиков и иудеев, но и с православными и старообрядцами (рис. 20). Наиболее высокая доля старообрядцев (свыше 15 %) была в южной части Латгалии и на востоке Земгале, до 1772 г. входивших в состав речи Посполитой. Доля православных была наиболее высокой на северо-востоке Латгалии, т.е. на границе с Псковской губернией, а также в Видземе, являвшейся тогда частью Лифляндской губернии, где в XIX в. православие принимало также и местное латышское население.

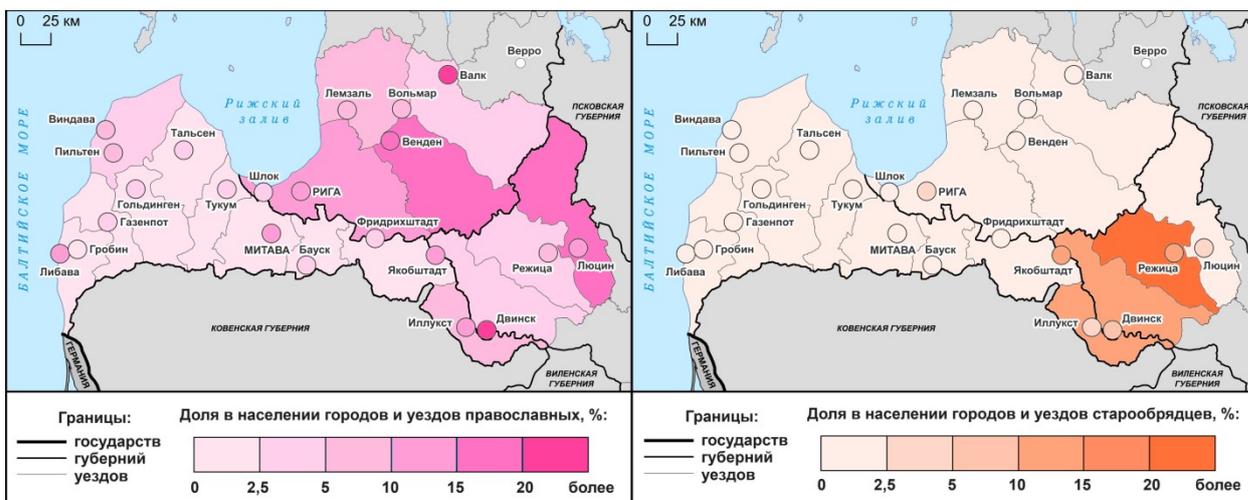

Рисунок 20 – Доля православных и старообрядцев в населении уездов и уездных центров на территории Латвии в 1897 гг. [111, с. 32]

По итогам переписи населения 1897 г., основываясь на распределении населения по языку и традиционным вероисповеданиям разных этнических групп, была оценена потенциальная конфессиональная структура населения на уровне уездов и уездных центров, расположенных на территории современной Латвии. Расчет превышения удельного веса католиков над потенциально католическим населением (поляками, литовцами и рядом других народов) позволил оценить долю латышей, исповедующих католическую религию (преимущественно латгальцев) (рис. 21).

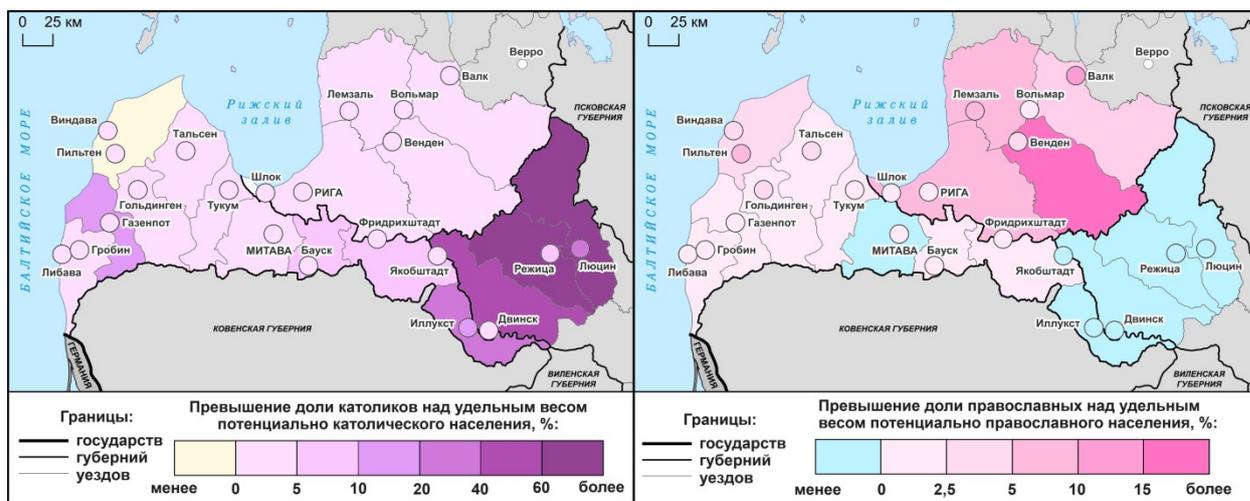

Рисунок 21 – Превышение доли католиков и православных над потенциально католическим и потенциально православным населением городов и уездов на территории Латвии в 1897 г. [111, с. 33]

Расчет по аналогичной методике превышения удельного веса православных и старообрядцев над долей потенциально православного населения (восточнославянских и ряда других народов), с одной стороны, позволил оценить долю латышей, принявших православие (на юге Лифляндской губернии, т.е. в Видземе, а также в Курляндской губернии), но с другой стороны, выявил территории, где доля потенциально православного населения была меньше реальной доли православных и старообрядцев (в Латгалии и частично в Курляндской губернии). Последнее означает, что часть потенциально православного населения здесь исповедовала другую религию, а именно, католичество, что было подтверждено аналогичными

расчетами по итогам переписей населения Латвии с 1920 по 1935 гг., т.е. в период ее первой независимости.

В качестве примера на рисунке 22 представлено превышение на уровне уездов Латвии в 1925 г. доли приверженцев Римско-католической церкви над потенциально католическим населением, а также превышение доли потенциально протестантского населения (латышей, эстонцев, финнов, шведов, немцев и др.) над реальными последователями течений в протестантском направлении христианства. Можно отметить наличие очевидной связи между распределениями данных категорий населения по уездам Латвии.

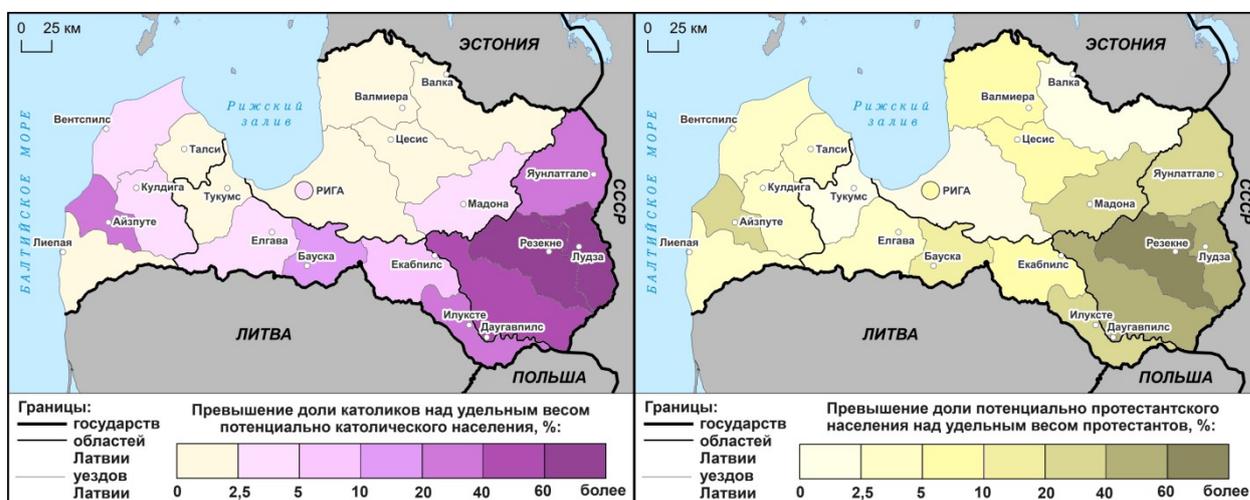

Рисунок 22 – Превышение доли католиков над потенциально католическим населением, а также превышение удельного веса потенциально протестантского населения над долей протестантов по уездам Латвии в 1925 г. [108, с. 26]

Но очевидным является также наличие прямой связи между различием долей потенциально православного населения и собственно православного (тогда приписанного к униатам) и старообрядческого населения, с одной стороны, и удельным весом белорусов, с другой стороны. Исключение составила только территория Видземе, где православие приняла часть латышей. В Латгалии же, где православных и старообрядцев оказалось меньше, чем потенциально православного населения, объяснение данного

факта можно объяснить только тем, что часть белорусского населения (и может, быть, русского) здесь приняла католическую религию (или же была приписана к Римско-католикам). К тому же, православные в период первой независимости Латвии фиксировались как униаты, что свидетельствует о попытке властей государства оторвать местное православное население от Русской православной церкви, переподчинив их Папе Римскому.

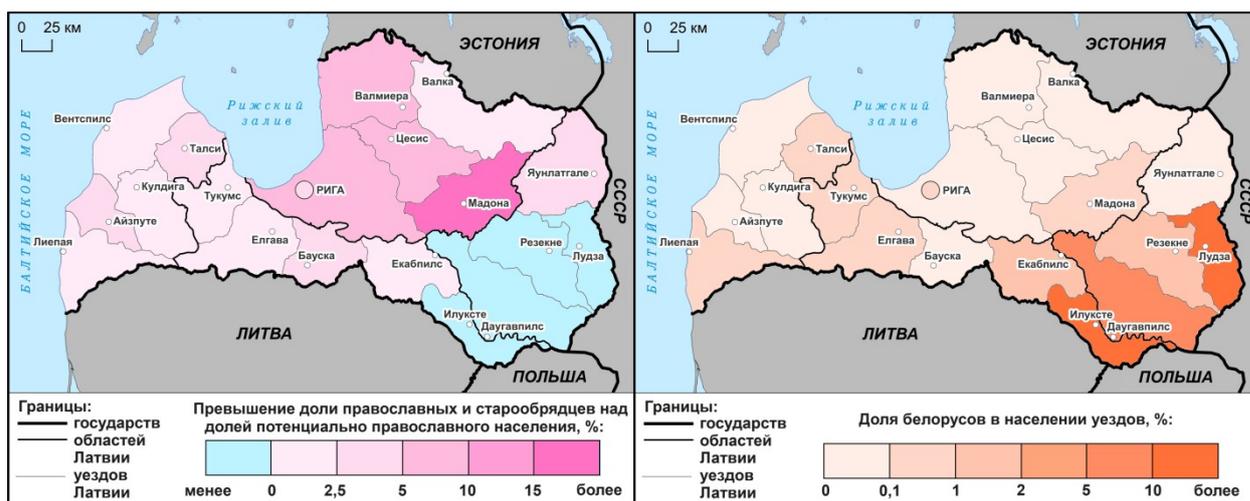

Рисунок 23 – Превышение доли православных и старообрядцев над потенциально православным населением, а также доля белорусов в населении уездов Латвии в 1925 г. [108, с. 26]

Динамика территориальной структуры конфессионального пространства в современных границах Латвии была рассмотрена по трем периодам: с 1897 по 1920 гг., с 1925 по 1930 гг. и с 1930 по 1935 гг., в каждом из которых присутствуют свои специфические черты. В два первых десятилетия XX в. не произошло радикальных изменений в территориальной структуре конфессионального пространства Латвии. Латгалия сохранила свою конфессиональную гетерогенность при перевесе католического населения, причем в ее основной части даже началась гомогенизация в пользу приверженцев Римско-католической церкви, и лишь на ее севере усилилась гетерогенизация вследствие роста доли православных (рис. 24).

Рисунок 24 – Величина модифицированного индекса религиозной мозаичности по уездам Латвии в 1920 г. и динамика в ней территориальной структуры конфессионального пространства с 1897 по 1920 гг. [111, с. 34]

Остальная часть территории Латвии в период с 1897 по 1920 гг. усилила свою относительную (или даже полную) конфессиональную гомогенность в пользу лютеран, при этом только в трех уездах (особо нужно выделить Рижский уезд) немного выросла доля католиков, лишь обозначив там движение в сторону конфессиональной гетерогенности.

Иной стала динамика территориальной структуры конфессионального пространства Латвии между переписями населения 1925 и 1930 гг. В Латгалии уже полным ходом шла гомогенизация в пользу католиков и православных, в остальных же регионах Латвии также росла доля католиков и православных, что означало переход их к фазе конфессиональной гетерогенизации. Лишь в уезде Лиепая выросла доля протестантов, что привело к переходу уезда к завершающей стадии конфессиональной гомогенизации в пользу протестантов (рис. 25).

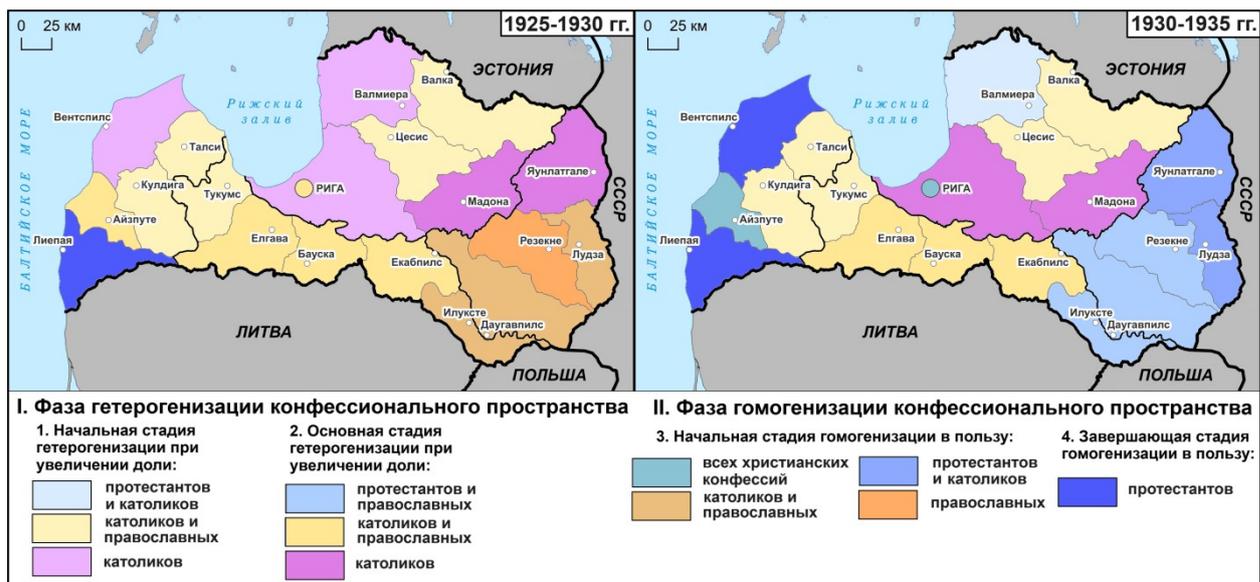

Рисунок 25 – Динамика территориальной структуры конфессионального пространства Латвии с 1925 по 1930 гг. и с 1930 по 1935 гг. [108, с. 27]

Можно предположить, что данные изменения в компонентной структуре конфессионального пространства Латвии в период между переписями населения 1925 и 1930 гг. связаны с более высокой рождаемостью в семьях католиков и православных, чем приверженцев разных течений протестантизма. Во-вторых, в этот период отмечается эмиграция в Латвию (почти во все регионы) русского населения из Советской России. При этом русские активно выезжали из Курземе (особенно из Лиепай), что обусловило там значительное падение доли православных, и рост – лютеран.

В период между переписями населения 1930 и 1935 гг. принципиальные изменения произошли, в первую очередь, в динамике компонентной структуры конфессионального пространства Латгалии, которая перешла к гетерогенизации по причине роста доли протестантов (см. рис. 25). Это вполне можно объяснить проводившейся в этот период политикой «латышизации» местного латгальского, белорусского, русского и польского населения, т.е. их насильственной (или статистической) ассимиляцией, как этнической, так и конфессиональной [140, с. 44]. Также увеличение удельного веса протестантов характеризовало западную часть Курземе, где

усилилась конфессиональная гомогенизация в пользу последних. На остальной территории Латвии продолжалась конфессиональная гетерогенизация при росте доли католиков и православных.

Таким образом, на протяжении всего периода с XIX в. по 1940-е гг. в границах современной Латвии наблюдалась крайне неоднородная компонентная и территориальная структура конфессионального пространства, что было связано с вхождением ее исторических регионов до XVIII в. в разные государственные образования с доминированием лютеранства (Видземе, Курземе и Земгале) и католичества (Латгале). Кроме того, в Латгале проживали достаточно многочисленные группы старообрядцев, мигрировавших в нее в XVII в., в ней же была повышенной доля иудеев, что являлось наследием существовавшей до революции «черты оседлости» еврейского населения. Доля иудеев также была высока в городских поселениях Курземе и Земгале (в прошлом – территории Курляндского герцогства). Конфессиональной спецификой Видземе являлось принятие во второй половине XIX в. частью местного латышского населения православной религии («царской веры»).

В динамике территориальной структуры конфессионального пространства Латвии в период с XIX в. по 40-е гг. XX в. отмечались следующие черты. Во-первых, конфессиональная гомогенизация Латгале, происходившая в пользу католиков и православных, в 1930-е гг. переросла в гетерогенизацию, связанную с ростом доли лютеран (вследствие проводившейся в этот период политики этнической и конфессиональной «коренизации» национальных меньшинств). Во-вторых, преобладала конфессиональная гетерогенизация остальной территории Латвии (в основном вследствие роста доли католиков и православных). Исключение составили первые два десятилетия XX в., характеризовавшиеся временной гомогенизацией почти всех регионов Латвии (кроме Латгале) в пользу протестантов, а также 1930-е гг., когда увеличение доли лютеран

произошло не только в Латгале, но и на западе Курземе, что было связано с оттоком оттуда русского населения.

2.3.3 Динамика конфессионального пространства Литвы до начала 1940-х гг.

Первичной статистикой для анализа динамики компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Литвы в период с конца XVIII в. по 1940-е гг. стали итоги пятой (1794–1795 гг.) и девятой (1850–1851 гг.) ревизий населения, Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и текущего учета населения 1913 г. [88–90; 156; 248], а также результаты переписи населения, состоявшейся в независимой Литве в 1923 г. [242].

Эти материалы использовались для расчета величины модифицированного индекса религиозной мозаичности (ИРМ_М) за обозначенные годы (рис. 26) и оценки удельного веса приверженцев пяти основных религий, религиозных направлений и групп течений (православных, старообрядцев, протестантов, католиков и иудеев). При этом нужно отметить три основные группы верующего населения, изменение доли которых влияло на динамику индекса и смену фаз развития компонентной структуры конфессионального пространства. Это католики, иудеи и православные.

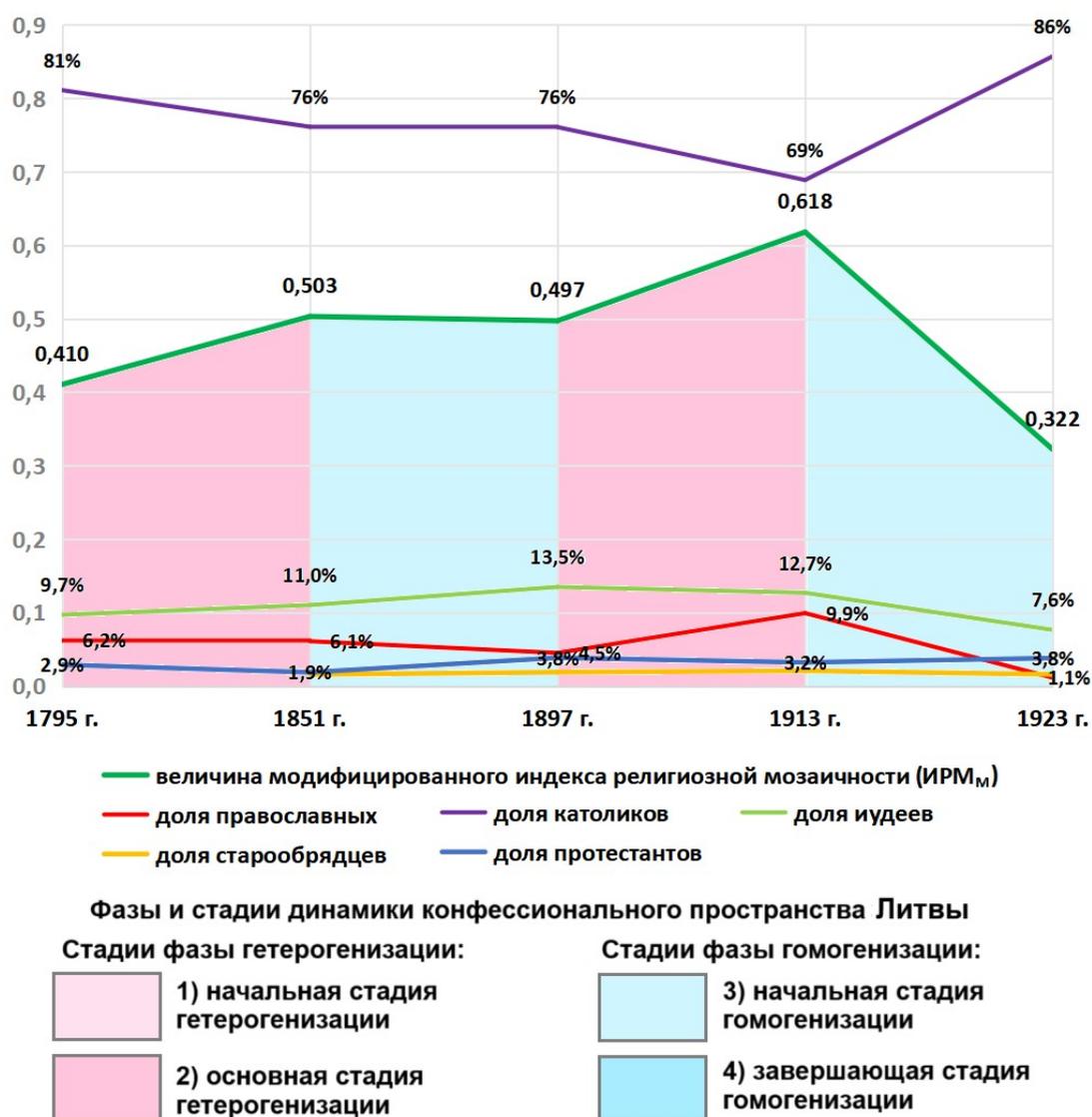

Рисунок 26 – Изменение модифицированного индекса религиозной мозаичности и удельного веса основных конфессиональных групп на территории Литвы с 1795 по 1923 гг. (рассчитано по [88–90; 156; 242; 248])

Доля католиков постепенно снижалась в дореволюционный период (с 81 % в 1795 г. до 69 % в 1913 г.) на фоне нестабильного роста удельного веса иудеев (в 1897 г. – 13,5 %) и православных (в 1913 г. – 9,9 %). В целом же вплоть до начала Первой мировой войны нарастала гетерогенность компонентной структуры конфессионального пространства Литвы (незначительное падение ИРМм с 1851 по 1897 гг. вызвано, скорее, неточностью статистики по итогам девятой ревизии). В начальный период независимости Литвы (к 1923 г.) отмечалось резкое увеличение удельного

веса католиков (до 86 %) при уменьшении доли других конфессиональных групп, что привело к значительному падению ИРМ_М, что означало переход к фазе гомогенизации компонентной структуры конфессионального пространства Литвы. Хотя нужно отметить, что в этот период территория Литвы была меньше современной, т.к. ее восточная часть (Виленский край, или т.н. Срединная Литва), где была повышена доля православного населения (белорусов и русских) и иудеев (евреев), находилась под властью Польши [136].

Наиболее полная в данный период конфессиональная статистика на территории современной Литвы представлена в результатах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Эта статистика позволила рассчитать ИРМ_М и удельный вес приверженцев разных религий на уровне уездов и городских поселений трех губерний (Ковенской, Виленской и Сувалкской), которые в дальнейшем полностью или частично вошли в состав Литвы. Несмотря на доминирование в сельской местности уездов приверженцев Римско-католической церкви, в большинстве городских поселений был перевес последователей иудаизма (рис. 27).

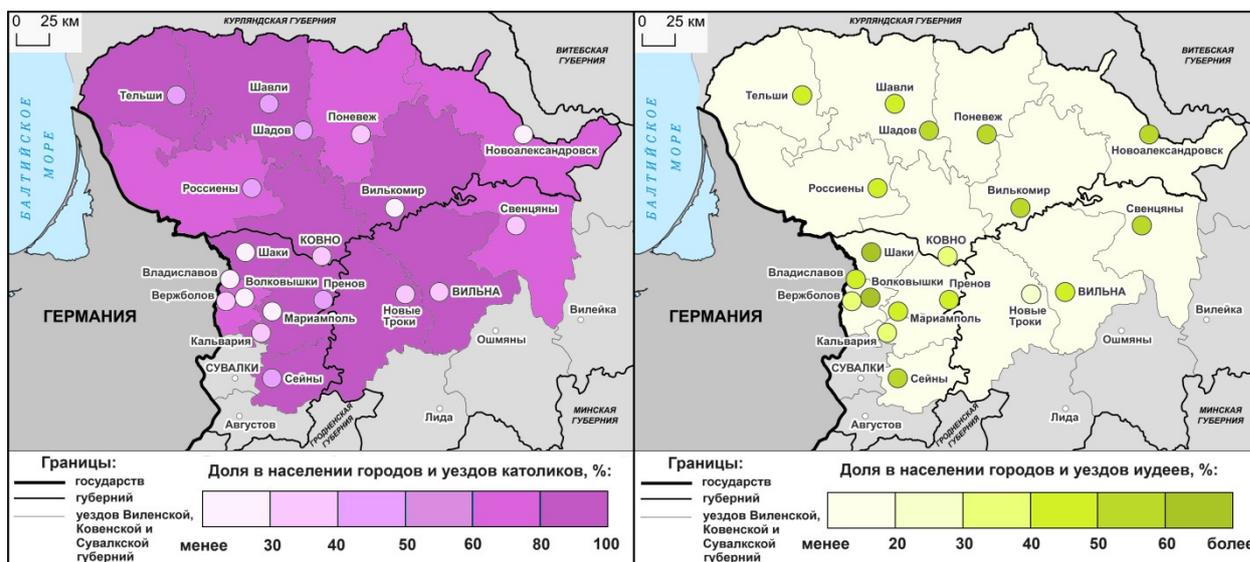

Рисунок 27 – Доля католиков и иудеев в населении уездов и городских поселений на современной территории Литвы в 1897 г. [112, с. 71]

Доля православного и старообрядческого населения в 1897 г. была повышена в восточных уездах Ковенской губернии, фактически во всех уездах и городских поселениях Виленской губернии и в некоторых городских поселениях Сувалкской губернии (рис. 28). Доля протестантов была выше средних значений в западных и северных уездах Ковенской губернии и в большинстве уездов Сувалкской губернии. Таким образом, вместе с относительно равномерным расселением на территории Литвы католиков (в сельской местности уездов) и иудеев (в городских поселениях), можно говорить о «зеркальном» расселении, с одной стороны, православных и старообрядцев (преимущественно на востоке Литвы), с другой стороны, протестантского населения (на ее западе).

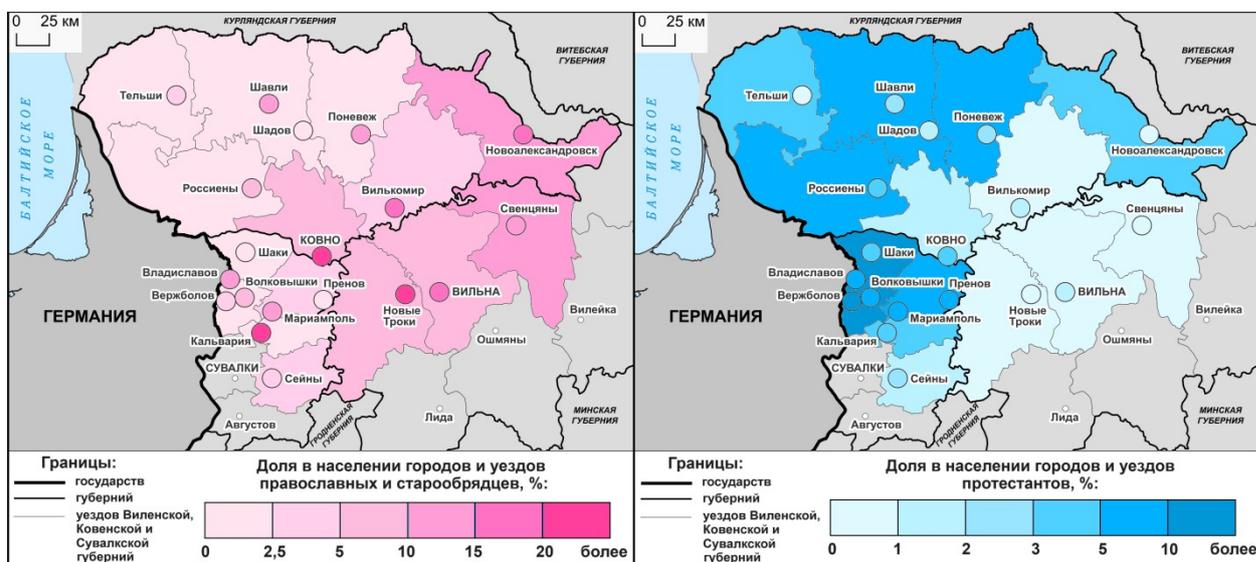

Рисунок 28 – Доля православных (со старообрядцами) и протестантов в населении уездов и городских поселений на современной территории Литвы в 1897 г. [112, с. 72]

Расчет ИРМ_М по уездам и городским поселениям на территории современной Литвы показал, что ее городские поселения в 1897 г. представляли конфессионально гетерогенные «островки» на фоне относительно гомогенной в религиозном плане сельской местности (рис. 29). Причем в большинстве городских поселений наблюдался перевес населения,

исповедующего иудаизм, в то время как в сельской местности уездов явно преобладало католическое население.

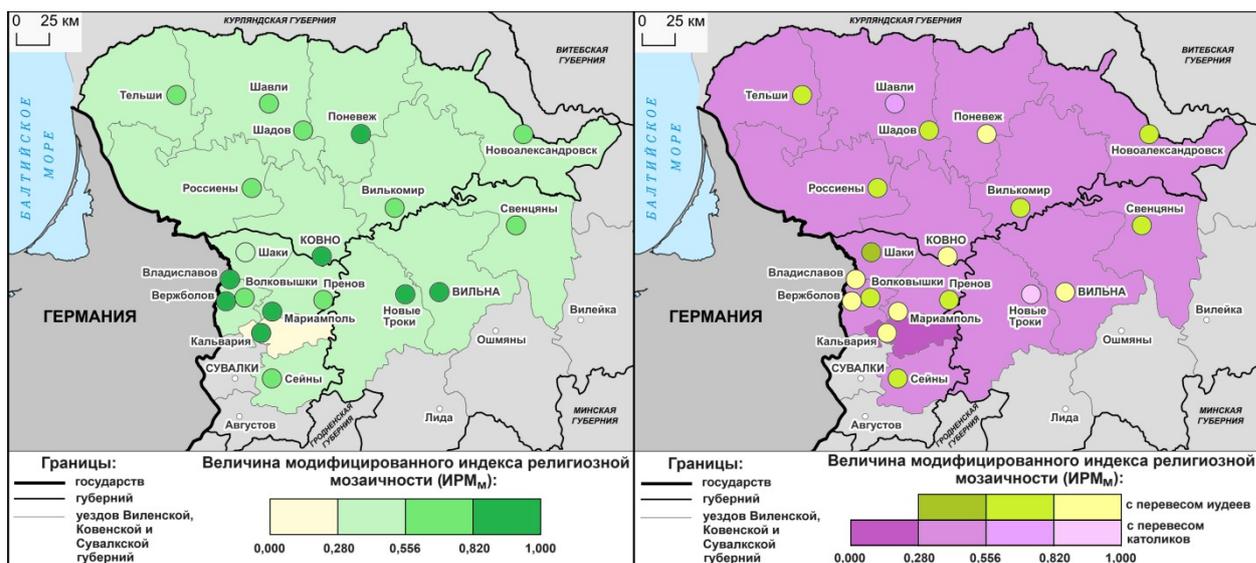

Рисунок 29 – Величина модифицированного индекса религиозной мозаичности уездов и городских поселений на современной территории Литвы по итогам переписи населения 1897 г. [112, с. 71]

Расчитанное превышение удельного веса католиков над долей потенциально католического населения (главным образом, литовцев и поляков) позволило оценить долю нелитовского и непольского населения, принявшего католическую религию. Такое население было сконцентрировано в Виленской губернии и на востоке Ковенской губернии (рис. 30). Благодаря этому возникло предположение, что католическую религию здесь приняла часть восточнославянского населения, что и было подтверждено в дальнейшем. С другой стороны, некоторые литовцы, проживающие в уездах, пограничных с Германией (Восточной Пруссией) и будущей территорией Латвии, стали протестантами, о чем свидетельствует превышение здесь удельного веса протестантов над долей потенциально протестантского населения (немцев, латышей и др.).

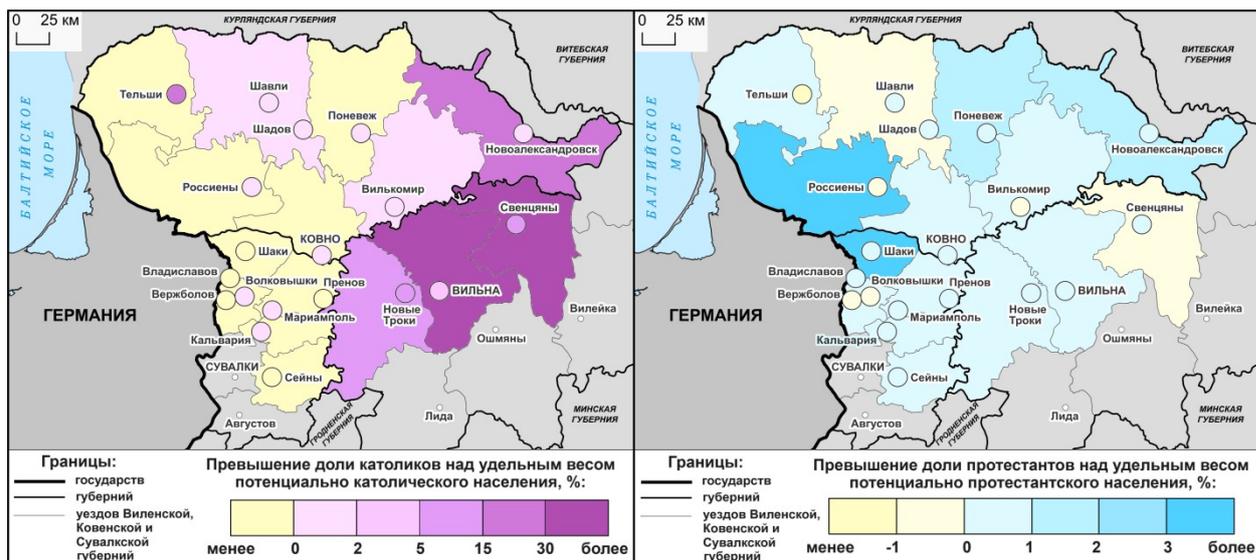

Рисунок 30 – Превышение доли католиков и протестантов над потенциально католическим и протестантским населением по уездам и городским поселениям на современной территории Литвы по итогам переписи населения 1897 г. [112, с. 73]

Сравнение превышения доли потенциального православно-старообрядческого населения (особенно, белорусов и русских) над реальным удельным весом православных и старообрядцев (в сумме), с одной стороны, и доли белорусов в населении уездов и городских поселений, с другой стороны (рис. 31), показало, что основная часть белорусов, проживающих в Виленской губернии и на востоке Ковенской губернии, являлась приверженцами Римско-католической церкви. Тем не менее, часть белорусов и фактически все русское население были верны православной вере.

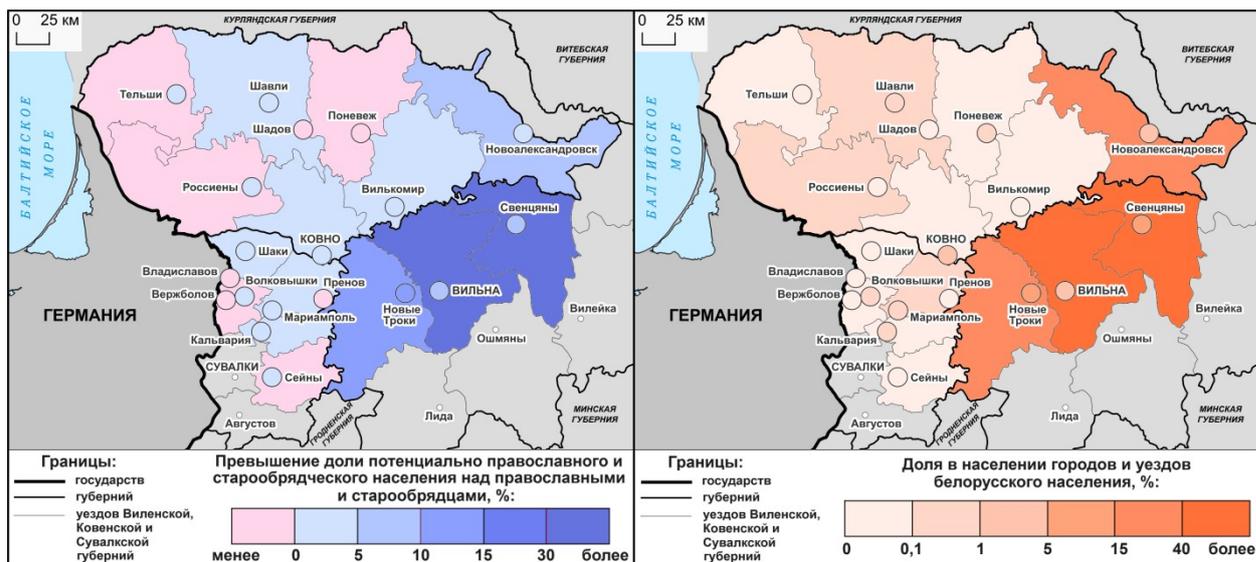

Рисунок 31 – Превышение доли потенциального православного и старообрядческого населения над реальным удельным весом православных и старообрядцев, а также доля белорусов в населении уездов и городских поселений на современной территории Литвы по итогам переписи населения 1897 г. [112, с. 73]

Таким образом, можно обозначить следующее соответствие между основными конфессиональными и этническими группами на территории Литвы в конце XIX в. Католиками являлось подавляющее большинство литовцев, поляков и большая часть белорусов. Протестантами были немцы, латыши и часть литовцев, проживающих около границ с Германией и Курляндской губернией. Православными и старообрядцами были преимущественно русские и часть белорусов.

Конфессиональное пространство Литвы в XIX и начале XX вв., хотя и было относительно гомогенным по причине доминирования фактически на всей ее территории католической религии, все же имела специфическую черту. Городские поселения представляли конфессионально гетерогенные «островки» (с перевесом населения, исповедующего иудаизм) на фоне относительно гомогенной в религиозном плане сельской местности (с явным преобладанием католиков). Другие конфессиональные меньшинства были рассосредоточены по территории

Литвы, причем в ее западной части была повышена доля протестантов, а в восточной части – православных и старообрядцев.

В дореволюционный период на территории Литвы на фоне роста удельного веса иудеев и православных снижалась доля католиков, что вело к нарастанию гетерогенности компонентной структуры ее конфессионального пространства. Однако в начальный период независимости Литвы отмечалось резкое увеличение удельного веса католиков при падении доли других конфессиональных групп, что означало переход к фазе гомогенизации компонентной структуры конфессионального пространства.

Глава 3. Конфессиональное пространство Северо-Запада России и Прибалтики в конце XX – начале XXI вв.

3.1 Конфессиональное пространство Северо-Запада России в конце XX – начале XXI вв.

3.1.1 Изменение территориального устройства Русской православной церкви на Северо-Западе России во второй половине XX – начале XXI вв.

В середине XX в. территория Северо-Запада России входила в состав трех епархий: Ленинградской (включающей Ленинградскую, Новгородскую области и Карело-Финскую ССР), Псковской и Великолукской (в границах соответствующих областей, образованных в 1944 г.). Но с 1949 по 1954 гг. Псковской епархией управлял митрополит Ленинградский и Гдовский. Великолукская епархия просуществовала до 1957 г., т.е. до упразднения Великолукской области, после чего ее территория была разделена между Псковской и Калининской епархиями, в соответствии с новыми границами областей [64, с. 80; 65, с. 72].

В 1956 г. Новгородская епархия стала самостоятельной, но в 1967 г. она вновь была объединена с Ленинградской, и правящий архиерей в ней стал

носить титул «митрополит Ленинградский и Новгородский». В остальном же в 1960-е – 1980-е гг., т.е. в позднесоветское время, территориальное устройство русской православной церкви, как и в целом административно-территориальное деление Северо-Запада России оставалось стабильным. Начало изменения территориального устройства церкви пришлось на конец 1980-х гг., что стало следствием «перестройки». В 1990 г. из Ленинградской митрополии в очередной раз была выделена Новгородская епархия. То есть границы епархий вновь стали совпадать с границами областей Северо-Запада России [65, с. 73].

Традиция совпадения территориальных границ епархий с границами субъектов Российской Федерации сохранялась до начала второго десятилетия XXI в. Связано это с тем, что епархиальная структура в России, согласно каноническому праву и традиции, обычно соответствовала государственной административной структуре. До этого в территориальном устройстве Русской православной церкви фактически не действовала византийская структура (митрополия – епархия), т.к. титул митрополита носили только четверо епархиальных архиереев, являвшихся постоянными членами Священного Синода, но это не было связано с церковно-административным делением [15, с. 68–69]. Однако в 2011 г. началась масштабная реформа епархиального устройства Русской православной церкви. Именно тогда была выстроена трехступенчатая схема организации епархий: патриархат – митрополия – епархия, хотя реформирование не происходило единовременно, и, возможно, не завершено и поныне.

В ходе реформы, начавшейся в 2011 г., в границах субъектов Российской Федерации стали создавать митрополии, внутри которых выделялось две и более епархий. В 2011 г. была воссоздана Новгородская митрополия, включающая Новгородскую и Боровичскую епархии. В 2013 г. была образована Санкт-Петербургская митрополия, в которую стали входить Выборгская, Гатчинская, Тихвинская и Санкт-Петербургская епархии. В 2014 г. была организована Псковская митрополия, включающая Псковскую и

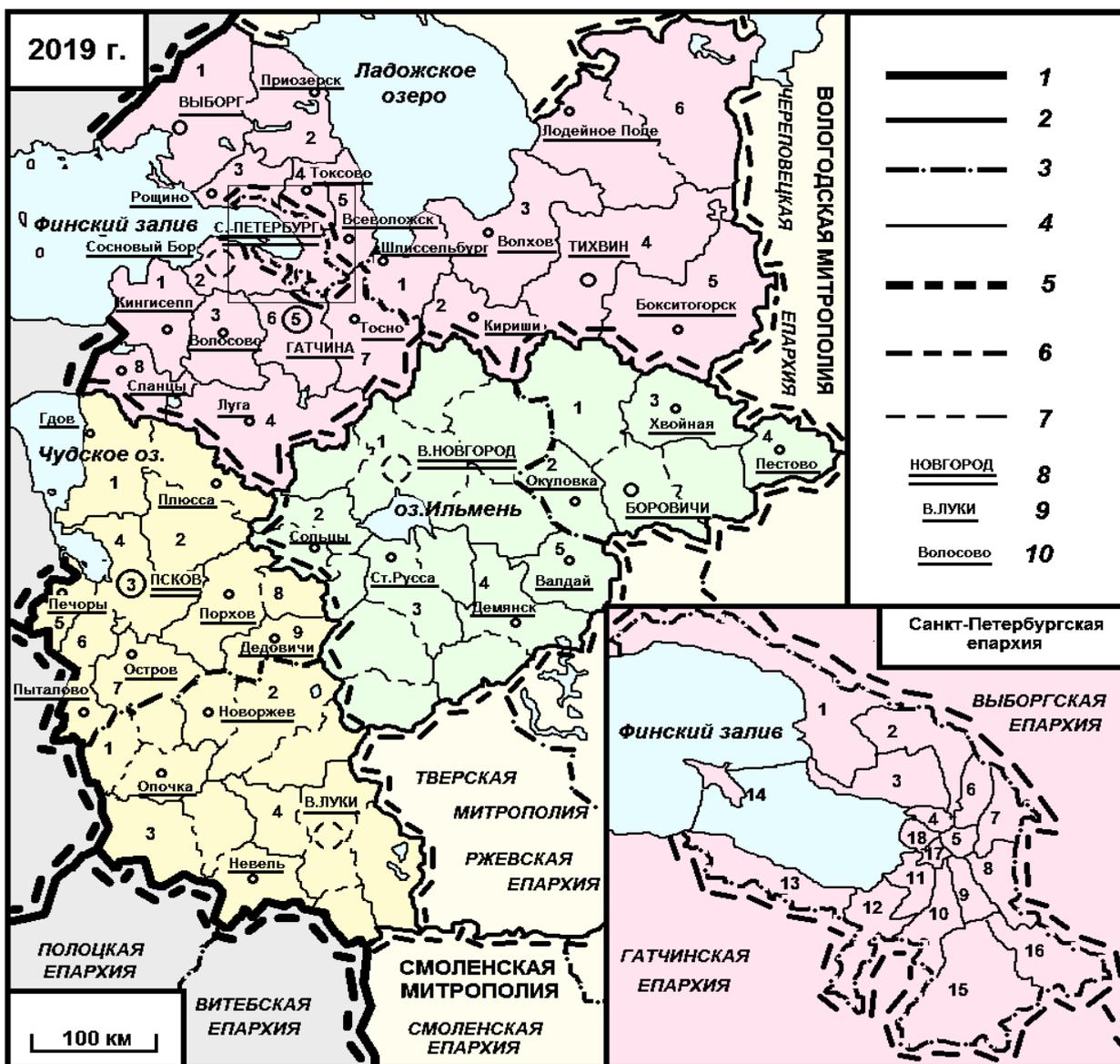
Великолукскую епархии. Внутри епархий начали создаваться новые викариатства [65, с. 75].

Однако не все митрополии на Северо-Западе совпадали с субъектами Российской Федерации. Так, город федерального значения Санкт-Петербург входил в состав Санкт-Петербургской митрополии, соответствуя территории Санкт-Петербургской епархии, являющейся самой маленькой по площади в России (1,4 тыс. кв. км). Таким образом, Санкт-Петербургская митрополия охватывает два субъекта Российской Федерации – Ленинградскую область и федеральный город Санкт-Петербург [71, с. 63].

Епархии делятся на благочиния (благочинные округа), границы которых достаточно часто соответствуют границам административных районов. Но имеется очень много исключений, когда благочиния объединяют несколько административных районов, особенно на территории епархий, испытывающих депопуляцию, а значит, и обладающих малым количеством приходов. К таким епархиям относятся, в первую очередь, Псковская и Великолукская (в Псковской митрополии), Новгородская и Боровичская (в Новгородской митрополии) [65, с. 75].

Но имеются случаи, когда административные районы разделены между территориями благочинных округов (например, в Псковской епархии). Обычно в качестве важнейшего фактора здесь выступает транспортная доступность территорий, чтобы была возможность осуществлять более эффективный контроль со стороны Русской православной церкви в границах епархий и митрополий [64].

Территориальное устройство Русской православной церкви на Северо-Западе России и в смежных регионах России и Республики Беларусь по состоянию на 2019 г. представлено на рисунке 32. Следует отметить, что в последующем, а точнее, с 2019 г., и как минимум, до 2022 гг., уже не происходило изменений в территориальном устройстве Русской православной церкви Северо-Запада России на уровне митрополий и епархий [71].

Границы: 1 — автономных церквей, 2 — митрополий, 3 — епархий; 4 — благочиний, 5 — государств, 6 — субъектов Российской Федерации, 7 — районов, 8 — центры митрополий, 9 — центры епархий, 10 — центры благочиний.

Санкт-Петербургская епархия. Территориальные благочиния: 1 — Курортное благочиние, 2 — Выборгское благочиние, 3 — Приморское благочиние, 4 — Петроградское благочиние, 5 — Центральное благочиние, 6 — Калининское благочиние, 7 — Красногвардейское благочиние, 8 — Невское благочиние, 9 — Фрунзенское благочиние, 10 — Московское благочиние, 11 — Кировское благочиние, 12 — Красносельское благочиние, 13 — Петродворцовое благочиние, 14 — Кронштадтское благочиние, 15 — Пушкинское благочиние, 16 — Колпинское благочиние, 17 — Адмиралтейское благочиние, 18 — Василеостровское благочиние. Профильные благочиния: Военное, Высших учебных заведений, Монастырское, Социальное и Тюремное.

Выборгская епархия: 1 — Выборгское благочиние, 2 — Приозерское благочиние, 3 — Рошинское благочиние, 4 — Токсовское благочиние, 5 — Всеволожское благочиние.

Гатчинская епархия: 1 — Кингисеппское благочиние, 2 — Сосновоборское благочиние, 3 — Волосовское благочиние, 4 — Лужское благочиние, 5 — Гатчинское городское благочиние, 6 — Гатчинское районное благочиние, 7 — Тосненское благочиние, 8 — Сланцевское благочиние.

Тихвинская епархия. Территориальные благочиния: 1 — Шлиссельбургское благочиние, 2 — Киришское благочиние, 3 — Волховское благочиние, 4 — Тихвинское благочиние, 5 — Бокситогорское благочиние, 6 — Лодейнопольское и Подпорожское благочиние. Профильные благочиния: Монастырское благочиние.

Новгородская епархия: 1 — Новгородское благочиние, 2 — Солецкое благочиние, 3 — Старорусское благочиние, 4 — Демянское благочиние, 5 — Валдайское благочиние.

Боровичская епархия: 1 — Боровичское благочиние, 2 — Окуловское благочиние, 3 — Хвойнинское благочиние, 4 — Пестовское благочиние.

Псковская епархия: 1 — Гдовское благочиние, 2 — Плюсское благочиние, 3 — Псковское городское благочиние, 4 — Псковское районное благочиние, 5 — Печорское благочиние, 6 — Пыталовское благочиние, 7 — Островское благочиние, 8 — Порховское благочиние, 9 — Дедовичское благочиние.

Великолукская епархия: 1 — Опочечское благочиние, 2 — Новоржевское благочиние, 3 — Невельское благочиние, 4 — Великолукское благочиние.

Рисунок 32 – Территориальное устройство Русской православной церкви на Северо-Западе России в 2019 г. (источник: [65, с. 76–77])

3.1.2 Динамика конфессионального пространства Северо-Запада России в конце XX – начале XXI вв.

Как отмечает С.А. Горохов [41, с. 158], Россия относится к группе стран, в которых после этапов религиозного насыщения (в дореволюционный период) и политической секуляризации (Россия закончила этот этап по сути еще в конце советского периода) произошла десекуляризация, т.е. временное возрождение традиционных религий перед переходом к новой фазе цикла развития конфессионального геопространства.

В настоящее время оценку компонентной структуры конфессионального пространства России можно дать только с помощью социологических опросов населения, осуществленных на уровне всей страны. Такие опросы проводят, например, ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР и Левада-Центр [41, с. 44]. Но и эти источники зачастую вызывают сомнения, тем более, что они обычно проводятся без регионального среза, т.е. не позволяют выявить особенности территориальной структуры конфессионального пространства страны. Другими источниками, с помощью которых можно оценить примерное количество сторонников той или иной религии, являются отчеты религиозных организаций, результаты полевых исследований и др. [62].

В период с 1990 по 1995 гг. А.Д. Криндач [105, с. 80] оценил рост количества действующих религиозных объединений в России более чем в два раза. При этом свыше их половины составляли приходы Русской православной церкви. По данным О.А. Балабейкиной [17, с. 271], в этот же период в границах Ленинградской области православных приходов стало больше в два раза, а в областном центре их количество выросло в 2,6 раза. При этом к 1995 г. в Санкт-Петербургской епархии не осталось ни одного административного района или городского района Санкт-Петербурга, где бы не было ни одного действующего православного храма [18, с. 269].

Не менее бурное развитие православной инфраструктуры происходило в конце 1980-х – начале 1990-х гг. на территории Псковской области. Так, например, к концу 80-х гг. XX в. в Псковской епархии было около 90 приходов, что, с одной стороны, почти в шесть раз превышало их количество в 1920-е гг. (15–16 приходов), но, с другой стороны, было в пять раз меньше, чем в Псковской губернии в начале XX в. (свыше 440) [133, с. 81], и даже немного меньше, чем в 1948 г. (95) [148]. Нужно отметить, что в период с 1954 по 1987 гг., когда Псковской епархией управлял митрополит Псковский и Порховский Иоанн (Разумов), православные приходы на территории епархии закрывались реже, чем в соседних регионах, и ему удалось сохранить в Псковской области около 80 храмов и 1 монастырь (Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь) [64].

К моменту распада Советского Союза (в 1991 г.) в Псковской епархии было уже 110 приходов (в 1993 г. – 120 приходов) и их количество продолжало расти высокими темпами [133, с. 81–82]. К 2005 г. число приходов Русской православной церкви на территории Псковской области выросло до 199, а к 2012 г. – до 217 [143, с. 179]. В начале XXI в. было возрождено не менее десятка монастырей: Крыпецкий, Мирожский, Никандрова Пустынь, Святогорский, Снетогорский, Спасо-Елеазаровский, Спасо-Казанский Симанский, Творожковский и др. [64, с. 80].

Но, чтобы оценить динамику структуры религиозной части населения региона, можно также рассчитать и изменения, произошедшие в общем количестве религиозных организаций на территории области. Так, в 1991 г. в Псковской области была зарегистрирована 121 религиозная организация, в т.ч. 110 православных (90,9 %), 3 старообрядческих (2,5 %) и 8 протестантских (6,6 %). В 2005 г. на территории области было зафиксировано 242 религиозных организации, из них: православных – 200 (82,6 %), старообрядческих – 1 (0,4 %), протестантских – 36 (14,9 %), католических – 2 (0,8 %), иудаистских – 2 (0,8 %), индуистских – 1 (0,4 %). В 2012 г. общее количество зарегистрированных религиозных организаций составляло 262, в

т.ч. 218 православных (83,2 %), 3 старообрядческих (1,1 %), 36 протестантских (13,7 %), 2 католических (0,8 %), 2 иудаистских (0,8 %), 1 индуистская (0,4 %) [143, с. 179]. На конец 2024 г. в Псковской области было зарегистрировано 266 религиозных организаций, и за прошедшее время выросло только количество приходов Русской православной церкви – до 223 (83,8 %) и протестантских общин – до 38 (14,3 %) [141].

Следовательно, в период с 1991 по 2005 гг. прирост количества религиозных организаций происходил в основном за счет официальной регистрации протестантских общин, среди которых лидировали христиане веры евангельской – пятидесятники (в 2005 и 2012 гг. – 16) и евангельские христиане-баптисты (5). Но в период с 2005 по 2024 гг. основной рост религиозных организаций на территории области произошел благодаря открытию новых приходов Русской православной церкви. Количество других зарегистрированных религиозных организаций за это время изменилось незначительно. Хотя нужно отметить, что реальное число последних несколько больше, т.к. далеко не все религиозные организации официально регистрируются (например, общины старообрядцев).

В Новгородской области на конец 2024 г. было зарегистрировано 128 религиозных организаций, в т.ч. 100 православных (78,1 %), 4 старообрядческих (3,1 %), 19 протестантских (14,8 %), и по одной католической, мусульманской, иудаистской, Армянской Апостольской Церкви (по 0,8 %). В Ленинградской области в то же время было 398 религиозных организаций, в т.ч. 304 православных (76,4 %), 1 старообрядческая (0,3 %), 83 протестантских (20,9 %), 3 католических (0,8 %), 2 иудаистских (0,5 %) и 4 мусульманских (1 %). В Санкт-Петербурге было зарегистрировано 504 религиозные организации, в т.ч. 319 православных (63,3 %), но только 130 из них относилось к Русской православной церкви, 3 старообрядческих (0,6 %), 140 протестантских (27,8 %), 10 католических (2 %), 5 буддистских (1 %), 10 мусульманских (2 %) и др. [141].

Тем не менее, для количественной оценки конфессионального состава населения регионов, а значит, для выявления основных черт современной компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России, требуется выявить долю нерелигиозного населения, и в этом могут помочь только социологические методы исследования. В целом по России, по данным разных социологических служб (ВЦИОМ, Левада-Центр и др.), несмотря на противоречивость результатов их опросов, все же прослеживается следующая тенденция – с конца 1980-х гг. вплоть до 2010-х гг. наблюдался рост религиозности россиян (с 20–30 % до 70–75 % и выше), лишь в начале 2020-х гг. произошло небольшое падение доли тех, кто обозначил свою веру в Бога и принадлежность к той или иной религии (до 66 % в 2023 г.), и рост доли нерелигиозного населения [35].

Последний по времени опрос о религиозности россиян был проведен в 2024 г. Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ (объем выборки – 2011 чел.), согласно которому 66 % россиян обозначили принадлежность к той или иной конфессии, в т.ч. 56 % – к православию, 1% – к другим направлениям христианства, 6 % – к мусульманам и т.д. Не считают себя верующими 31 % россиян, и еще 3 % затруднились с ответом на вопрос [34].

3.1.3 Территориальная структура конфессионального пространства Северо-Запада России

За неимением точных статистических данных о конфессиональном составе населения, которые могли бы дать переписи населения, приходится использовать разные методы оценки религиозной принадлежности населения. К таковым, кроме социологических опросов населения, относится метод, основанный на определении потенциальной религиозной структуры населения, опираясь на его этнический состав, т.е. учитывая традиционные религии народов. Хотя сейчас нельзя отнести большую часть жителей России

к активно верующему населению, но все же часто представители разных этносов ассоциируют себя с конкретной религиозно-культурной традицией [176].

Из проведенных в XXI в. социологических опросов населения России, в ходе которых задавались вопросы о религиях, особо нужно отметить Всероссийский опрос с репрезентативной территориальной выборкой, осуществленный в 2012 г. в ходе реализации проекта «Арена». Данный опрос был проведен Фондом «Общественное мнение» по заказу Некоммерческой исследовательской службы «Среда». Исследование охватило городское и сельское население 79 субъектов Российской Федерации в возрасте от 18 лет и старше. Выборка составила 56,9 тыс. чел. В каждом регионе опрашивалось 500–800 респондентов. По итогам социологического опроса был составлен «Атлас религий и национальностей России» [11]. Основываясь на результатах этого опроса, можно оценить конфессиональную структуру населения на уровне отдельных регионов Северо-Запада России.

Предварительно в соответствии с итогами переписи населения 2010 г. была рассчитана потенциальная конфессиональная структура населения России, сравнение которой с результатами опроса населения позволила перейти к распределению респондентов по укрупненным группам. Так, респонденты были объединены в три основные группы, которые соответствуют православному населению (около 47 % в пределах всей России), приверженцам иных религий (в сумме более 7 %) и условно нерелигиозному населению (46 %).

В первую группу были включены респонденты, которые ответили, что они: 1) исповедуют православие и принадлежат к Русской православной церкви (41 %); 2) исповедуют православие, но не принадлежат к Русской православной церкви (1,5 %); 3) исповедуют христианство, но без привязки к его конкретному направлению (4,1 %); 4) являются старообрядцами (0,2 %). Тем самым, к группе православных и старообрядцев были присоединены те респонденты, которые причислили себя к христианам без указания его

конкретного направления. Связано это с тем, что, как показали проведенные ранее исследования, опирающиеся на результаты опроса 2012 г. [126; 194], эта категория респондентов вписывается в рамки потенциально православного населения.

Вторую группу составили приверженцы других религий и религиозных направлений: католичества (0,1 %), протестантизма (0,2 %), иудаизма (0,1 %), ислама (6,5 %), буддизма (0,4 %) и индуизма (менее 0,1 %). В третью группу (условно нерелигиозного населения) были включены респонденты, которые ответили, что они: 1) не верят в Бога, т.е. являются атеистами (13 %); 2) исповедуют традиционную религию своих предков, поклоняются богам и силам природы, т.е. фактически являются неозычниками (1,2 %); 3) верят в Бога (высшую силу), но конкретную религию не исповедуют (25 %). В эту же группу были включены респонденты, затруднившиеся с ответом на вопрос о религии (около 7 %). Таким образом, нерелигиозное население составило менее половины населения России (46 %).

В пределах Северо-Запада России первая укрупненная категория (православные и старообрядцы) составила 56,2 %, вторая (приверженцы других религий) – 3,8 %, третья (условно нерелигиозное население) – 40 %. Таким образом, уровень религиозности населения Северо-Запада России по данным опроса 2012 г. можно оценить в 60 %. Распределение респондентов по обозначенным выше категориям на уровне регионов Северо-Запада России представлено в таблице 2. При этом еще раз нужно подчеркнуть, что итоги опроса населения, проведенного в 2012 г. Фондом «Общественное мнение» по заказу Некоммерческой исследовательской службы «Среда», по мнению ряда исследователей [41, с. 44; 126], в достаточной степени отражают современную конфессиональную структуру населения России, в т.ч. и на уровне ее отдельных регионов, поэтому результаты этого социологического опроса могут быть вовлечены в научный оборот в рамках конфессиональной географии.

Таблица 2 – Доля основных конфессиональных групп и нерелигиозного населения на Северо-Западе России по итогам опроса населения 2012 г.

(источник: [11])

		Доля от всех опрошенных, %			
		Санкт-Петербург	области		
			Ленинградская	Новгородская	Псковская
Православные и старообрядцы	православные	51,5	56	47,5	51,5
	христиане	3	4	4	5
	старообрядцы	0,5	1	...	1
	В сумме:	55	61	51,5	57,5
Исповедующие другие религии	Католики	0,5	0,5	...	0,5
	Протестанты	...	0,5	0,5	1
	Мусульмане	3	1	1,5	0,5
	Иудаисты	0,5
	Буддисты	0,5	0,5
	Индуисты	...	0,5
	В сумме:	4,5	3	2	2
Нерелигиозное население	атеисты (не верят в Бога)	15	8	10	19
	вне религии	21	20	34	17
	неоязычники	0,5	1	0,5	0,5
	затруднились ответить	4	7	2	4
	В сумме:	40,5	36	46,5	40,5

Таким образом, четыре региона Северо-Запада России распределились следующим образом по доле православного населения: Ленинградская область – 61 %, Псковская область – 57,5 %, Санкт-Петербург – 55 %, Новгородская область – 51,5 %. В обратном порядке эти регионы располагаются по доле нерелигиозного населения: Новгородская область – 46,5 %, Санкт-Петербург и Псковская область – 40,5 %, Ленинградская область – 36 %. Доля приверженцев других религий, если брать их по

отдельности, обычно находится в рамках статистической погрешности социологической выборки. Но в целом можно отметить наиболее высокий удельный вес населения, исповедующего разные религии, за вычетом православия, в Санкт-Петербурге (4,5 %) и Ленинградской области (3 %). В Псковской и Новгородской областях доля данной категории населения составила около 2 %.

В конфессиональном пространстве Северо-Запада России в конце XX – начале XXI вв. произошли значительные изменения, связанные с десекуляризацией, наступившей после длительного периода политической секуляризации, охватившего большую часть советского времени. Десекуляризация выражалась, в первую очередь, в росте религиозности населения, увеличении числа приходов Русской православной церкви и легализации целого ряда других религиозных организаций (особенно протестантских), активизации религиозной жизни, возрождении монастырей и т.д.

Благодаря итогам социологического опроса населения регионов России, проведенного в 2012 г. в рамках проекта «Арена» Фондом «Общественное мнение» по заказу Некоммерческой исследовательской службы «Среда», можно проследить различия в территориальной структуре конфессионального пространства Северо-Запада России на уровне субъектов Российской Федерации. Согласно результатам данного опроса, наиболее религиозным в настоящее время является население Ленинградской области (64 %), которой по религиозности жителей уступают Санкт-Петербург и Псковская область (около 60 %), и более значительно – Новгородская область (свыше 46 %). При этом во всех четырех регионах доля верующего православного населения превышает 50 %, а в Ленинградской области даже достигает 61 %.

3.2 Конфессиональное пространство Эстонии в начале XXI вв.

3.2.1 Динамика компонентной структуры конфессионального пространства Эстонии в течение двух первых десятилетий XXI в.

Эстония относится к числу наиболее секуляризованных стран мира. Согласно итогам переписи населения 2021 г. в стране только 26,8 % лиц обозначили свою религиозную принадлежность [138, с. 579]. Еще более низкий уровень религиозности населения Эстонии (14 %) показал опрос, проведенный исследовательской организацией Gallup (The Gallup Organization) в 143 странах мира в 2006–2008 гг. [185, с. 104]. Как отмечает С.А. Горохов [41, с. 158], в Эстонии социальная секуляризация началась еще в период первой независимости, в советское время она была усилена политической секуляризацией, и продолжилась в постсоветский период, что и привело страну ныне в категорию наименее религиозных государств мира.

С одной стороны, усиление социальной секуляризации объясняется общей конфессиональной трансформацией стран Евросоюза. По этой причине, именно вопросам секуляризации и свободы религии посвящены работы иностранных авторов, освещающих современную религиозную ситуацию в Эстонии [215; 250; 252]. С другой стороны, как, например, считают О.А. Балабейкина и В.Л. Мартынов [24, с. 102–103], лютеранство изначально воспринималось эстонцами как «религия господ», т.к. оно было принято в XVI–XVII вв. от шведов, и имело больше обрядовую составляющую, особенно для сельских жителей. С развитием процессов урбанизации обрядовая сторона религии потеряла смысл, и в итоге этническая идентичность эстонцев не стала ассоциироваться с лютеранским направлением христианства, как и с любой другой религией [101, с. 153].

В Эстонии в начале XXI в. было проведено три переписи населения (в 2000, 2011 и 2021 гг.), в ходе которых лицам в возрасте 15 лет и старше задавался вопрос о религиозной принадлежности. Результаты этих переписей представлены на официальном статистическом сайте страны [256], а также на

информационном ресурсе Population statistics of Eastern Europe & former USSR [248]. В итоговых материалах переписей, в соответствии с ответами на вопросы о религиозной принадлежности, население было разделено на неодинаковое количество групп (от 12 до 20), причем атеисты выделялись отдельно только по итогам переписи 2000 г., в двух других переписях они попадали в более широкие категории лиц, не обозначивших своей религиозной принадлежности по разным причинам.

Для расчета модифицированного индекса конфессиональной мозаичности ($ИКМ_M$) было выделено пять основных групп населения: 1) православные и старообрядцы; 2) протестанты (в сумме приверженцы Евангелическо-лютеранской церкви Эстонии, баптисты, пятидесятники, адвентисты, методисты, Свидетели Иеговы и др.); 3) католики; 4) мусульмане; 5) нерелигиозное население (атеисты и лица, не обозначившие по тем или иным причинам своей религиозной принадлежности). Расчет модифицированного индекса религиозной мозаичности ($ИРМ_M$) проводился по четырем обозначенным выше группам лиц, обозначивших свою религиозную принадлежность, т.е. без категории нерелигиозного населения.

Эстонию в начале XXI в. можно отнести к странам с относительно гетерогенной конфессиональной структурой населения, при этом степень гетерогенности конфессионального пространства с учетом категории нерелигиозного населения несколько ниже ($ИКМ_M$ на уровне 0,570, что почти на грани с относительной гомогенностью структуры), а гетерогенность собственно религиозной структуры населения заметно выше ($ИРМ_M$ около 0,700) (рис. 33). Невысокая степень гетерогенности конфессиональной структуры, оцениваемая по величине $ИКМ_M$, связана со значительным перевесом нерелигиозного населения (70,8 % в 2000 г., 71,2 % в 2021 г.).

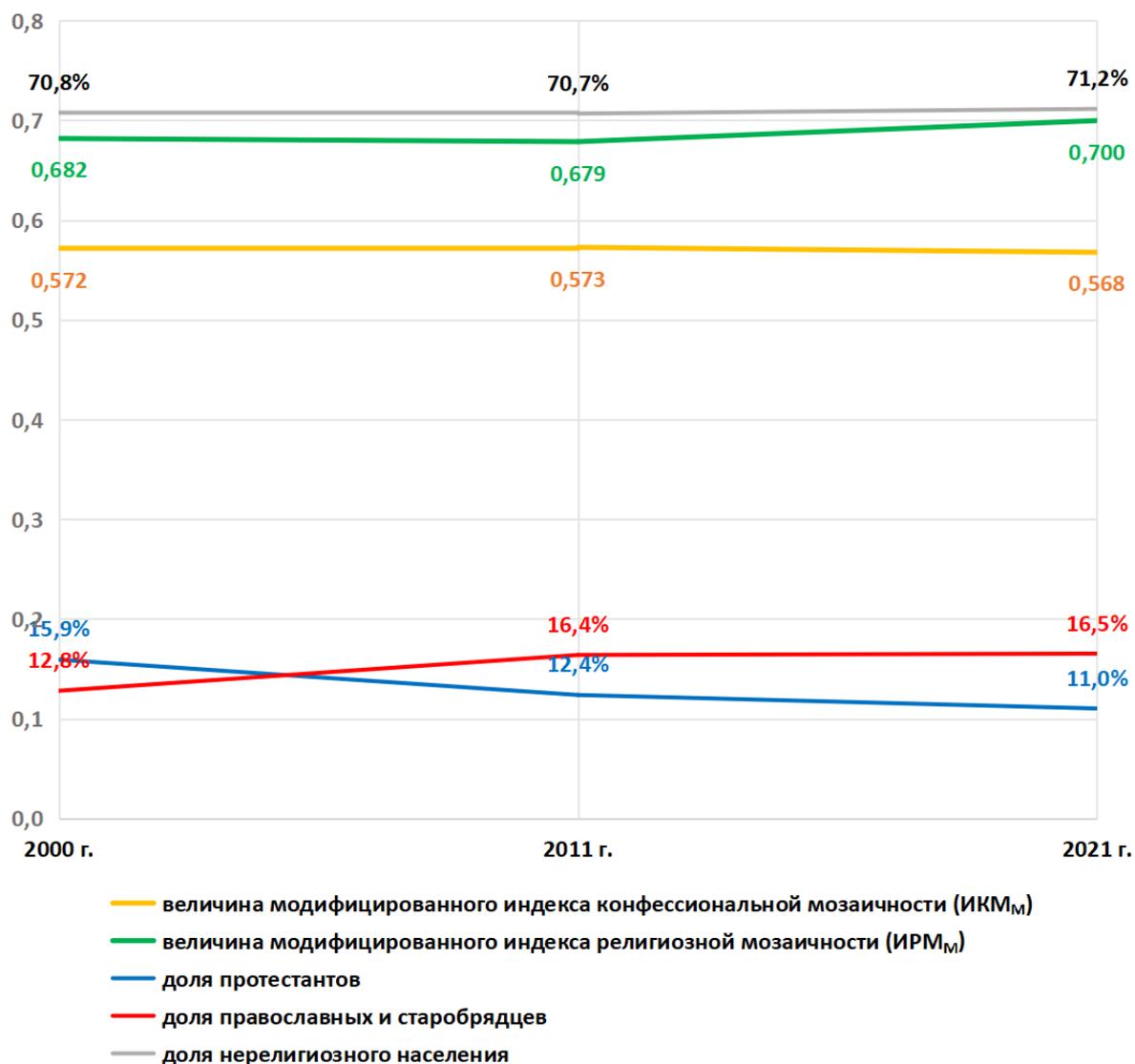

Рисунок 33 – Изменение модифицированных индексов профессиональной и религиозной мозаичности и удельного веса основных профессиональных групп в Эстонии с 2000 по 2021 гг. (рассчитано автором по [248])

При этом в структуре религиозной части населения представлены только две крупные группы – лютеране и православные (со старообрядцами), которые соперничают между собой в начале XXI в. Причем в первом десятилетии столетия лидерство в Эстонии перешло к группе православного и старообрядческого населения. Согласно итогам переписи населения 2021 г., православные и старообрядцы составляли 57,3 % религиозной части населения, а протестанты – только 38,2 %. При этом, в 2000 г. было обратное

соотношение этих религиозных групп: православные и старообрядцы составляли 43,8 %, протестанты – 54,5 %.

Следует отметить, что с 2000 до 2021 гг. наблюдался рост не только удельного веса православных и старообрядцев, но и их количества – со 143,5 до 184 тыс. чел., и это притом, что численность потенциально православного населения (русских, белорусов и украинцев) в Эстонии с 2000 по 2021 гг. уменьшилась с 398 до 355 тыс. чел. Тем самым, увеличение численности православного и старообрядческого населения связано исключительно с ростом религиозности русскоязычного населения, что может быть объяснено тем, что религия в Эстонии для этой категории населения стала важнейшим маркером общекультурной идентификации, дополняющей языковую и этническую идентичность.

Вместе с тем, уменьшение численности и удельного веса протестантов в начале XXI в. в Эстонии свидетельствует о продолжении процесса социальной секуляризации, которая охватывает, в первую очередь, потенциально протестантское население (в основном, эстонцев и финнов). Если бы не рост религиозности потенциально православного населения, к 2021 г. был бы более значительный рост доли нерелигиозного населения, которое составило бы три четверти населения страны.

3.2.2 Территориальная структура конфессионального пространства Эстонии

Большая часть территории Эстонии в 2021 г. была относительно гомогенной в общем конфессиональном плане, т.е. с учетом доли нерелигиозного населения (с величиной ИКМ_М от 0,280 до 0,556). Именно высокая доля представителей последней категории населения и определяла эту относительную гомогенность в большинстве уездов Эстонии, за исключением крайнего северо-востока страны (уезд Ида-Вирумаа), двух юго-восточных уездов (Пылвамаа и Вырумаа), а также городов Таллина,

Хаапсалу и Валги, соответствующих относительно гетерогенным в конфессиональном отношении территориям (рис. 34).

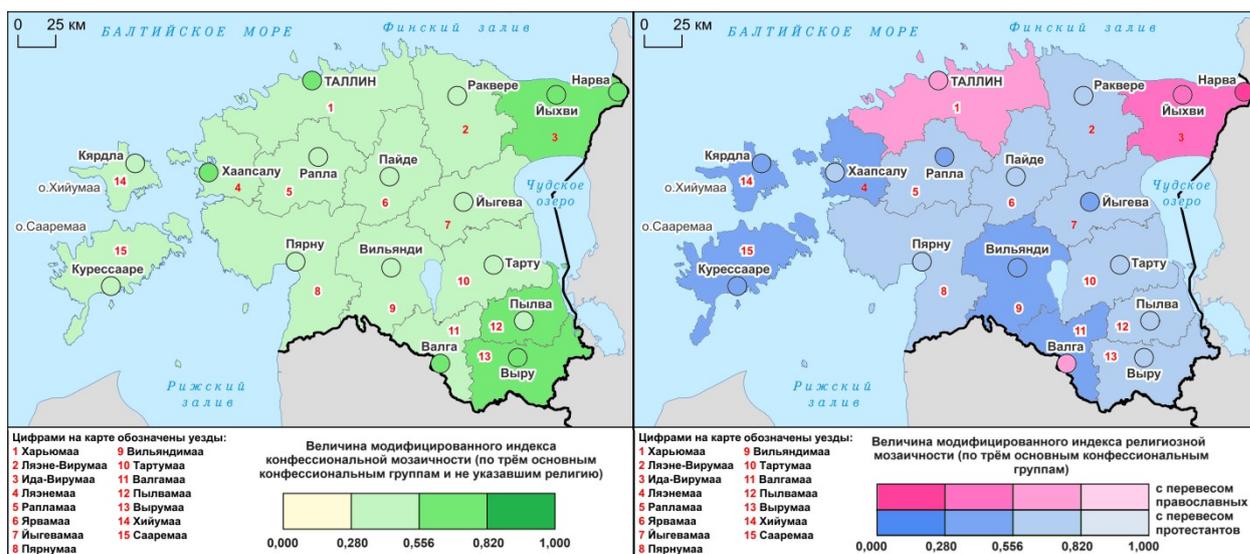

Рисунок 34 – Величина модифицированного индекса конфессиональной и религиозной мозаичности на уровне городов и уездов Эстонии по итогам переписи населения 2021 г. (составлено автором по [248])

Если же исключить из расчетов нерелигиозное население, то тогда большую часть территории Эстонии уже следует рассматривать как относительно гетерогенную в религиозном плане (с $ИРМ_M$ от 0,556 до 0,820), за исключением ряда относительно гомогенных уездов на западе и юге страны (с перевесом протестантского населения), а также обозначенного выше уезда Иду-Вырумаа (где преобладает православное население). Также нужно отметить столичный уезд Харьюмаа, города Таллин и Валга, где наблюдается перевес православного населения над протестантским. Отмеченные особенности подтверждаются распределением православных и лютеран по городам и уездам Эстонии (рис. 35).

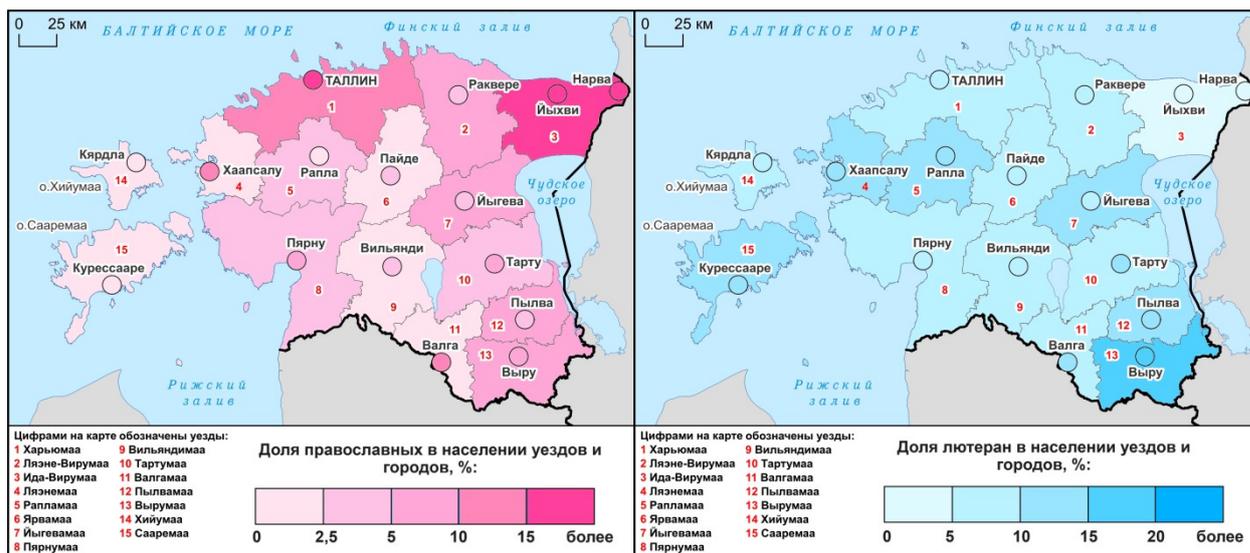

Рисунок 35 – Удельный вес православных и лютеран в населении городов и уездов Эстонии по итогам переписи населения 2021 г.

(составлено автором по [248])

Наиболее высок удельный вес православных в населении уездов Ида-Вирумаа, Харьюмаа и обозначенных выше городов, что объясняется сохранением в этих уездах и городах повышенной или даже преобладающей долей русского (и в целом русскоязычного) населения. Хотя можно отметить также относительно повышенную долю православных на юго-востоке Эстонии (в уездах Пылвамаа и Вырумаа). Но на том же юго-востоке, особенно в уезде Вырумаа, наиболее высока доля лютеран. Таким образом, на юго-востоке Эстонии в целом более высока доля населения, обозначившего свою религиозную принадлежность, но еще выше доля этой категории населения в уезде Ида-Вирумаа, Таллине и Валге (рис. 36). При этом, очень низка доля религиозного населения в подавляющем большинстве других уездов Эстонии, являющихся почти полностью эстонскими в этническом плане.

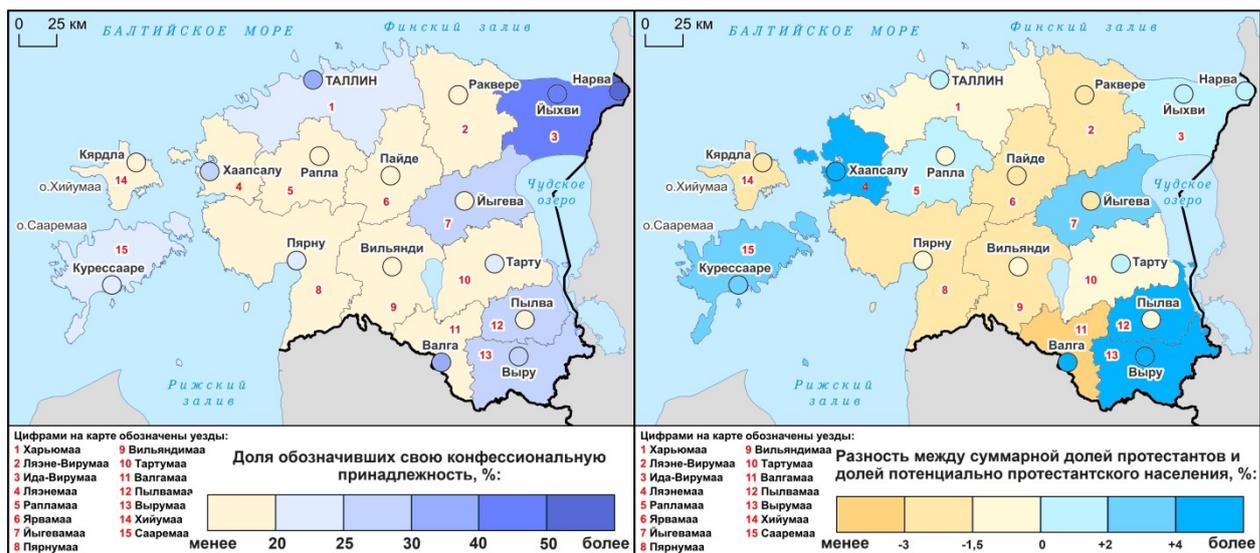

Рисунок 36 – Удельный вес населения, обозначившего свою религиозную принадлежность, и разность между долями протестантов и потенциально протестантского населения на уровне городов и уездов Эстонии по итогам переписи населения 2021 г. (составлено автором по [248])

Расчет разности между удельным весом протестантов и долей потенциально протестантского населения позволяет выявить территории с повышенной религиозностью эстонцев. В число этих территорий вошли отмеченные выше юго-восточные уезды Пылвамаа, Вырумаа, город Валга, а также расположенные на западе страны уезды Ляэнемаа и Сааремаа. Нужно отметить, что это преимущественно окраинные территории страны, а в основной части уездов Эстонии наблюдается заметное превышение потенциально протестантского населения над теми, кто обозначил свою принадлежность к лютеранам или к другим группам протестантов. Другими словами, это территории характеризуются низким уровнем религиозности эстонского населения.

По аналогичной методике был оценен уровень религиозности потенциально православного и потенциально католического населения (рис. 37). В подавляющем большинстве уездов Эстонии доля православных заметно превышает долю потенциально православного населения, но нужно выделить несколько уездов, где эта разница наиболее высока, причем по

разным причинам. Во-первых, это уезд Ида-Вирумаа (особенно города Нарва и Йыхви), где уже отмечался более высокий уровень религиозности местного русскоязычного населения.

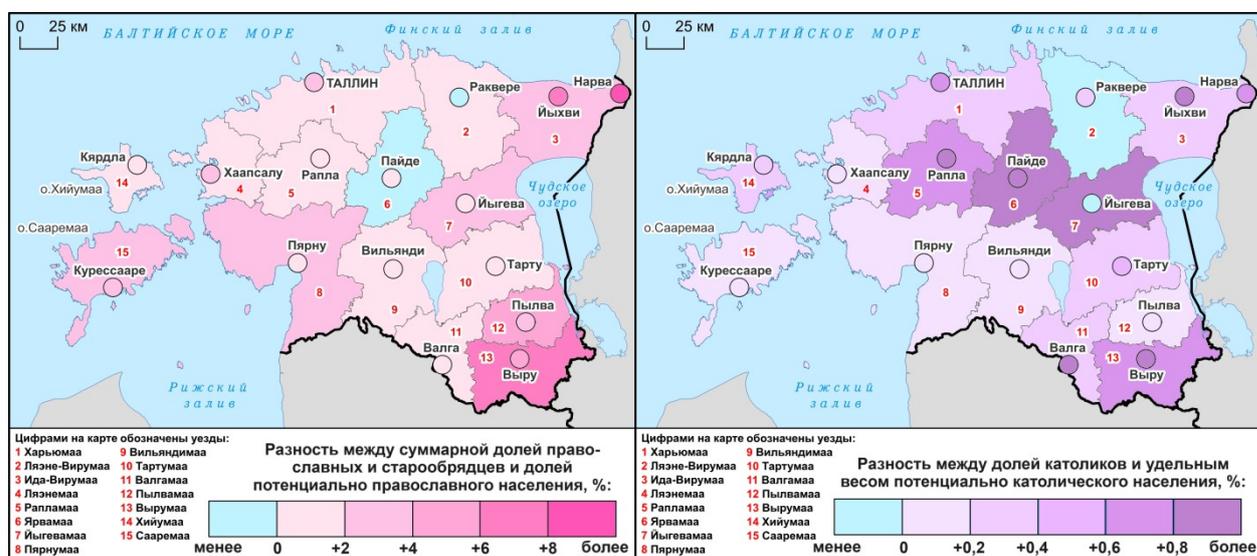

Рисунок 37 – Разность между долями религиозных групп (православных со старообрядцами и католиков) и соответствующих им групп потенциального конфессионального населения на уровне городов и уездов Эстонии по итогам переписи населения 2021 г. (составлено автором по [248])

Во-вторых, это уезды Вырумаа и Пылвамаа, являющихся почти полностью эстонскими, но в них представлена небольшая группа православного населения, представленного родственным эстонцам по языку, но принявшим еще в средние века православие, народом сету (сето) [133]. В-третьих, наблюдается превышение доли православных над потенциально православным населением в западных уездах Сааремаа и Ляэнемаа, что является наследием принятия местным эстонским населением православной веры во второй половине XIX в. [116; 163; 241], причины чего были освещены в предыдущих разделах работы.

Также нужно отметить превышение доли католиков в подавляющем большинстве городов и уездов Эстонии над долей потенциально католического населения, что свидетельствует о принятии католической религии частью эстонского населения. Использование методики по

сравнению долей лиц, обозначивших свою религию, и потенциально конфессионального населения более подробно описано в работе [139], где также представлена апробация данной методики на примере эстонского населения, для которого была определена степень религиозности и представлена разбивка по разным конфессиональным группам на уровне уездов и городов Эстонии.

3.2.3 Изменения в территориальной структуре конфессионального пространства Эстонии в начале XXI в.

В период между переписями населения 2000 и 2021 гг. в территориальной структуре конфессионального пространства Эстонии произошли следующие изменения. Во-первых, в подавляющем количестве уездов страны заметно уменьшилась доля религиозного населения (рис. 38).

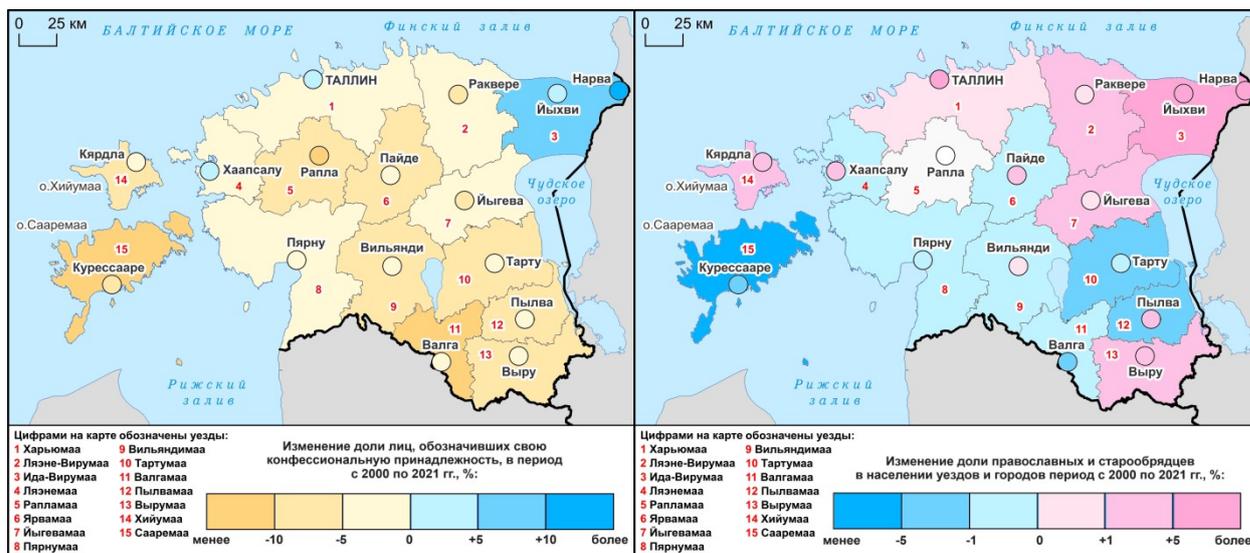

Рисунок 38 – Изменение доли религиозного населения, а также удельного веса православных и старообрядцев на уровне городов и уездов Эстонии в период между переписями населения 2000 и 2021 гг. (составлено по [248])

Наиболее значительное падение этой доли характеризовало островные уезды Эстонии (Сааремаа и Хийумаа), а также внутренние (не имеющие выхода к морю) и юго-восточные уезды (особенно Валгамаа). Но при этом

повысилась религиозность населения преимущественно православного (русскоязычного) уезда Ида-Вирумаа и городов Нарвы, Йыхви, Таллина и Хаапсалу, где также сохранялась высокой доля русскоязычного населения.

Основной прирост удельного веса православных и старообрядцев пришелся на восточные и северные уезды. Кроме северо-восточного уезда Ида-Вирумаа, это прилегающие к нему уезды Ляэне-Вирумаа и Йыгевамаа, юго-восточный уезд Вырумаа (главным образом, по причине включения в него всей территории проживания православного народа сету (сето), где была организована отдельная волость Сетомаа), на севере – Таллин и столичный уезд Харьюмаа, города Пайде и Хаапсалу, а также островной уезд Хийумаа. Как было отмечено выше, данный рост был связан преимущественно с повышением религиозности потенциально православного (преимущественно русского, белорусского и украинского) населения.

С другой стороны, снизилась доля православных и старообрядцев в населении юго-западных (особенно на острове Сааремаа) и некоторых восточных уездов (Тартумаа и Пылвамаа), что можно связать с падением в них в этот период доли русскоязычного населения и с уменьшением в них доли эстонского православного населения, главным образом, по причине его естественной убыли.

По всей территории Эстонии произошло падение доли протестантов в населении уездов и городов (рис. 39) вследствие продолжающейся секуляризации, т.к. именно потенциально протестантское население наиболее высокими темпами в этот период теряло свою религиозность. Быстрее всего снижалась доля протестантов в населении уезда Рапламаа и юго-восточных уездов Эстонии, которые характеризовались повышенной долей лютеран в этот период, т.е. более высокой базой для последующего падения доли.

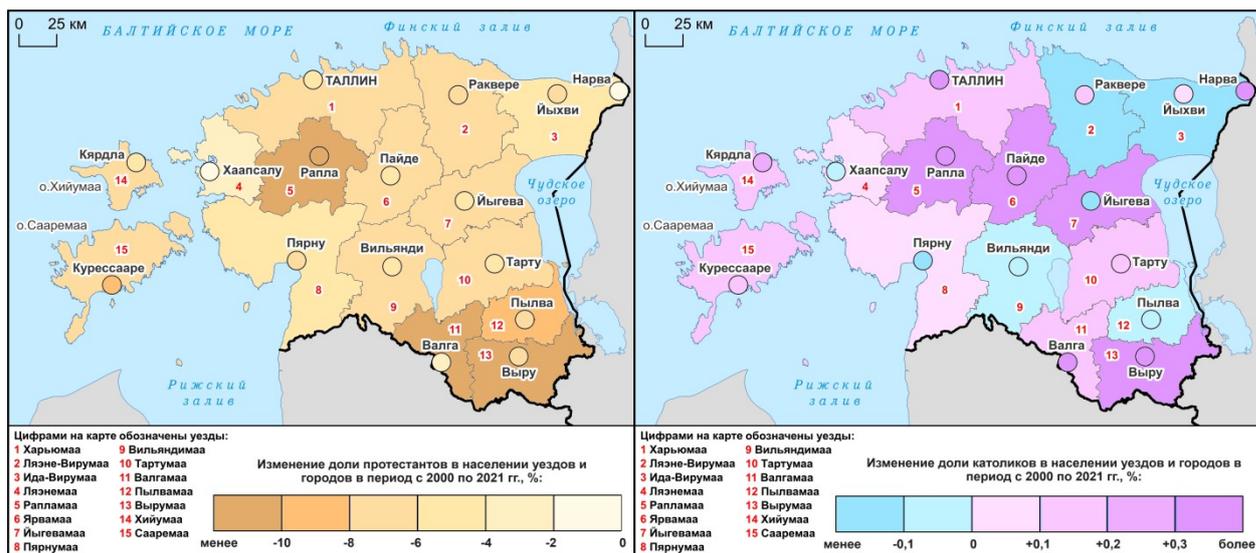

Рисунок 39 – Изменение доли протестантов и католиков в населении городов и уездов Эстонии в период между переписями населения 2000 и 2021 гг.

(составлено автором по [248])

По динамике доли католиков с 2000 по 2021 гг. уезды Эстонии можно разделить на три группы. Первую группу составляют уезды, где произошло уменьшение доли католиков. Это уезды северо-востока Эстонии (Ида-Вирумаа и Ляэне-Вирумаа), в ее южной части (Вильяндимаа, Пылвамаа) и отдельные города (Йыгева, Пярну и Хаапсалу). Вторую группу образуют уезды, где произошел значительный рост доли католиков. Это преимущественно уезды внутренней части страны, и ее юго-восточный уезд Вырумаа. Третью группу составляют уезды, где был незначительный прирост доли католиков. Эти уезды расположены преимущественно на западе страны и частично – на юго-востоке (Тартумаа, Валгамаа). Данная динамика не имеет прямой связи с этническими процессами, и объясняется скорее активностью отдельных католических организаций.

Таким образом, Эстония в настоящее время является одной из наиболее секуляризованных стран мира. Свыше 70 % ее населения не соотносят себя ни с одной из религий. Двумя основными группами в религиозной части населения являются лютеране (11 %) и православные (16,5 %). В первом десятилетии XXI в. лидерство по численности и доле

приверженцев от традиционного для Эстонии лютеранства перешло к сторонникам православной церкви. Произошло это по причине роста религиозности потенциально православного (в основном русскоязычного) населения. Скорее всего, религия в Эстонии для этой категории населения стала важнейшим маркером общекультурной идентификации, дополняющей языковую и этническую идентичность. В то же время снижалась религиозность потенциально протестантского (главным образом, эстонского) населения.

В территориальной структуре конфессионального пространства Эстонии в первых двух десятилетиях XXI в. наиболее усилились позиции православия на севере, и особенно на северо-востоке страны (в преимущественно русскоязычном уезде Ида-Вирумаа). Доля протестантов снижалась фактически на всей территории Эстонии. Также почти везде падал уровень религиозности населения, за исключением уезда Ида-Вирумаа, а также городов Таллина и Хаапсалу благодаря повышенной в них доле православного (русскоязычного) населения.

3.3 Конфессиональное пространство Латвии в начале XXI вв.

3.3.1 Динамика компонентной структуры конфессионального пространства Латвии в течение двух первых десятилетий XXI в.

Латвию в полной мере можно считать поликонфессиональной страной. Традиционными конфессиями на ее территории являются три основных направления христианства: католицизм (в Латгале), лютеранство (в Видземе, Курземе и Земгале), а также православие и старообрядчество (в Латгале и частично в Видземе и г. Риге). Еще одной традиционной религии Латвия фактически лишилась к началу XXI в. вследствие миграционного оттока подавляющего большинства евреев. Ранее в Латгале, Курземе и Земгале,

особенно в их городских поселениях, была высока доля приверженцев иудаизма.

Латвия, как и большинство других бывших советских республик, после относительно длительного периода политической секуляризации, перешла в постсоветское время к десекуляризации, причем связанной не только с активизацией деятельности традиционных религиозных организаций, но и появлением новых (особенно протестантских). В начале XXI столетия в Латвии действовало около 170 различных деноминаций, и по сравнению с 1990 г. количество религиозных общин выросло более чем в 1,5 раза [185, с. 102].

Косвенную оценку компонентной структуры конфессионального пространства Латвии в конце XX в. можно дать путем сравнения количества религиозных организаций в конце советского периода и в начале XXI в. Так, в 1990 г. в Латвии действовали 693 религиозные организации, в т.ч. 348 протестантских (50,2 %), включая 252 лютеранских, 61 баптистскую, 7 пятидесятнических, 28 – Адвентистов Седьмого Дня, 187 католических (27 %), 89 православных (12,8 %), 65 старообрядческих (9,4 %), 4 иудейских (0,6 %). В 2003 г. количество религиозных организаций достигло 1098, в т.ч. 605 протестантских (55,1 %), включая 307 лютеранских, 90 баптистских, 57 пятидесятнических, 47 – Адвентистов Седьмого Дня, 43 – Христиан евангельской веры и Нового поколения, 12 – Свидетелей Иеговы, 12 – Методистов и др., 252 католических (23 %), 117 православных (10,7 %), 67 старообрядческих (6,1 %), 13 иудейских (1,2 %), 10 – последователей Кришны (вайшнавов) (0,9 %), по 5 мусульманских и буддистских (по 0,5 %) и др. (рассчитано по [52, с. 315]).

Таким образом, с 1990 по 2003 гг. наибольший прирост в структуре религиозных организаций Латвии пришелся на протестантские (с 50,2 до 55,1 %), хотя доля евангелическо-лютеранских общин при этом сократилась с 36,4 до 28 %. Заметно уменьшилась доля католических организаций (с 27 до 23 %), а также православных (с 12,8 до 10,7 %) и старообрядческих (с 9,4 до 6,1

%). Доля остальных религиозных организаций выросла с 0,6 до 5,1 %. Но изменения в количестве различных религиозных организаций не отражают напрямую сдвиги в компонентной структуре конфессионального пространства Латвии, т.к. значительная часть населения, особенно потенциально лютеранского, пополнила категорию нерелигиозного населения. Так, по итогам опроса населения 143 стран исследовательской организацией Gallup, проведенного в 2006–2008 гг., в Латвии была отмечена степень религиозности ниже среднеевропейского уровня, а именно, 37 % [185, с. 104].

В переписях населения, проводившихся в Латвии в постсоветский период (в 2000, 2011 и 2021 гг.), не задавался вопрос о религиозной принадлежности населения, что осложняет оценку компонентной и территориальной структуры современного конфессионального пространства страны в первых двух десятилетиях XXI в. Поэтому основным источником информации о конфессиональной структуре населения Латвии в этот период являются социологические опросы населения. Имеющиеся иные источники обычно оперируют количеством религиозных организаций, что, как свидетельствует сравнение их структуры с материалами опросов населения, сильно отличаются.

Причем, для обеспечения сопоставимости результатов опросов за разные годы, также часто противоречивых, используются данные одной социологической службы. По этой причине, в качестве основных данных по оценке конфессионального состава населения Латвии в первых двух десятилетиях XXI в. выбраны итоги опросов населения, проведенных с 2000 по 2018 гг. Латвийским агентством SKDS [237; 245]. Опрашивалось население в возрасте от 18 до 74 лет, примерно по 1000 респондентов в каждом из опросов. Респондентам задавался опрос «К какой вере вы принадлежите?».

Кроме того, для оценки потенциальной конфессиональной структуры населения, основанной на связи традиционных религий с определенными

этническими группами населения, а также для расчета современного конфессионального состава населения на уровне регионов Латвии, использовались данные текущего учета этнического состава населения за 2023 г. и результаты переписей населения в период первой независимости Латвии (1920, 1925, 1930 и 1935 гг.) по этнической и конфессиональной структуре населения [248].

По итогам социологических опросов населения Латвии [237] была рассчитана величина ИКМ_М и ИРМ_М за 2000, 2009 и 2018 гг. (рис. 40).

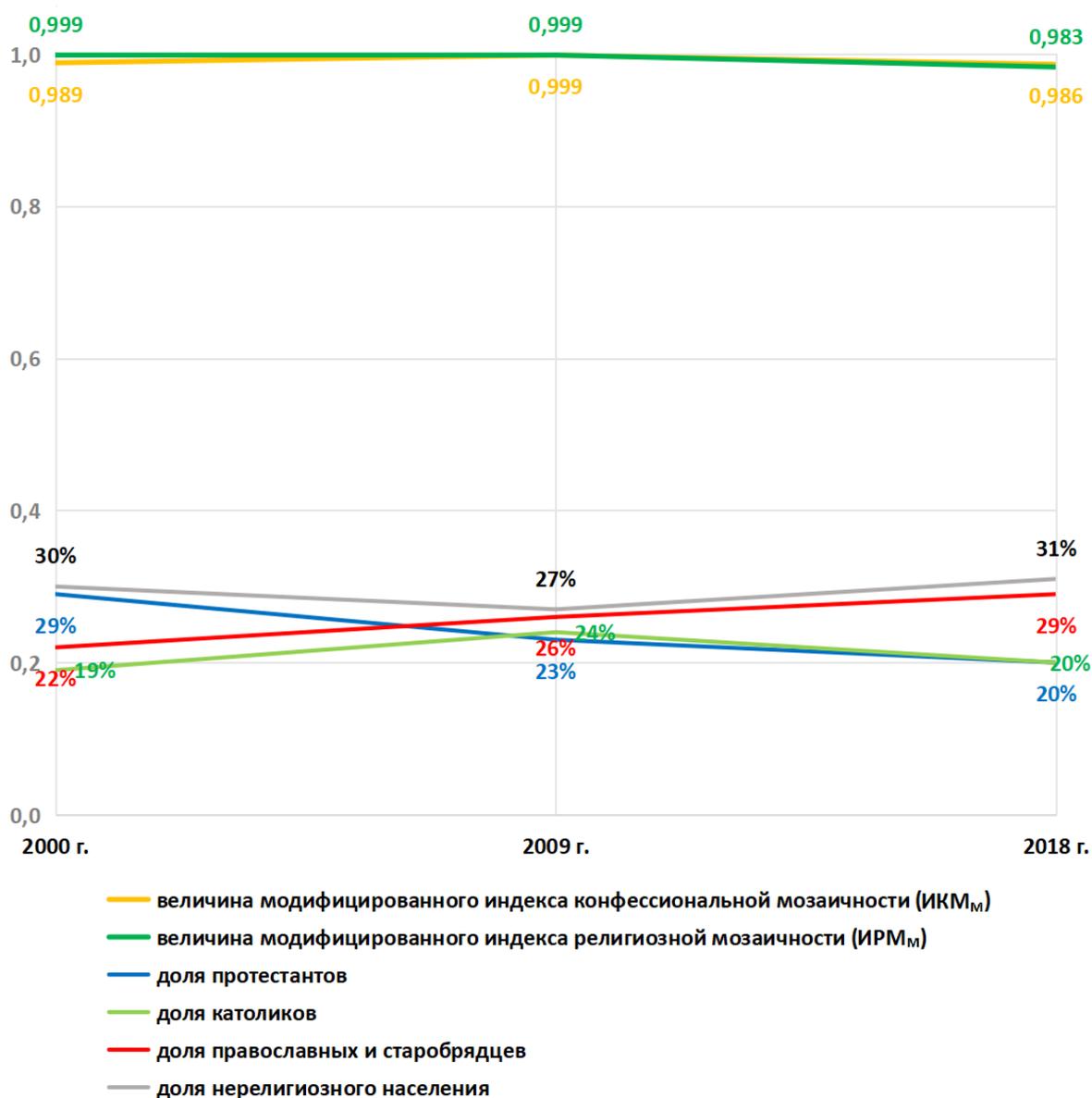

Рисунок 40 – Изменение модифицированных индексов конфессиональной и религиозной мозаичности и удельного веса основных конфессиональных групп в Латвии с 2000 по 2018 гг. (составлено автором по [237])

В целом Латвия в первых двух десятилетиях XXI в. демонстрировала максимальный уровень конфессиональной (с учетом нерелигиозного населения) и религиозной гетерогенности, о чем свидетельствует величина ИКМ_М и ИРМ_М, близкая к единице. В качестве основных тенденций в динамике конфессиональной структуры населения страны нужно обозначить: 1) уменьшение доли протестантов (с 29 % в 2000 г. до 20 % в 2018 г.); 2) рост доли православных и старообрядцев (с 22 до 29 %); 3) относительно стабильная доля католиков (20 % или немного выше) и нерелигиозного населения (на уровне 30 %).

Таким образом, в первых двух десятилетиях XXI в. наблюдалось падение доли лиц, обозначивших свою принадлежность к протестантским деноминациям, несмотря на бурный рост количества протестантских организаций в постсоветский период. Такая ситуация схожа с происходящими в Эстонии процессами снижения религиозности потенциально протестантского населения (в данном случае, латышей). С другой стороны, несмотря на снижение в общем количестве религиозных организаций доли православных и старообрядческих общин, происходит увеличение численности и удельного веса приверженцев этого направления христианства, что, как и в Эстонии, объясняется ростом религиозности потенциально православного населения (в основном русских и белорусов).

Сохраняющееся примерно на одном уровне соотношение религиозной и нерелигиозной частей населения может быть объяснено разнонаправленной динамикой религиозности потенциально протестантского и православного населения. При этом религиозность потенциально католического населения (в основном латгальцев, литовцев и поляков), вероятно, росла в первом десятилетии XXI в., и снижалась – во втором, т.к. в целом едва ли происходили значительные изменения в численности и доле обозначенных групп населения.

3.3.2 Территориальная структура конфессионального пространства Латвии

В связи с тем, что отсутствует официальная статистика по конфессиональной структуре населения по административным единицам Латвии, была предпринята попытка оценки территориальной структуры конфессионального пространства страны на уровне ее четырех исторических регионов (Курземе, Земгале, Латгале, Видземе) и отдельно по г. Риге, опираясь на современную этническую статистику (на 2023 г.) и историческую конфессиональную статистику (с 1897 по 1935 гг.). Для этого была разработана методика, включающая пять последовательных шагов для решения этой задачи [137].

Во-первых, была рассчитана потенциальная конфессиональная структура населения на уровне исторических регионов Латвии по этнической статистике за 2023 г., а также по итогам переписей населения с 1897 по 1935 гг. В первом приближении, к потенциально протестантскому населению были отнесены латыши, эстонцы и немцы, к потенциально католическому – поляки и литовцы, к потенциально православному – русские, белорусы и украинцы, к потенциально иудаистскому – евреи. В дальнейшем обозначенный состав потенциальных конфессиональных групп был скорректирован.

Во-вторых, была рассчитана разность между реальным и потенциальным конфессиональным составом населения на уровне регионов Латвии по результатам переписей населения, проведенных на ее территории с 1897 по 1935 гг. Данная операция позволила выделить латгальцев, придерживающихся католической религии, но фиксируемых в переписях как латыши. Также в разных регионах Латвии была выявлена доля латышей, придерживающихся православия.

В-третьих, потенциальная конфессиональная структура населения в каждом историческом регионе Латвии и г. Риге по состоянию на 2023 г. была

скорректирована с учетом среднестатистической за длительный период (с 1897 по 1935 гг.) доли латышей-католиков и православных латышей.

В-четвертых, с опорой на результаты опроса населения Латвии, проведенного в 2018 г., была рассчитана средняя религиозность трех основных религиозных групп (протестантов, католиков и православных со старообрядцами, за вычетом иудеев, доля которых ныне является незначительной). По итогам опроса 2018 г., в целом по Латвии было принято такое распределение конфессиональных групп: нерелигиозное население (не указавшие свою религиозную принадлежность) – 31 %, православные и старообрядцы – 29 %, протестанты и католики – по 20 %.

В-пятых, была дана оценка распределения населения исторических регионов Латвии и г. Риги по трем основным религиозным группам (протестантам, католикам и православным со старообрядцами) исходя из средней по стране религиозности каждой обозначенной группы.

Результаты расчетов оказались следующие. Доля потенциально протестантского населения Латвии в 2023 г. была оценена в 39,5 %, потенциально православного населения – в 32 %, потенциально католического населения – в 23,5 %. Далее был рассчитан уровень религиозности каждой из этих групп, который составил 50 % в группе потенциальных протестантов, 85 % – среди потенциальных католиков и 87 % – в группе потенциально православного населения [137].

Оценка удельного веса нерелигиозного населения и протестантов по историческим регионам Латвии и г. Риге представлена на рисунке 41. Так, согласно проведенным расчетам, наиболее высока доля нерелигиозного населения в Видземе и Курземе (примерно по 40 %), немного ниже – в Земгале (36 %), еще ниже – в г. Риге (24 %) и в Латгале (20 %). То есть, наиболее высокой является доля нерелигиозного населения в традиционно лютеранских регионах, самой низкой – в традиционно католической (и, вместе с тем, православно-старообрядческой) Латгалии.

Рисунок 41 – Оценка доли нерелигиозного населения и удельного веса протестантов в населении исторических регионов Латвии на 2023 г. (рассчитано автором по [237; 248])

Рассчитанная доля протестантов наиболее высока в Курземе (35,5 %), которой лишь немного уступают Видземе (33,2 %) и Земгале (29,7 %). Крайне низкой является доля протестантов в Латгале (3,7 %) и в г. Риге (4,9 %). Таким образом, в целом можно отметить сходство в распределении жителей регионов Латвии по доле нерелигиозного и протестантского населения.

При этом, прямо противоположным является распределение населения регионов по доле католиков и православных (со старообрядцами) (рис. 42). Так, доля католиков является наибольшим в населении Латгалии (40,2 %) и г. Риги (32 %), заметно меньшим – в населении Земгале (15,8 %), и крайне небольшим – в населении Курземе (7,7 %) и Видземе (3,9 %). По доле православного и старообрядческого населения лидирует г. Рига (39 %), столице чуть уступает Латгале (35,2 %), третью позицию занимает Видземе (22,8 %), четвертую и пятую – Земгале и Курземе (17,7 и 16,1 %, соответственно) [137].

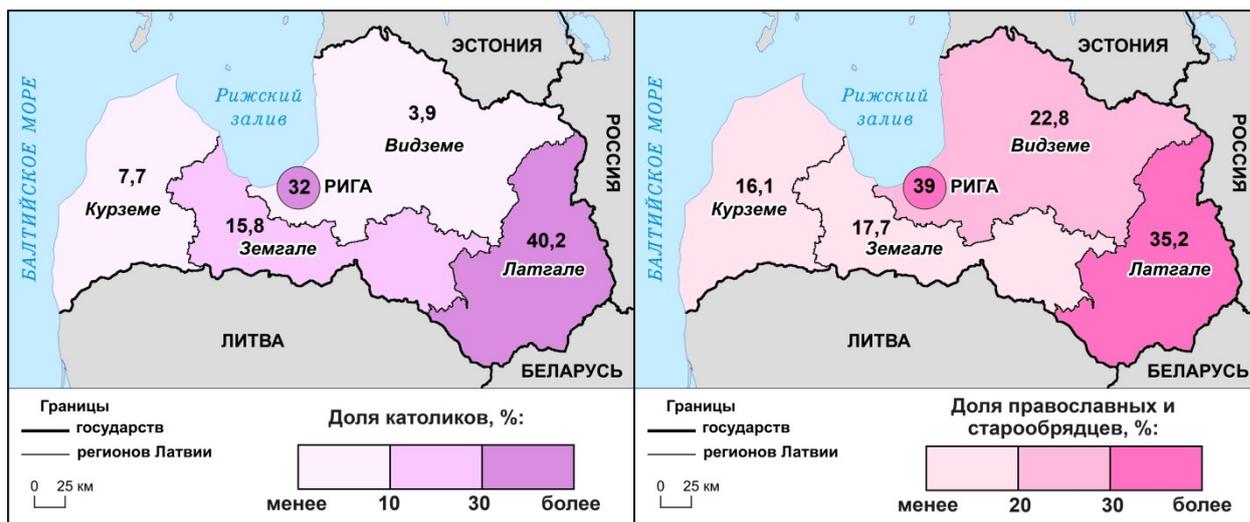

Рисунок 42 – Оценка доли католиков и православных (со старообрядцами) в населении исторических регионов Латвии на 2023 г. (рассчитано автором по [237; 248])

Если высокая доля православно-старообрядческого населения в г. Риге вполне объяснима с учетом ее современной этнической структуры населения, то высокая доля католиков в столице требует отдельного комментария. Главным аргументом в пользу этого является то обстоятельство, что Латгалия, исторически являющаяся главным регионом проживания католиков на территории Латвии, в настоящее время насчитывает лишь 245 тыс. жителей, в то время как численность всех католиков в стране оценивается в 375 тыс., из них в Латгалии проживает не более 100 тыс. (26 % католиков Латвии) [137]. Соответственно, не менее половины католиков Латвии сейчас сконцентрировано в столице, что является результатом миграционных процессов на протяжении длительного периода, включая и современную направленность внутренних миграций в стране из периферийных районов в ее центр.

Латвия характеризуется наиболее гетерогенной компонентной структурой конфессионального пространства среди стран Прибалтики. Около трети ее населения не соотносят себя ни с одной из религий, свыше четверти жителей называют себя православными и

старообрядцами, адепты протестантского и католического направлений христианства составляют примерно по 20 % населения. В структуре религиозной части населения Латвии, как и Эстонии, в начале XXI в. лидерство от активных последователей протестантизма перешло к приверженцам православия и старообрядчества, что стало следствием прямо противоположной динамики религиозности среди потенциально лютеранского (латышского) и потенциально православного (русского и белорусского) населения. Относительную стабильность сохраняет религиозность среди потенциально католического населения (в основном, латгальцев).

Так как в настоящее время в переписях населения Латвии не фиксируется религиозная принадлежность населения, на основе выявленных по итогам предыдущих переписей специфических черт конфессионального пространства страны была оценена современная религиозная структура населения ее исторических регионов и г. Риги. Традиционно наиболее религиозным является регион Латгале, где пока сохраняется лидерство католиков (40 %), которым лишь немного уступают православные и старообрядцы (35 %), и минимальна доля протестантов (менее 4 %). Наименее религиозными являются Видземе и Курземе с 40 % нерелигиозного населения и перевесом протестантов (свыше 33 %) в религиозной части населения. Регион Земгале по конфессиональной структуре населения занимает позицию, близкую к Курземе и Видземе, а г. Рига в этом плане более схож с Латгале.

3.4 Конфессиональное пространство Литвы в начале XXI вв.

3.4.1 Динамика компонентной структуры конфессионального пространства Литвы в течение двух первых десятилетий XXI в.

Литва сохранила наибольший уровень религиозности населения среди трех стран Прибалтики. Согласно результатам опроса населения 143 стран мира в 2006–2008 гг. исследовательской организацией Gallup, религиозность населения Литвы составила 49 % [185, с. 104]. Но в качестве основных информационных ресурсов для изучения компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Литвы в первых двух десятилетиях XXI в. выступают итоги переписей населения, состоявшихся в 2001, 2011 и 2021 гг. [248], на которых задавался вопрос о религиозной принадлежности жителей.

В ходе переписи населения 2021 г. только 20 % жителей Литвы не обозначили свою религиозную принадлежность. В значительной степени низкая религиозность населения страны связана с традиционной религией литовцев – католичеством, доля приверженцев которой в настоящее время составляет около трех четвертей населения страны. Но считать Литву в полной мере моноконфессиональной нельзя. Еще около 5 % населения страны составляют приверженцы православия и старообрядцы (рис. 43). В начале постсоветского периода Литва, как и другие две страны Прибалтики, пережила кратковременный период десекуляризации. Но в целом политическая секуляризация в советское время в ней проявлялась менее значительно, чем в Эстонии и Латвии, что опять же связано с сохраняющейся в XX в. значительной ролью католицизма в обыденной и общественной жизни населения [97].

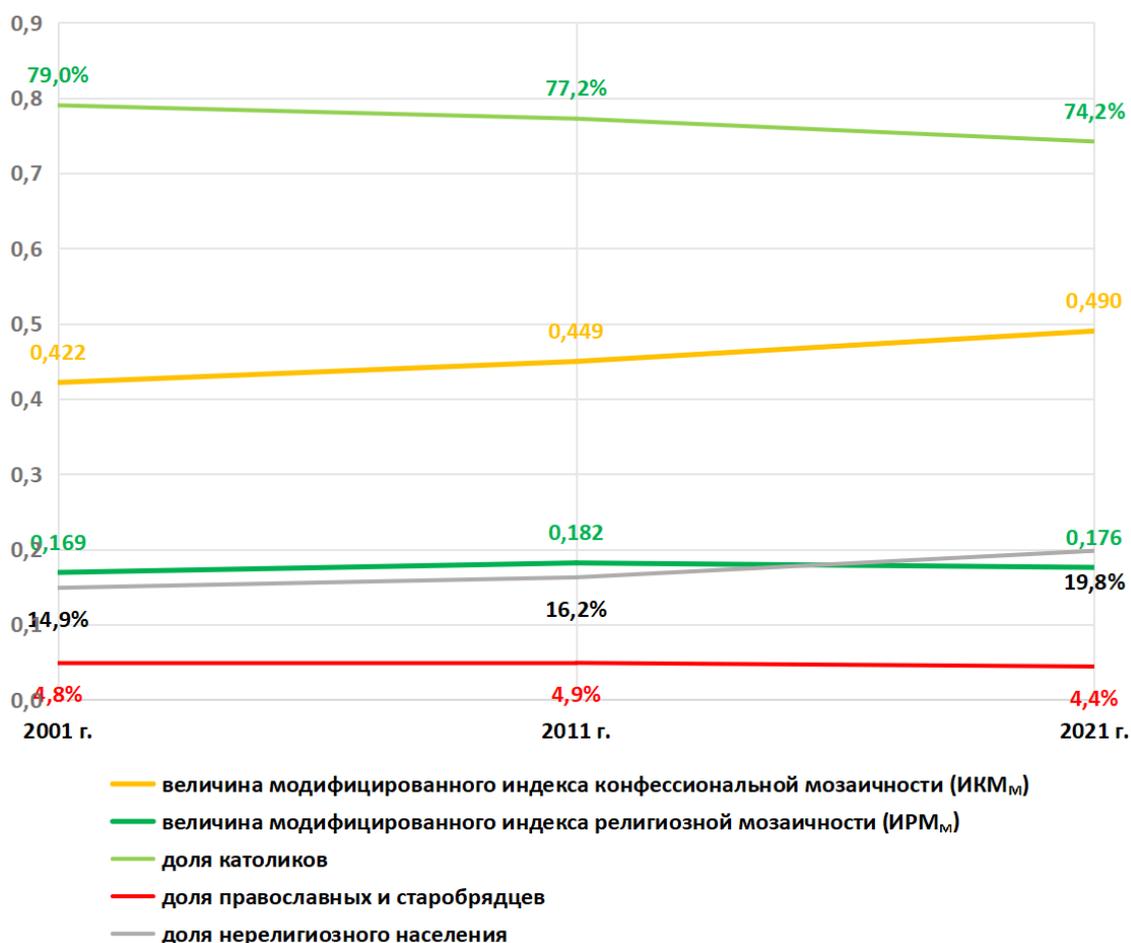

Рисунок 43 – Изменение модифицированных индексов конфессиональной и религиозной мозаичности и удельного веса основных конфессиональных групп в Литве с 2001 по 2021 гг. (рассчитано автором по [248])

Тем не менее, общеевропейские тенденции секуляризации в XXI в. достигли и Литвы. Так, только 3 % приверженцев Римско-католической церкви в стране соблюдают канонические правила, связанные с посещением храмов [52, с. 349]. Также нужно отметить рост в первые два десятилетия XXI в. с 15 до 20 % населения, не обозначающего своей религиозной принадлежности. В этот же период с 79 до 74 % сократилась доля приверженцев католицизма.

Несмотря на то, что Литва сохраняет относительную гомогенность конфессиональной структуры населения (с учетом группы нерелигиозного населения), величина ИКМ_м с 2001 по 2021 гг. выросла с 0,422 до 0,490, постепенно приближаясь к нижней границе, соответствующей относительной

гетерогенности конфессиональной структуры (0,557). Также в этот период несколько увеличилась величина ИРМ_М (с 0,169 до 0,176), но пока Литва уверенно сохраняет свой статус страны, крайне гомогенной по религиозной структуре населения.

3.4.2 Территориальная структура конфессионального пространства Литвы

Территориальная структура конфессионального пространства Литвы также характеризуется относительной однородностью. В подавляющем количестве муниципальных образований в 2021 г. величина ИКМ_М не превышала 0,556 (рис. 44).

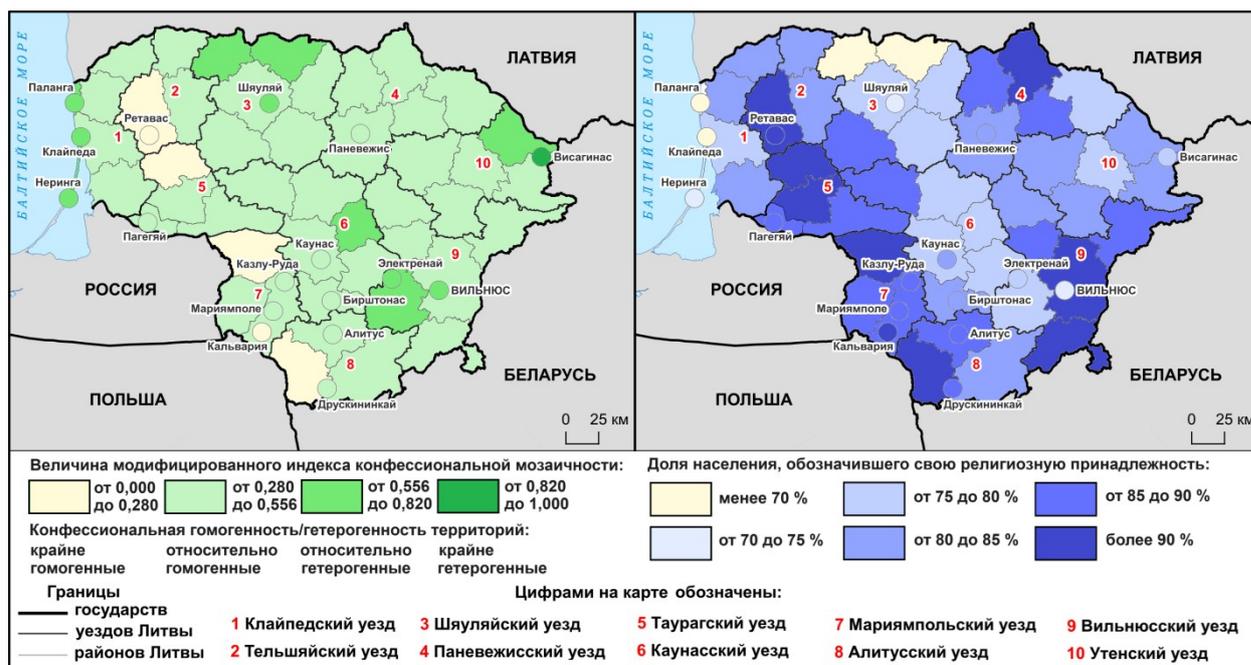

Рисунок 44 – Величина модифицированного индекса конфессиональной мозаичности и доля населения, обозначившего свою религиозную принадлежность, на уровне городов и уездов Литвы по итогам переписи населения 2021 г. [110, с. 98]

Нужно отметить лишь несколько сельских и городских муниципалитетов, которые являются относительно гетерогенными в

конфессиональном отношении. Во-первых, это три муниципальных образования на побережье Балтийского моря (Паланга, Клайпеда и Неринга). Во-вторых, это несколько сельских муниципалитетов в центре и на севере Литвы (в т.ч. на границе с Латвией). В-третьих, это города Вильнюс, Электренай и Шяуляй. Также особо нужно отметить городское муниципальное образование Висагинас, характеризующееся наибольшей конфессиональной гетерогенностью в стране. Город расположен на крайнем северо-востоке Литвы, фактически на стыке границ с Латвией и Республикой Беларусь. Висагинас был выделен в качестве отдельного муниципального образования по причине своей этнической специфики, что сказалось и на разнообразии конфессионального состава его населения.

Но на повышенной величине ИКМ_М в ряде случаев сказалось также наличие крупных групп нерелигиозного населения (например, в муниципальных образованиях на побережье Балтийского моря и на севере Литвы близ границы с Латвией). В целом же нужно отметить более высокий уровень религиозности населения муниципальных образований, расположенных ближе к границам с Калининградской областью России, Польшей и Республикой Беларусь (см. рис. 44).

Общий уровень религиозности населения муниципальных образований в значительной мере согласуется с удельным весом в них католиков и с уровнем религиозности потенциально католического населения (рис. 45). К потенциально католическому населению первоначально были отнесены литовцы и поляки. Однако сразу нужно обратить внимание на чрезмерно высокий уровень религиозности (свыше 95 %) потенциально католического населения в муниципальных образованиях, расположенных вдоль границы с Республикой Беларусь. Данное обстоятельство, как и другие рассмотренные ниже характеристики, позволили пересмотреть в последующем этническую структуру группы потенциально католического населения.

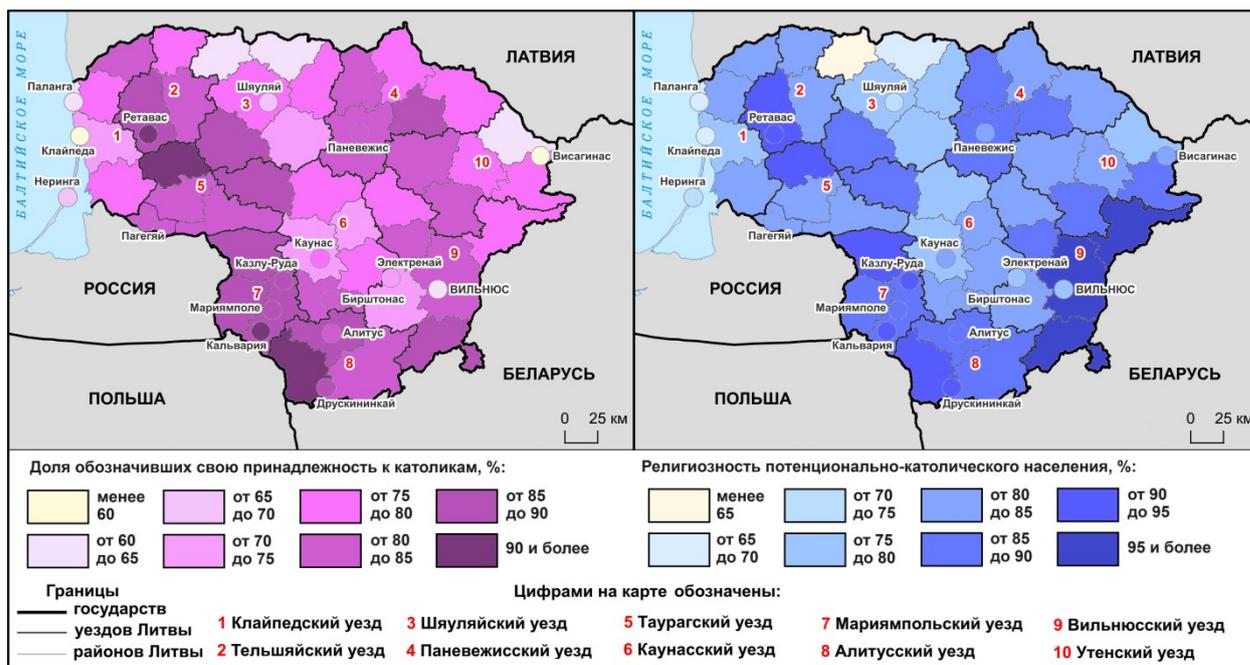

Рисунок 45 – Доля населения, обозначившего свою принадлежность к Римско-католической церкви, и оценка религиозности потенциально католического населения на уровне городов и уездов Литвы по итогам переписи населения 2021 г. [110, с. 100]

Еще один аргумент в пользу пересмотра структуры потенциально католического населения предоставило сравнение размещения по территории Литвы населения, относящего себя к православным и старообрядцам, и оценки религиозности потенциально православного населения в муниципальных образованиях страны (рис. 46).

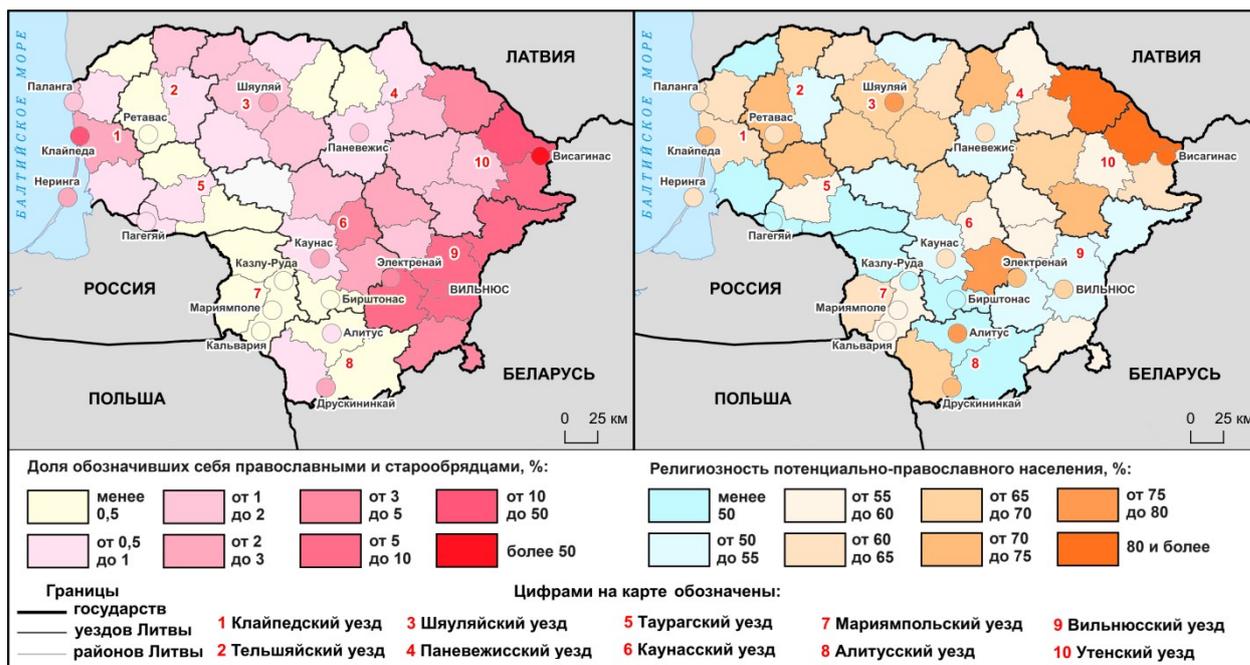

Рисунок 46 – Доля населения, обозначившего свою принадлежность к православным и старообрядцам, и оценка религиозности потенциально православного населения на уровне городов и уездов Литвы по итогам переписи населения 2021 г. [110, с. 101]

Православное и старообрядческое население в Литве сконцентрировано на территориях, примыкающих к границам с Республикой Беларусь (кроме крайнего юга страны), частично к границам с Латвией (на крайнем северо-востоке Литвы), и на побережье Балтийского моря (особенно в г. Клайпеде и Клайпедском уезде). Но в ряде муниципальных образований, примыкающих к Республике Беларусь, оказалась крайне низкая степень религиозности потенциально православного населения (к которому были первоначально причислены русские, украинцы и белорусы). Причем именно в этих муниципальных образованиях максимально высока доля белорусов (рис. 47). Поэтому был сделан вывод, что значительная белорусского населения в Литве исповедует не православную, а католическую религию.

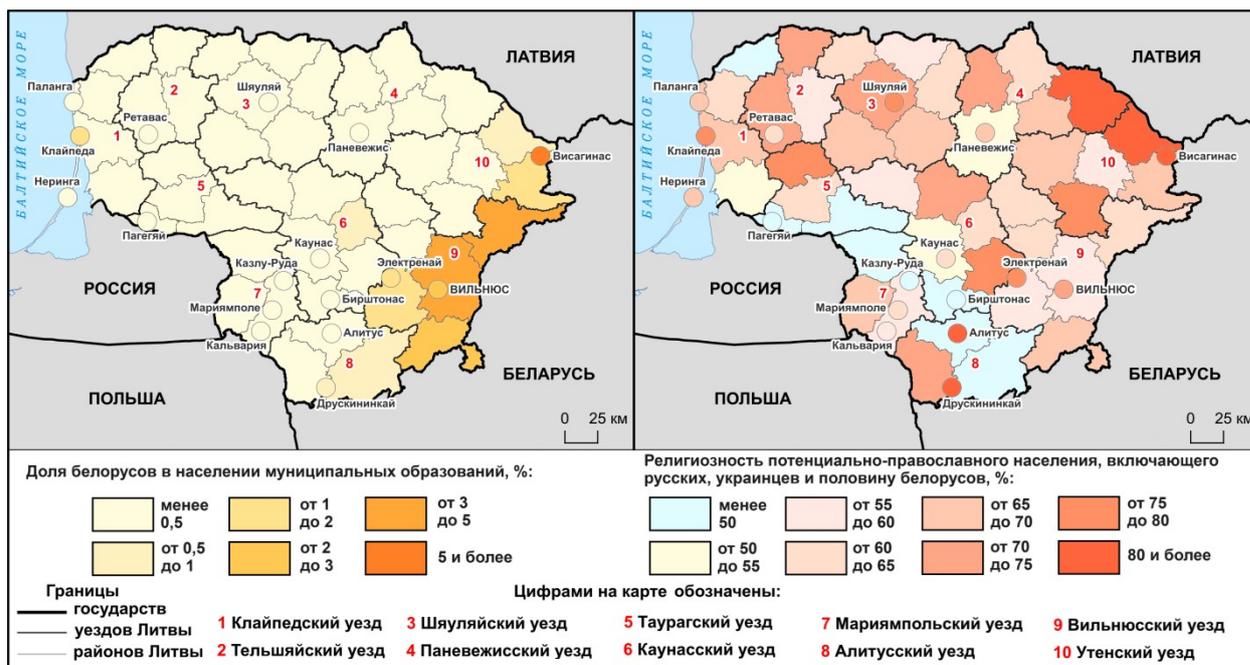

Рисунок 47 – Доля белорусов и оценка религиозности потенциально православного населения, включающего русских, украинцев и половину белорусов, на уровне городов и уездов Литвы по итогам переписи населения 2021 г. [110, с. 102]

Этот вывод согласуется как с отмеченным выше завышением в муниципальных образованиях, расположенных близ границы с Республикой Беларусь, уровня религиозности потенциально католического населения, так и с заниженным уровнем в этих же муниципальных образованиях религиозности потенциально православного населения. В итоге белорусское население было разделено пополам между группами потенциально католического и потенциально православного населения, что в большей мере соответствует реальности, чем привязка белорусов только к одной из потенциальных конфессиональных групп. Также была скорректирована оценка религиозности потенциально католического населения (с 81,4 до 81 %) и потенциально православного населения (с 67,3 до 73 %) [110].

Расчет по муниципальным образованиям Литвы уровня религиозности потенциально православного населения, включающего русских, украинцев и половину белорусов, представлен на рисунке 47. В целом на карте

наблюдается выравнивание уровня религиозности потенциально православного населения по территории страны. Но на этом фоне особо высоким уровнем религиозности характеризуются муниципальные образования на крайнем северо-востоке Литвы, в т.ч. в Висагинасе (до 1992 г. – Снечкусе). Эти муниципальные образования отличаются повышенной долей русского и белорусского населения, мигрировавшего сюда в советское время на строительство Игналинской АЭС, действовавшей с 1984 по 2009 гг.

3.4.3 Изменения в территориальной структуре конфессионального пространства Литвы в начале XXI в.

Динамика территориальной структуры конфессионального пространства Литвы в первые два десятилетия XXI в. определялась как сдвигами в религиозной структуре населения в этот период, так и сложившейся в настоящее время конфессиональной географией страны. Данная динамика рассмотрена отдельно по десятилетиям XXI в., а точнее, между переписями населения 2001 и 2011 гг. и между 2011 и 2021 гг. В течение всего этого периода росла гетерогенность конфессиональной структуры населения, как общей (включая группу нерелигиозного населения), так и религиозной части населения. Это было связано с уменьшением доли населения, обозначавшего свою принадлежность к Римско-католической церкви.

Однако, если в первом десятилетии XXI в. наблюдался рост доли населения, относившего себя к православным и старообрядцам (на 0,1 %), то во втором десятилетии отмечается уменьшение удельного веса данной категории жителей (на 0,5 %). Очевидно, что в первом десятилетии увеличение этой доли было связано с ростом религиозности потенциально православного населения, а во втором десятилетии – с уменьшением в Литве доли русских и белорусов, при этом даже продолжал расти уровень религиозности этих этнических групп. Так, если в целом за период с 2001 по

2021 гг. доля православных и старообрядцев уменьшилась с 4,8 до 4,4% (на 0,4 %), то русских и половины белорусов с 7,0 до 5,5 % (на 1,5 %), причем основное падение этой доли (на 0,9 %) пришлось как раз на период с 2011 по 2021 гг.

В подавляющем большинстве муниципальных образований Литвы и в первом, и во втором десятилетиях XXI в. наблюдалась конфессиональная гетерогенизация (рис. 48), хотя происходило это при росте удельного веса разных конфессиональных групп населения.

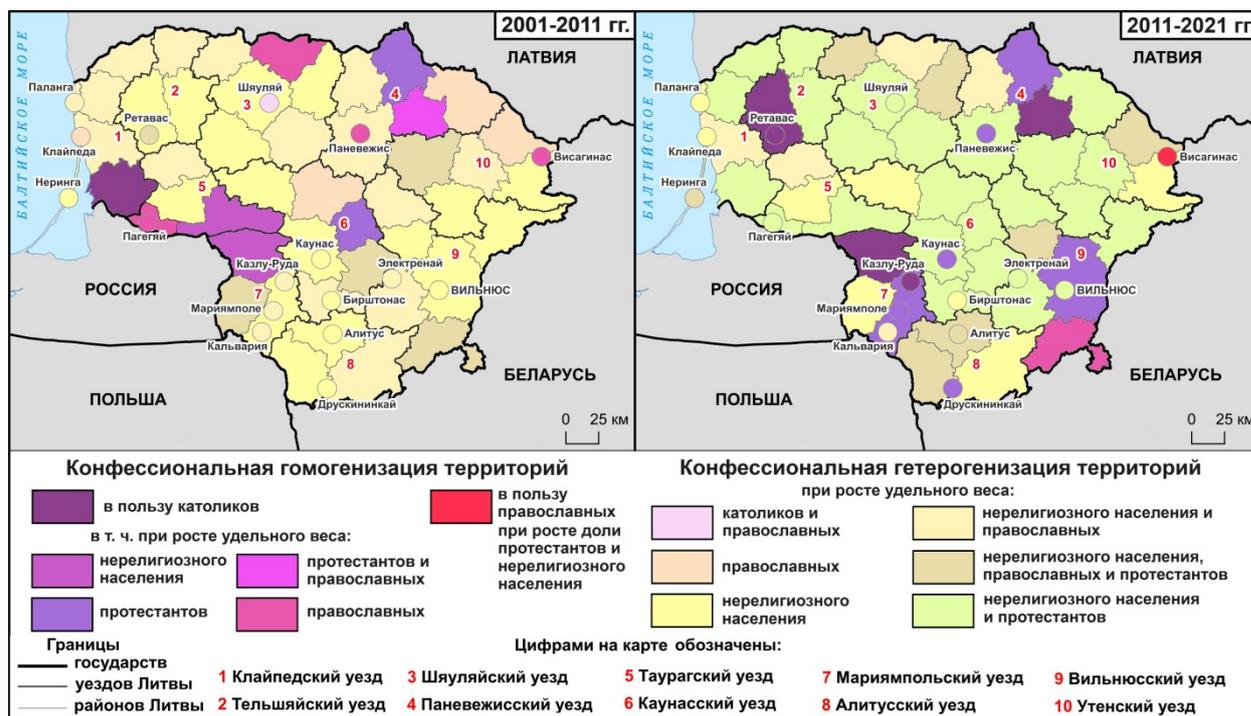

Рисунок 48 – Динамика территориальной структуры конфессионального пространства Литвы в между переписями населения 2001, 2011 и 2021 гг.

[110, с. 104]

В период с 2001 по 2011 гг. наиболее крупную группу самоуправлений составляли те, где увеличивалась доля нерелигиозного населения. Также во многих муниципальных образованиях росла доля православных (чаще всего вместе с долей нерелигиозного населения). Лишь в единичных муниципиях к росту этих двух категорий населения добавлялись еще и протестанты. В период с 2011 по 2021 гг. наиболее многочисленной стала группа

муниципальных образований, где наблюдался одновременно рост доли нерелигиозного населения и протестантов.

Таким образом, если в первом десятилетии XXI в. в конфессиональной гетерогенизации Литвы ведущую роль играл рост доли нерелигиозного и православного населения, то во втором десятилетии в этом стали играть чуть более заметную роль нетрадиционные религии, что стало проявлением активизации религиозной конкуренции, характерной для многих стран мира в XXI в. Хотя в целом удельный вес представителей нетрадиционных для Литвы религий остается крайне низким. Так, с 2011 по 2021 гг. доля протестантов выросла всего лишь с 0,8 до 1 %.

Тем не менее, в ряде самоуправлений Литвы и в первом, и во втором десятилетии XXI в. происходила конфессиональная гомогенизация. В период с 2001 по 2011 гг. единичные самоуправления испытывали конфессиональную гомогенизацию при росте доли нерелигиозного населения, православных, а иногда даже и протестантов. Но было выявлено лишь одно муниципальное образование, где происходила конфессиональная гомогенизация в пользу господствующей религии Литвы – католичества. При этом в период с 2011 по 2021 гг. количество таких муниципий увеличилось до четырех. Также во втором десятилетии XXI в. появилось одно муниципальное образование, испытывающее конфессиональную гомогенизацию в пользу православия – Висагинас. В этом городе обозначился перевес православного населения, но и здесь росла доля протестантов и нерелигиозного населения.

Литва в настоящее время является самой религиозной из трех стран Прибалтики. Только 20 % ее населения в 2021 г. не обозначили свою религиозную принадлежность. В значительной мере это связано с традиционной религией литовцев – католичеством, предопределяющим больший консерватизм в культуре, чем в Эстонии и Латвии, в прошлом преимущественно лютеранских странах. Также Литва наиболее близка к категории моноконфессиональных стран, 74 % ее населения относит

себя к католикам, еще около 5 % – к православным и старообрядцам. Однако в двух первых десятилетиях XXI в. отмечался рост гетерогенности компонентной структуры конфессионального пространства Литвы по причине увеличения доли нерелигиозного населения (с 15 до 20 %), и уменьшения доли католиков (с 79 до 74 %) и православных со старообрядцами (с 4,8 до 4,4 %).

Территориальная структура конфессионального пространства Литвы в начале XXI в. не претерпевала значительных изменений. Тем не менее, нужно отметить конфессиональную гетерогенизацию большинства муниципальных образований страны вследствие увеличения удельного веса нерелигиозного населения, а также небольшого роста доли православных и старообрядцев – в первом десятилетии XXI в., и протестантов – во втором десятилетии. Лишь единичные муниципалитеты испытывали конфессиональную гомогенизацию в пользу приверженцев католицизма, а также православной религии (в самоуправлении Висагинас, бывшем Снечкусе, расположенном на северо-востоке страны).

Глава 4. Динамика конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX по начало XXI вв.

4.1 Историко-конфессиональное районирование Северо-Запада России и Прибалтики

Изучение динамики территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики за более чем вековой период сталкивается с проблемой несопоставимости административно-территориальных единиц, по которым представлена конфессиональная статистика в конце XIX в. и в настоящее время. Чтобы решить эту проблему, было осуществлено историко-конфессиональное районирование территории. Таким образом, целью историко-конфессионального районирования в

данном исследовании стало выделение территориальных ячеек, служащих для оценки трансформации территориальной структуры конфессионального пространства с конца XIX в. по настоящее время. По этой причине районирование не характеризуется иерархичностью, являясь одноуровневым.

Методика историко-конфессионального районирования, с одной стороны, строится в соответствии с процедурами, предложенными Г.З. Озем [150] при осуществлении конфессионального районирования, с другой стороны, опирается на приемы, используемые в исторической географии при осуществлении историко-культурного районирования территорий [125; 126]. Первым этапом районирования стало выявление специфики конфессионального состава населения территориальных единиц или в начале интервала исследования (конец XIX в.), или в настоящее время. Для этого использовались карты с распределением основных конфессиональных групп на территории Северо-Запада России и Прибалтики по итогам переписи населения 1897 г. и последних переписей населения в Эстонии, Литве, а также результатов социологических опросов в Латвии и по регионам России.

Второй этап историко-конфессионального районирования связан с процедурой отграничения районов. В качестве одного из основных признаков на этом этапе районирования выступают административные и политические границы, как современные, так и бывшие, существовавшие в разные временные интервалы с конца XIX в., особенно наиболее устойчивые, т.е. сохраняющиеся длительное время. В частности, это границы губерний XIX – начала XX вв., некоторые из которых имели конфессиональную составляющую, соответствуя, например, «черте оседлости» еврейского населения, или отделяющие прибалтийские губернии с особым статусом в Российской империи, позволяющим им сохранять свою конфессиональную специфику. При этом сетка историко-конфессионального районирования укладывается в современные границы государств и максимально привязана к их административно-территориальному делению. Таким образом, историко-конфессиональные районы охватывают территорию нескольких смежных

административно-территориальных единиц со схожей конфессиональной структурой населения (в прошлом или настоящем).

Всего на территории Северо-Запада России и Прибалтики выделено двадцать историко-конфессиональных районов, а также отдельно рассмотрены три современные столицы стран Прибалтики и Санкт-Петербург. Из данного районирования выпали две территории Северо-Запада России – Карельский перешеек в Ленинградской области и Калининградская область, не охваченные переписью населения 1897 г. (Карельский перешеек был тогда частью Выборгской губернии в Великом княжестве Финляндском, а территория Калининградской области – частью Восточной Пруссии). Многие историко-конфессиональные районы носят названия исторических регионов (например, в Латвии, Литве и др.). Остальные же названы исходя из своего географического положения, в т.ч. с привязкой к историческим центрам или же гидрологическим объектам (рекам и озерам). В пределах Северо-Западной России, кроме Санкт-Петербурга, выделено семь историко-конфессиональных районов. Один из них соответствует территории Новгородской области, три расположено в Ленинградской области (Ладожско-Онежский, Прилужье и Ингерманландия) и три – в Псковской области (Восточное Причудье, Псковский и Прибелорусский).

На территории Эстонии, кроме Таллина, выделено четыре историко-конфессиональных района. Два из них соответствуют бывшей территории Эстляндской губернии (Ида-Вирумаа, или Восточное Вирумаа, и Северная Эстония), и еще два – северной части бывшей Лифляндской губернии (Юго-Западная и Юго-Восточная Эстония). Историко-конфессиональные районы на территории Латвии соответствуют ее столице (Риге) и четырем историко-культурным областям (Видземе, Латгале, Земгале и Курземе). В Литве, кроме Вильнюса, выделено пять районов с максимальной привязкой к границам историко-культурных (этнографических) регионов страны (Жемайтия, Аукштайтя, Восточная Аукштайтя, Дзукия и Сувалкия).

Конфессиональная специфика выделенных районов может быть рассмотрена с помощью карт, где в их пределах каждого из районов показана доля приверженцев основных направлений христианства, а также иудаизма, по итогам переписи населения 1897 г. и в настоящее время. Во-первых, рассмотрим распределение православного и старообрядческого населения (рис. 49). Для начала отметим пониженную долю православных в конце XIX в. на территории Северо-Запада России в Санкт-Петербурге и двух историко-конфессиональных районах – в Ингерманландии и Прилужье, причины чего будут рассмотрены ниже.

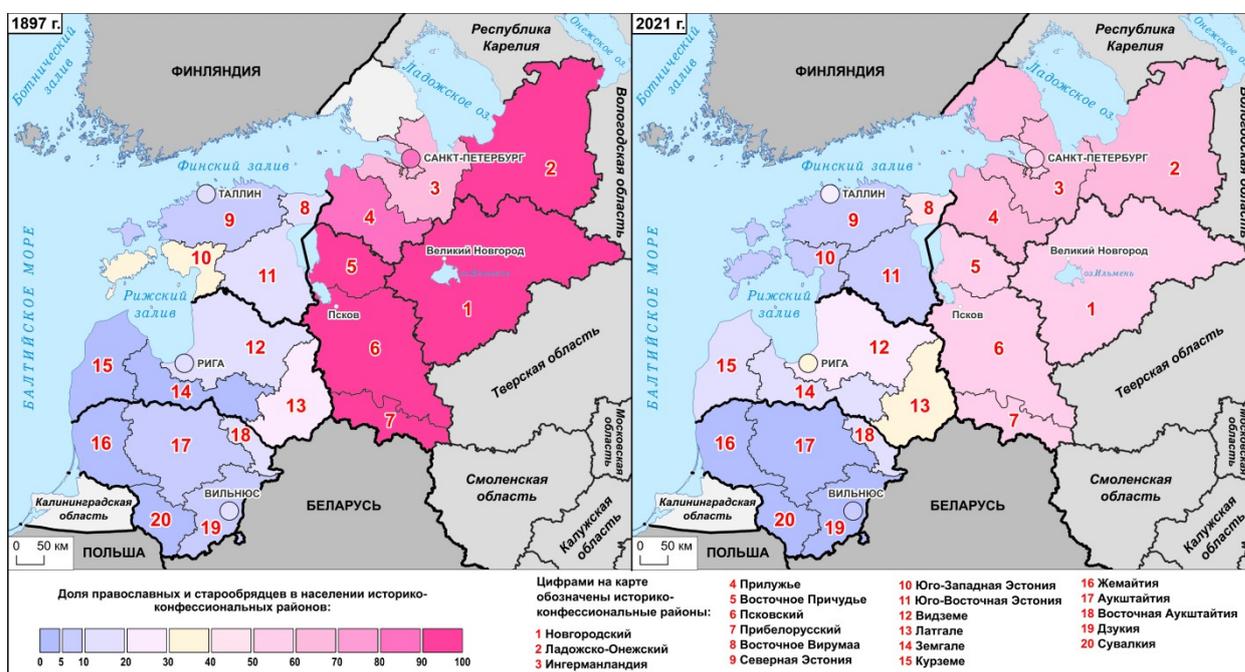

Рисунок 49 – Доля православных и старообрядцев в населении историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики в 1897 и 2021 гг. (составлено автором)

В Прибалтике в конце XIX в. повышенной долей православных и старообрядцев характеризовались территории, тогда входившие в состав Лифляндской губернии (Юго-Западная и Юго-Восточная Эстония, а также Видземе в Латвии). Здесь часть местного эстонского и латышского населения приняло «царскую веру» (т.е. православие) в середине и в самом конце XIX в. в надежде получения от власти участков земли в личную собственность

[116; 241]. Также нужно отметить повышенную долю православных и старообрядцев на востоке Латвии (в Латгалии) и Литвы (в Восточной Аукштайтии), что связано с оседанием в XVII в. на этих землях, тогда принадлежащих Речи Посполитой, старообрядцев вследствие гонений на них в России после раскола Русской православной церкви.

Кроме того, повышенной долей православных на территории Литвы в конце XIX в. характеризовались Аукштайтия (тогда части Ковенской губернии) и Дзукия (в то время части Виленской губернии). Во второй тогда была высока доля белорусов, часть из которых во времена существования Речи Посполитой приняла католичество, другая часть осталась верна православию. В настоящее время в странах Прибалтики повышенной долей православных характеризуется столицы Эстонии и Латвии, уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, Латгалия в Латвии и Восточная Аукштайтия в Литве.

Доля католиков в конце XIX в., кроме современной территории Литвы, была высока в Латгалии (рис. 50), которая до 1772 г. входила в состав Речи Посполитой.

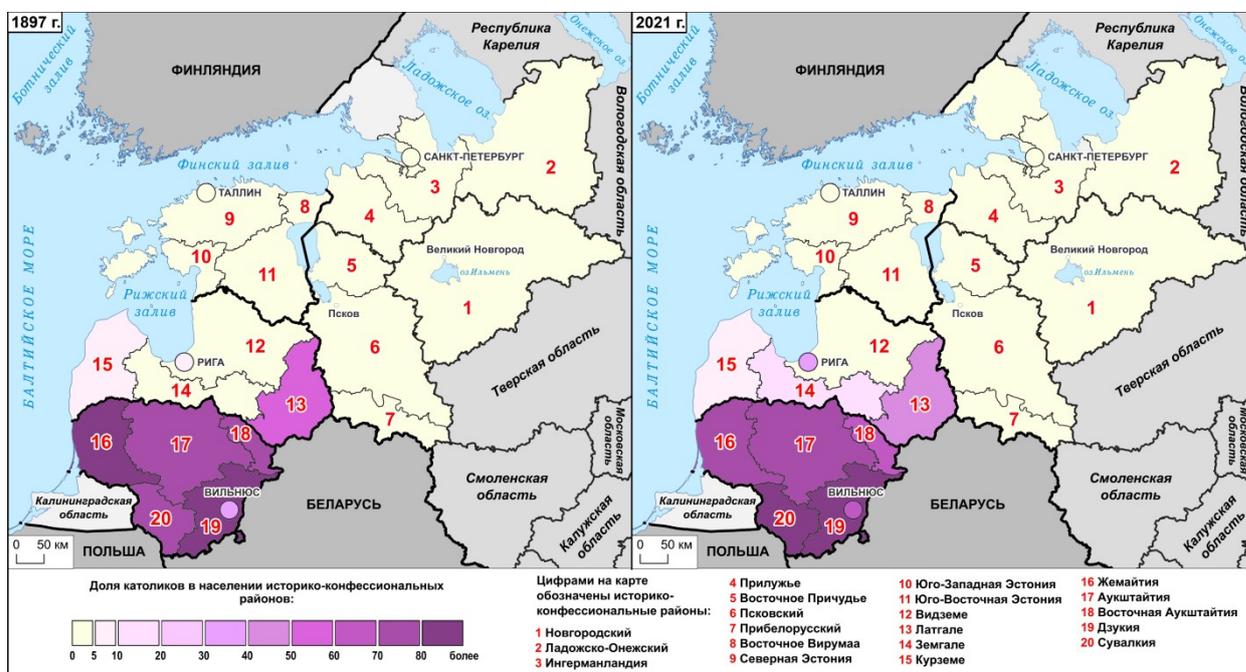

Рисунок 50 – Доля католиков в населении историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики в 1897 и 2021 гг.

Также можно отметить повышенную долю католиков в населении Риги и Курземе, расположенных ближе всего к Литве, и подверженных в определенные исторические периоды политическому и культурному влиянию Речи Посполитой. В настоящее время католичество в Латвии усилило свои позиции как в Риге, так и в регионе Земгале, что можно связать с миграциями на эти территории в XX в. латгальцев-католиков. В Литве к XXI в. немного уменьшилась доля католиков в Жемайтии, но вырос их удельный вес в Вильнюсе и Сувалкии, главным образом за счет выезда с этих территорий евреев-иудеев.

Повышенной долей протестантов (преимущественно лютеран) на Северо-Западе России в конце XIX в. характеризовались Санкт-Петербург и еще три историко-конфессиональных района: Ингерманландия, Прилужье и Восточное Причудье (рис. 51).

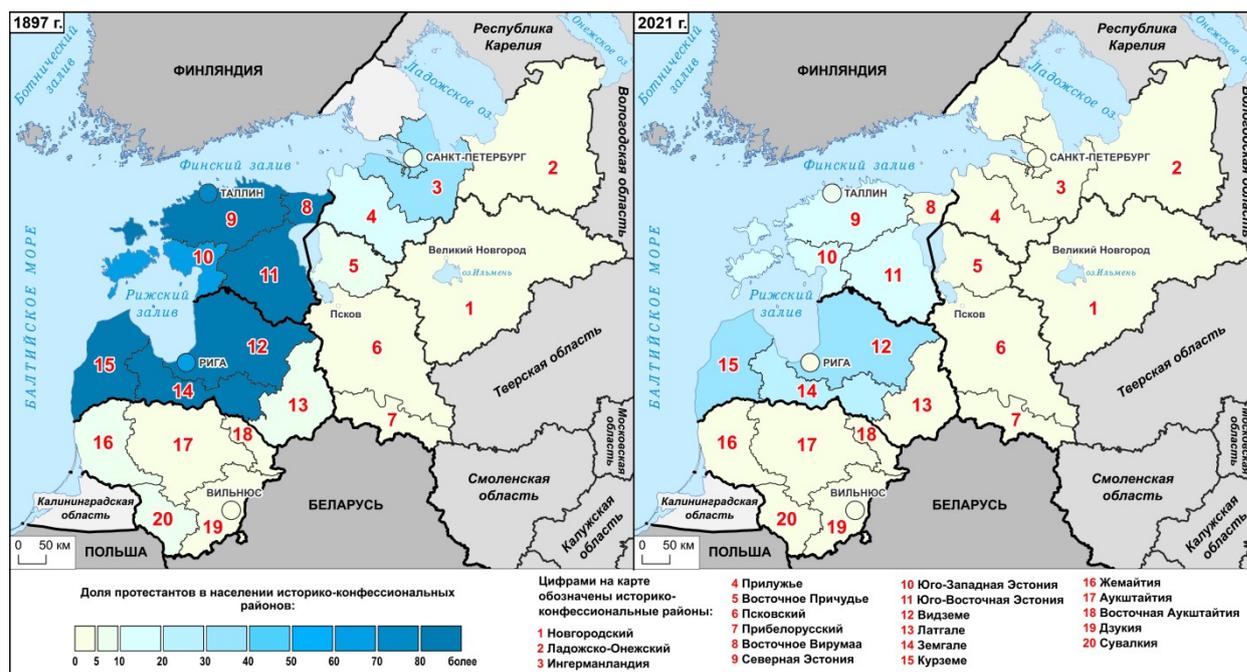

Рисунок 51 – Доля протестантов в населении историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики в 1897 и 2021 гг.

В Санкт-Петербурге это объясняется повышенной концентрацией иностранцев из стран Западной и Северной Европы, в т.ч. лютеран и приверженцев иных течений протестантизма. Высокий удельный вес

лютеран в населении Ингерманландии стал результатом вхождения Ижорской земли в XVII в. в состав Швеции (согласно Столбовскому договору 1617 г.). Тогда на эти земли, названные шведами Ингерманландией, прибыли финны-эвримейсет и финны-савакот, уже принявшие в то время от шведов лютеранство, которые заняли место православных финно-угорских народов (карелов, води и ижоры), часть которых переселилась в центральные регионы России [85; 122].

Однако на землях Прилужья и Восточного Причудья лютеранство закрепилось позже, а именно во второй половине XIX в. вместе с эстонскими и латышскими переселенцами из прибалтийских губерний, прибывшими на эти территории с целью получения от местных помещиков земли в аренду или частную собственность после отмены в Прибалтике крепостного права (в начале XIX в.). К середине XX в., после серии депортаций финнов-ингерманландцев в 1920–1940-е гг. и возвращения на историческую родину эстонцев и латышей в 1943 г. [122], на Северо-Западе России доля протестантского населения стала незначительной.

В настоящее время нужно отметить значительное сокращение доли протестантского населения в Эстонии и Латвии вследствие роста удельного веса нерелигиозного населения в XX и начале XXI вв. как результата секуляризации (политической в советский период и социальной – в период их первой независимости и в наше время). Лидером в этом плане выступает Эстония, где удельный вес населения, не обозначающего своей религиозной принадлежности, составляет более 70 %, в Латвии доля данной категории населения сейчас превышает 30 %.

В конце XIX в. в пределах губерний, входящих в «черту оседлости» еврейского населения, была высока доля приверженцев иудаизма (рис. 52). В «черту» попадала полностью современная территория Литвы (тогда Ковенская и Виленская губернии), Латгалия в Латвии и Прибелорусский историко-конфессиональный район в Псковской области (в то время входили в состав Витебской губернии).

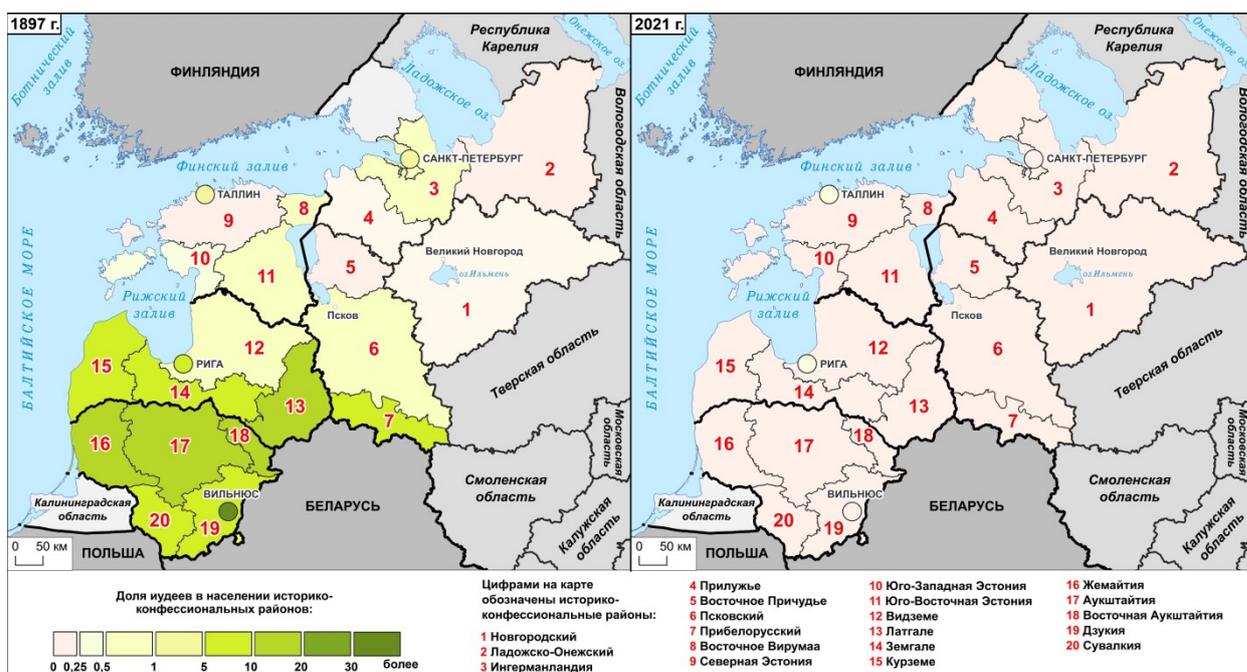

Рисунок 52 – Доля иудеев в населении историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики в 1897 и 2021 гг.

В то время евреи-иудеи составляли свыше 40 % населения Вильнюса, и в целом в пределах «черты» они проживали почти полностью в городских поселениях. Но нужно отметить также повышенную долю евреев-иудеев в населении Риги и Курляндской губернии (ныне регионы Курземе и Земгале). Последняя, хотя и не входила в черту оседлости евреев, но там были введены правила, позволяющие евреям проживать на территории губернии [132].

В настоящее время на всей территории региона исследования доля еврейского населения, а значит, и последователей иудаизма, является крайне низкой, что связано с миграционным оттоком евреев с этих территорий в XX и начале XXI вв. Со второго десятилетия XX в., а точнее, начиная с периода Первой мировой войны, происходило размывание «черты оседлости». Евреи переезжали в крупные города, но их значительная часть пока оставалась в границах «черты» [132]. В советское время наблюдавшиеся миграции еврейского населения вели в основном к его перераспределению по территории страны. Но в позднесоветское время начался массовый миграционный отток евреев из страны, который продолжился и в

постсоветский период [131], приведя в настоящее время к выпадению приверженцев иудаизма из числа основных конфессий во всех историко-конфессиональных районах в пределах региона исследования.

В работе осуществлено историко-конфессиональное районирование, целью которого является выделение территориальных ячеек, служащих для оценки трансформации территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX в. по настоящее время. Каждый из выделенных районов обладает спецификой конфессионального состава населения или в начале интервала исследования (1897 г.), или в настоящее время. В качестве одного из основных признаков районирования выступают политические и административные границы, как современные, так и бывшие, существовавшие в разные временные интервалы с конца XIX в., особенно наиболее устойчивые.

Всего на территории региона исследования выделено 20 историко-конфессиональных районов, а также отдельно 3 современные столицы стран Прибалтики и Санкт-Петербург. Территория Северо-Западной России разделена на 7 районов, один из которых соответствует Новгородской области, три расположено в Ленинградской области (Ладожско-Онежский, Прилужье и Ингерманландия) и три – в Псковской области (Восточное Причудье, Псковский и Прибелорусский). В Эстонии выделено 4 района, два из которых соответствуют бывшей территории Эстляндской губернии (Ида-Вирумаа и Северная Эстония) и еще два – северной части бывшей Лифляндской губернии (Юго-Западная и Юго-Восточная Эстония). Историко-конфессиональные районы на территории Латвии соответствуют ее 4 историко-культурным областям (Видземе, Латгале, Земгале и Курземе). В Литве выделено 5 районов с максимальной привязкой к границам историко-культурных (этнографических) регионов страны (Жемайтия, Аукштайтя, Восточная Аукштайтя, Дзукия и Сувалкия).

4.2 Конфессиональные контактные зоны Северо-Запада России и Прибалтики в конце XIX в. и начале XXI в.

Двумя основными элементами территориальной структуры конфессионального пространства предлагается считать *«конфессиональные ядра»* и *«конфессиональные контактные зоны»*. В качестве аналога конфессиональных ядер в концепции геоэтнокультурных систем (ГЭКС), разработанной А.Г. Дружининым и С.Я. Сушим в 1994 г. [188], выступают ядра ГЭКС, которые, в соответствии с терминологией данной концепции, можно обозначить также как ядра геоконфессиональных систем.

В концепции С.А. Горохова [41; 43], где конфессиональное геопространство дифференцируется по степени мозаичности, конфессиональным ядрам в большей мере соответствуют территории, крайне гомогенные в конфессиональном отношении, которые также можно назвать моноконфессиональными. Но нужно отметить, что конфессиональные ядра далеко не всегда являются моноконфессиональными, особенно в наше время, когда во многих странах мира достаточно высока доля нерелигиозного населения, иногда составляющего свыше половины жителей (например, в Эстонии). Поэтому правильнее обозначить конфессиональные ядра как территории с явным доминированием в среде верующего населения конкретных религий или религиозных направлений (традиционных с точки зрения проживающих на данной территории этнических групп).

Также можно провести аналогию между конфессиональными ядрами и «ядрами конфессиональных плит», под которыми С.Г. Сафронов предложил понимать «территории, население которых преимущественно (более 50 %) исповедует ту или иную мировую религию» [176, с. 453]. Очевидно, что конфессиональные ядра могут создаваться не только мировыми религиями, но и основными направлениями этих религий. Например, можно отдельно выделять территориальные ядра трех основных направлений христианства (православие, католицизм и протестантизм), которые стыкуются к юго-

востоку от Балтийского моря [130], т.е. как раз в пределах региона исследования.

С.Г. Сафронов [176] по сути говорит о ядрах конфессиональных плит второго порядка, когда выделяет внутри России «ядра-островки» поволжско-уральского ислама, кавказского ислама, калмыцкого, тувинского и бурятского буддизма и т.д. Однако в регионе исследования конфессиональные ядра не оторваны от основных массивов господства трех обозначенных направлений христианства. Поэтому применительно к территории Северо-Запада России и Прибалтики правильнее говорить об окраинных частях трех конфессиональных ядер первого порядка. Основные части этих ядер представлены в Финляндии, Швеции и других странах Северной Европы (протестантизм), Польше и далее в странах Центральной и Южной Европы (католицизм). Северо-Запад России является частью православного ядра, охватывающего значительную часть страны.

Второй основной элемент территориальной структуры конфессионального пространства – **конфессиональные контактные зоны (ККЗ)**. Аналогичное ККЗ понятие «этноконтактные зоны» присутствует в концепциях геоэтнокультурных систем [188] и геокультурного пространства [122]. С.Г. Сафронов пользуется понятием «контактные зоны конфессиональных плит», понимая под ними «территории, где сталкиваются интересы двух или более мировых религий» [176, с. 453]. К числу таких контактных зон он относит и «пограничье Русского православия и католицизма» в Прибалтике.

В рамках концепции геокультурного пространства в 2002 г. [122] впервые были предложены количественные критерии для выделения конфессиональных контактных зон и определения степени их выраженности. Для этого был использован аналог индекса этнической мозаичности (ИЭМ), или индекса Эккеля [212; 213], названный индексом религиозной мозаичности (ИРМ). На основе ИРМ были предложены критерии для определения степени выраженности конфессиональных контактных зон: 1)

не ярко выраженные (ИРМ от 0,2 до 0,4); 2) ярко выраженные (ИРМ свыше 0,4) [122, с. 38]. Позже разработчиками концепции была введена дополнительная категория – наиболее ярко выраженные ККЗ (ИРМ свыше 0,6) [127; 136].

С.А. Горохов в 2014 г. [46] ввел нормированный вариант индекса Эккеля, названный им МИМ (модифицированный индекс мозаичности). Градация МИМ отличается от обозначенной выше шкалы ИРМ, т.к. величина первого укладывается в интервал от 0 до 1, а второго не может достигать данного значения. По величине МИМ С.А. Горохов [41, с 106] предлагает выделять следующие категории территорий по степени конфессиональной мозаичности: 1) крайне гомогенные (МИМ до 0,280); 2) относительно гомогенные (МИМ от 0,281 до 0,556); 3) относительно гетерогенные (МИМ от 0,557 до 0,820); 4) крайне гетерогенные (МИМ от 0,821 до 1,000).

Такую же шкалу значений МИМ (точнее, модифицированного индекса религиозной мозаичности, или ИРМ_М) можно использовать и для определения степени выраженности конфессиональных контактных зон, обозначив первую категорию как моноконфессиональные территории, вторую – как не ярко выраженные ККЗ, третью – как ярко выраженные ККЗ, и четвертую – как наиболее ярко выраженные ККЗ.

Именно такая градация индекса была использована при расчете ИРМ_М по историко-конфессиональным районам Северо-Запада России и Прибалтики за 1897 и 2021 гг. (рис. 53). ИРМ_М за 1897 г. рассчитывался по 4 конфессиональным группам населения, включающих последователей трех основных направлений христианства (православные со старообрядцами, католики и протестанты) и иудеев, а за 2021 г. – по приверженцам трех основных направлений христианства.

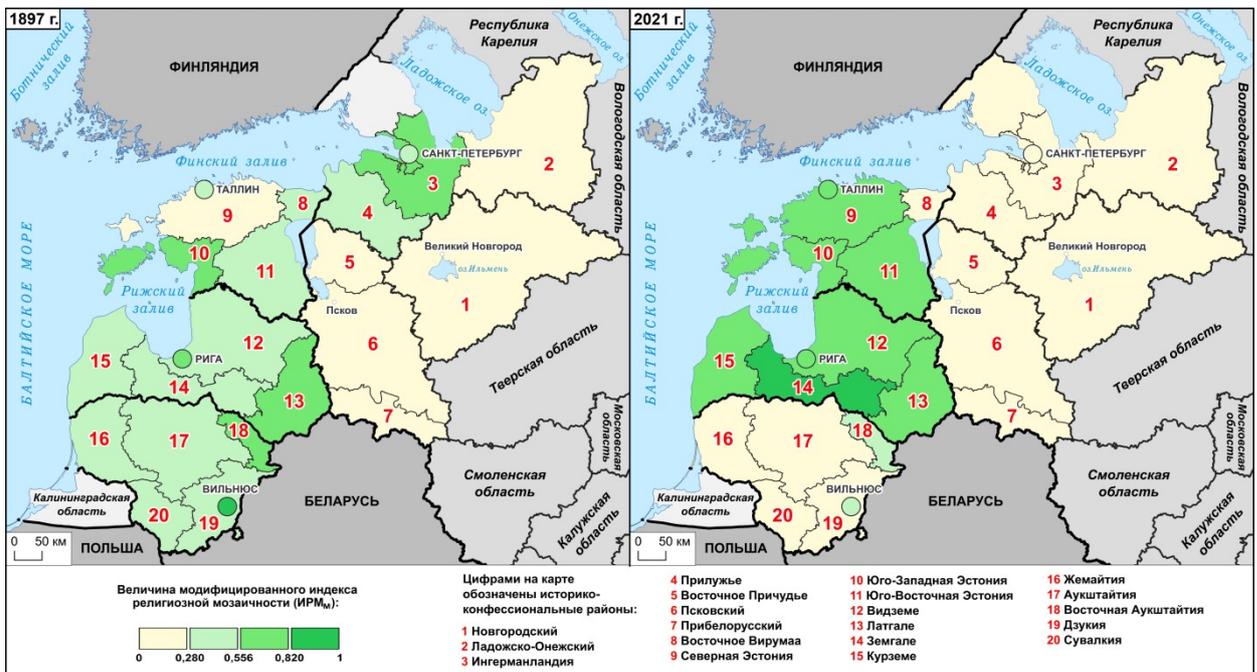

Рисунок 53 – Величина модифицированного индекса религиозной мозаичности в пределах историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики в 1897 и 2021 гг. (рассчитано автором)

По величине ИРМ_М в 1897 г. можно создать достаточно четкое представление о локализации конфессиональных контактных зон на территории Северо-Запада России и Прибалтики в конце XIX в. В категорию наиболее ярко выраженных ККЗ тогда попадал только г. Вильнюс, обладающий крайне гетерогенной конфессиональной структурой населения (иудеи – 41,3 %, католики – 36,9 %, православные и старообрядцы – 19,4 %). Еще пять ККЗ относятся к категории ярко выраженных, причем все они имеют значительное представительство православного населения. Это Ингерманландия (66,7 % православных и 30 % протестантов), Юго-Западная Эстония (65,8 % протестантов и 33,6 % православных), г. Рига (64,9 % протестантов и 17,5 % православных), Латгалия (56,8 % католиков, 22 % православных и старообрядцев, 12,4 % иудеев и 8,7 % протестантов) и Восточная Аукштайтя (73 % католиков, 12,7 % иудеев, 11 % православных и старообрядцев).

Почти всю территорию Прибалтики (кроме Эстляндии) и прибалтийскую часть Северо-Запада России (включая Санкт-Петербург и Прилужье) покрывали не ярко выраженные конфессиональные контактные зоны. Остальные районы Северо-Запада России и Эстляндию тогда можно было отнести к моноконфессиональным территориям, или к частям конфессиональных ядер (православного на Северо-Западе России и протестантского в Эстляндии).

Однако на территории Прибалтики не прослеживалось католическое ядро, т.к. в городском населении Литвы в то время была повышена доля иудеев, что вело к высоким значениям $ИРМ_M$. Данный пример показывает, что, хотя с помощью расчета $ИРМ_M$ можно выделить ККЗ разной степени выраженности, но остается скрытой компонентная структура конфессионального пространства, и это сужает возможности применения $ИРМ_M$ для анализа структуры конфессионального пространства, т.к. возникает необходимость использования для этого дополнительной информации.

В начале XXI в. наибольшие значения $ИРМ_M$, соответствующие ярко выраженным конфессиональным контактным зонам, наблюдались только на территории Эстонии и Латвии. В Литве не ярко выраженные ККЗ были представлены в Вильнюсе (63 % католиков и 8,9 % православных) и Восточной Аукштайтии (60,3 % католиков и 19,3 % православных со старообрядцами). Остальная часть Литвы, уезд Ида-Вирумаа в Эстонии, а также вся Северо-Западная Россия оказались в категории моноконфессиональных территорий. Если Северо-Западная Россия и уезд Ида-Вирумаа являются частью православного ядра, то территория Литвы – частью католического ядра. Однако не прослеживается протестантское ядро, скрытое за ярко выраженными ККЗ на территории Эстонии и Латвии.

Но нужно учесть, что $ИРМ_M$ рассчитывается только для религиозной части населения, и это заметно искажает представление о конфессиональном пространстве в целом, т.к. выпадает очень значимая для многих территорий

категория нерелигиозного населения. Как раз в Эстонии и Латвии достаточно высока доля нерелигиозного населения (соответственно 70 и 30 %), что предопределяет более мозаичную структуру религиозной части населения и ведет к завышенным значениям $ИРМ_M$.

С целью учета в расчетах индекса мозаичности нерелигиозной части населения С.А. Горохов [41] предложил ввести показатель, отображающий общую мозаичность, в котором нерелигиозное население рассматривается в конфессиональной структуре населения наравне с приверженцами разных религий и религиозных направлений. Нами было предложено обозначать такой показатель как модифицированный индекс конфессиональной мозаичности ($ИКМ_M$), что позволяет развести его с $ИРМ_M$ без использования добавления «общий». Результаты расчета $ИКМ_M$ по четырем группам населения (приверженцам трех основных направлений христианства и нерелигиозному населению) по состоянию на начало XXI в. представлены на рисунке 54.

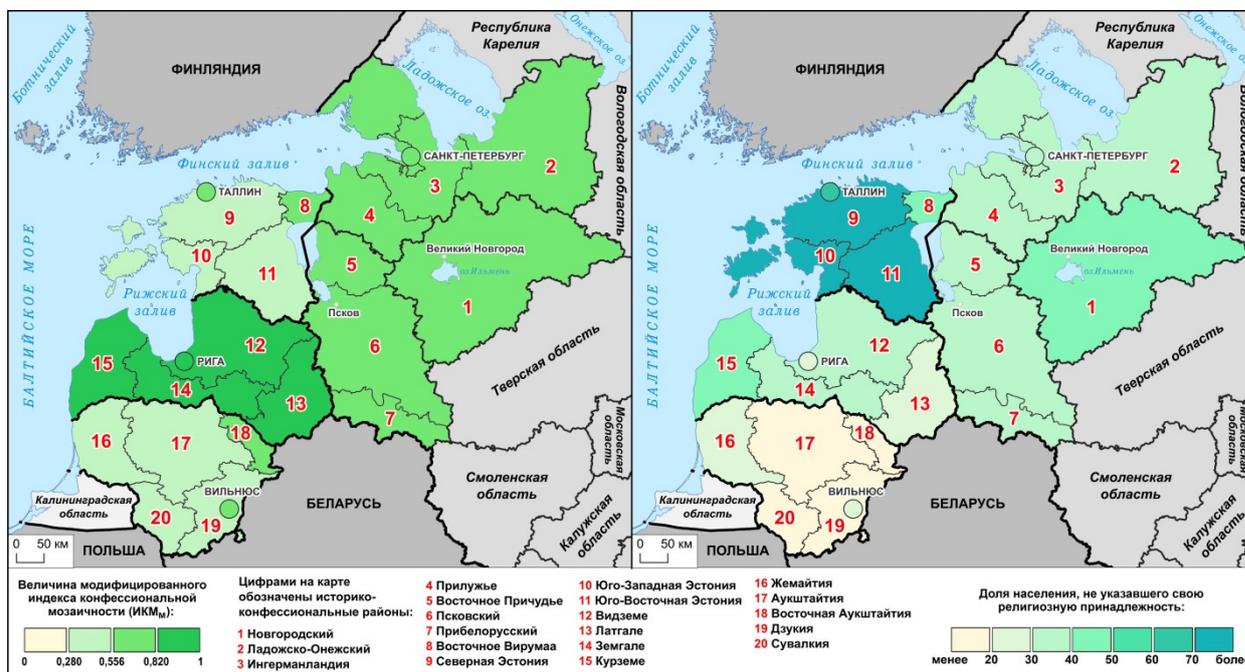

Рисунок 54 – Величина модифицированного индекса конфессиональной мозаичности и доля нерелигиозного населения историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики в 2021 гг. (рассчитано автором)

В соответствии со значениями ИКМ_М вся территория Северо-Запада России и Прибалтики оказалась в категории конфессиональных контактных зон. Если использовать терминологию С.А. Горохова, то можно говорить, что полностью выпала категория крайне гомогенных в конфессиональном плане территорий. Относительно конфессионально гомогенные территории, представленные в Эстонии и Литве, обязаны этим статусом или высокой доле нерелигиозного населения (в Эстонии), или же, наоборот, наиболее низкой доле нерелигиозного населения (в преимущественно католической Литве). Даже в Северо-Западной России высокая доля нерелигиозного населения (см. рис. 54) привела к попаданию ее в категорию относительно гетерогенных в конфессиональном плане территорий. Но лидером по величине ИКМ_М стала Латвия, где, вместе со значительной долей нерелигиозного населения, является высоким удельный вес последователей всех трех основных направлений христианства.

Таким образом, ИКМ_М не выступает в качестве показателя, который может служить для выделения конфессиональных контактных зон и оценки степени их выраженности. Но данный показатель можно скорректировать, чтобы смягчить влияние на него выделения нерелигиозного населения в качестве отдельной категории, т.к. обычно в эту группу населения попадают представители той же этнической группы, что и последователи традиционной конфессии на конкретной территории. Опыт такой корректировки ИКМ_М был получен в проведенном нами исследовании [194] по выделению конфессиональных контактных зон на территории России в соответствии с итогами опроса населения, проведенного в 2012 г. Фондом «Общественное мнение» по заказу Некоммерческой исследовательской службы «Среда» [11].

Для корректировки ИКМ_М использовался показатель, названный нами коэффициентом религиозной контрастности (КРК). Он рассчитывается по аналогии с коэффициентом этнической контрастности, или коэффициентом Сороко, апробированном Н.К. Терениной при изучении этноконтактных зон

на территории республик Урало-Поволжья [190]. Этот коэффициент был впервые рассчитан Е.Л. Сороко [184; 255] на основании частоты создания этнически смешанных семей между представителями разных народов, проживающих в России (по итогам переписи 2010 г.).

Сам Е.Л. Сороко называл введенный им коэффициент «межэтническими расстояниями» [184, с. 113]. Величина этого коэффициента, равная единице, свидетельствует об отсутствии предпочтений при создании этнически смешанных семей. Величина показателя менее единицы означает наличие предпочтений, а более единицы – наличие определенных препятствий в отношении межэтнических браков. При этом коэффициент не имеет верхних ограничений.

Хотя Е.Л. Сороко рассчитал коэффициент для небольшого количества пар народов России, но даже по ним можно создать представление не только об этнической, но и о религиозной контрастности. Так, в работе [194] для корректировки ИКМ_М по регионам России в паре «православное – нерелигиозное население» использовался коэффициент Сороко, равный 0,3. Причина выбора этого значения показателя следующая. Именно такой коэффициент был рассчитан Е.Л. Сороко для пары «башкиры – татары» [184, с. 114], т.е. народов, родственных по языку и придерживающихся одной религии. Причем, как показали результаты исследований [36; 37], проживающее на северо-западе Башкортостана смешанное башкиро-татарское население неоднократно меняло свою этническую самоидентификацию в зависимости от установок местных властей и других факторов, что свидетельствует о максимально близкой этнокультурной идентичности этих двух народов.

Для корректировки ИКМ_М на территории Северо-Запада России и Прибалтики был принят коэффициент религиозной контрастности (КРК), равный 0,3, но только для пар групп населения, включающих, с одной стороны, нерелигиозное население и, с другой стороны, приверженцев традиционных для стран направлений христианства (православные в России,

протестанты в Эстонии и Латвии, католики в Литве). Для остальных пар конфессиональных групп был принят КРК, равный единице.

Результаты корректировки современных значений $ИРК_M$ (с учетом $КРК=0,3$ в паре «нерелигиозное население – приверженцы традиционных направлений христианства») на уровне историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики представлены на рисунке 55. Причем при картографировании показателя используется прием, позволяющий не только отобразить величину $ИРК_M$ (и $ИРМ_M$ за 1897 г.), но и показать, какая из конфессиональных групп обладает относительным большинством в населении историко-конфессиональных районов.

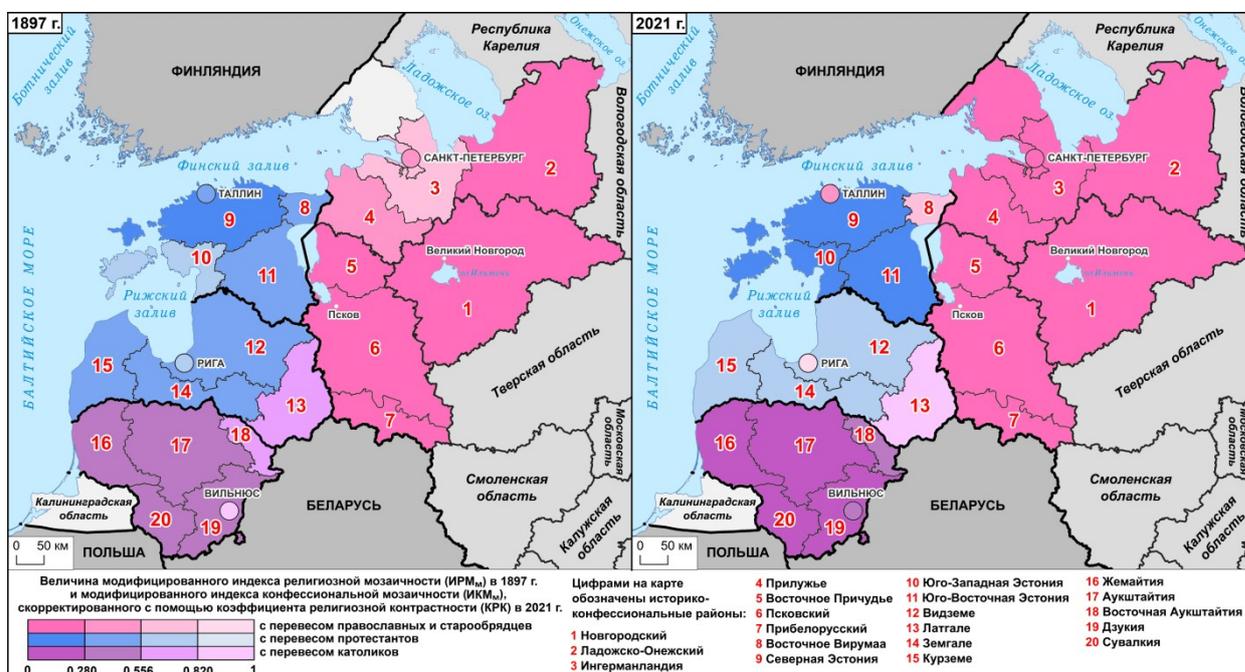

Рисунок 55 – Величина модифицированного индекса религиозной мозаичности в 1897 г. и модифицированного индекса конфессиональной мозаичности, скорректированного с помощью коэффициента религиозной контрастности, в 2021 г. в пределах историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики (рассчитано автором)

Благодаря примененной методике появилась возможность определить общие черты динамики конфессиональных контактных зон за период с конца XIX в. по настоящее время. Так, произошло расширение православного ядра,

которое за прошедшее время стало охватывать весь Северо-Запад России, включая его прибалтийские территории, которые более века назад выступали в качестве ярко выраженной ККЗ (Ингерманландия) и не ярко выраженной ККЗ (Санкт-Петербург и Прилужье). Периферия православного ядра сместилась на территорию Прибалтики, создав там «островные» ККЗ в Эстонии (Ида-Вирумаа и г. Таллин) и более размытые ККЗ в Латвии, т.к. в последней так и не обозначились территории с перевесом приверженцев православия.

С другой стороны, на юго-западе Эстонии растворилась ККЗ, которая в конце XIX в. была ярко выраженной благодаря повышенной доле православного населения. По аналогичной причине растворилась не ярко выраженная ККЗ на юго-востоке Эстонии. Поэтому можно говорить об усилении позиций протестантского ядра в Эстонии, правда, если не принимать во внимание значительный рост в ней доли нерелигиозного населения. При этом Латвия характеризовалась явным нарастанием конфессиональной контактности, причем ее территория фактически стала зоной контакта между всеми тремя конфессиональными ядрами, представленными в регионе исследования.

Так, если большая часть территории Эстонии утратила статус ККЗ, то в Латвии, наоборот, ККЗ повысили степень выраженности. Это произошло не только по причине выросшей доли православного населения, но и благодаря росту доли католиков, главным образом, из-за миграций латгальцев-католиков с территории Латгалии в другие регионы страны. В итоге территория Латвии оказалась более втянутой, чем ранее, в орбиту влияния католического ядра. При этом Латгальская ККЗ сама стала более ярко выраженной из-за растущей конкуренции со стороны приверженцев православия и старообрядчества. В то же время в Литве произошло усиление позиций католического ядра, главным образом, по причине выезда евреев-иудеев.

Таким образом, предложенная в работе методика позволила выделить основные составляющие территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики – конфессиональные ядра и контактные зоны. Для этого использовались такие показатели, как модифицированный индекс религиозной мозаичности (ИРМ_М) и модифицированный индекс конфессиональной мозаичности (ИКМ_М). Если первый показатель служит для оценки степени сложности структуры религиозной части населения, то второй рассчитывается с учетом выделенной отдельно группы населения, не обозначившего свою религиозную принадлежность.

Для возможности сопоставления показателей ИКМ_М и ИРМ_М за разные годы был введен поправочный коэффициент, названный коэффициентом религиозной контрастности. Благодаря этому удалось не только определить территории трех конфессиональных ядер (православного, протестантского и католического) в регионе исследования и контактных зон между ними в конце XIX в. и в настоящее время, но и определить степень выраженности последних. Традиционно в качестве ярко выраженных конфессиональных контактных зон выступают столицы стран Прибалтики и территория Латгалии. К настоящему времени растворились православно-лютеранские контактные зоны в Санкт-Петербурге и его окрестностях, а также в Юго-Западной Эстонии, но в XX в. обозначилась новая контактная зона с перевесом православного населения в эстонском уезде Ида-Вирумаа.

4.3 Трансформация компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX по начало XXI вв.

Термин «трансформация» (от лат. *transformatio* – преобразование, превращение) принято использовать в случае наличия значительных изменений в изучаемых явлениях, в данном случае, в компонентной и территориальной структуре конфессионального пространства. В первую очередь, отметим, какую трансформацию претерпела компонентная структура конфессионального пространства региона исследования с конца XIX в. по настоящее время. Так, в пределах Северо-Запада России и Прибалтики с 1897 по 2021 гг. численность населения выросла примерно с 10 до 12,9 млн чел. За это время произошли следующие изменения в конфессиональной структуре населения региона исследования (рис. 56).

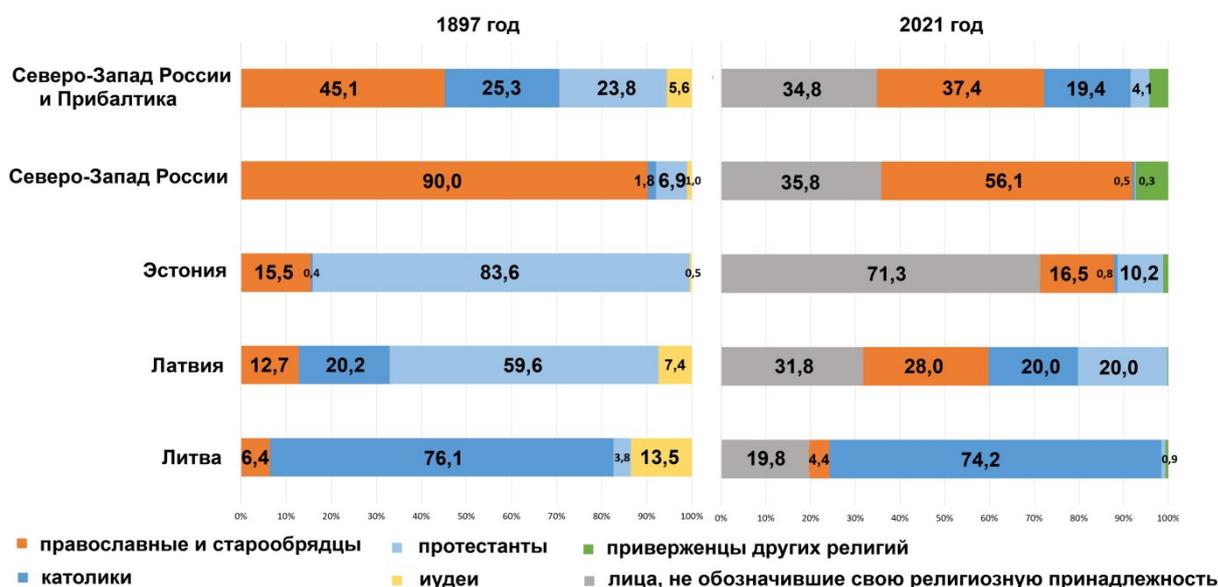

Рисунок 56 – Конфессиональный состав населения Северо-Запада России и Прибалтики в 1897 и 2021 гг., % от всего населения (составлено автором)

Так, следствием политической и социальной секуляризации, происходящей в течение всего XX в. и начала XXI в., стало появление достаточно многочисленной группы населения, не ассоциирующего себя ни с

одной из религий. В начале третьего десятилетия XXI в. эта категория охватывала свыше трети населения (точнее, около 35 %). В итоге произошло уменьшение доли приверженцев трех основных направлений христианства – в сумме с 94,2 до 60,9 %, в т.ч. православия (со старообрядчеством) – с 45,1 до 37,4 %, католицизма – с 25,3 до 19,4 %, протестантизма – с 23,8 до 4,1 %. Особо нужно отметить произошедшее за это время почти полное выпадение из компонентной структуры конфессионального пространства региона приверженцев иудаизма, доля последних уменьшилась с 5,6 до 0,09 %.

Лидерство по доле населения, не обозначающего своей религиозной принадлежности, в настоящее время держит Эстония (свыше 71 %), вторую и третью позиции занимают, соответственно, Северо-Запад России и Латвия (около 36 % и 32 %), четвертую – Литва (около 20 %). В связи с этим сразу можно отметить, что религиозность в XX в. и начале XXI в. снижалась наиболее высокими темпами среди потенциально протестантского населения Эстонии и Латвии, заметно менее высокими темпами – среди потенциально православного населения России, и низкими темпами – в преимущественно католической Литве.

Доля *православного* (со старообрядцами) населения с 1897 г. по настоящее время в целом по региону исследования уменьшилась с 45 до 37 %, однако произошло это в основном за счет роста доли нерелигиозного населения на Северо-Западе России. В то же время укрепились позиции православия в Эстонии и Латвии, как по причине значительного миграционного притока на их территорию в советский период православных народов из России, Белоруссии и Украины, а также более высокого уровня религиозности местного русскоязычного населения на фоне коренных народов – эстонцев и латышей.

На Северо-Западе России доля верующего православного населения (со старообрядцами) уменьшилась с конца XIX в. по наше время с 90 до 56 %, на территории Литвы – с 6,4 до 4,4 %. Однако на территории Латвии за

это время доля православного и старообрядческого населения выросла с 12,7 до 28 %, а на территории Эстонии – с 15,5 до 16,5 %.

Таким образом, за более чем вековой период в регионе исследования произошли значительные изменения не только в компонентной структуре конфессионального пространства, но и в его территориальной структуре. В частности, несмотря на уменьшение доли православных и старообрядцев в конфессиональной структуре населения региона исследования (в основном за счет Северо-Запада России), произошло расширение *православного геопространства* в Прибалтике (рис. 57). Наиболее значительно повысилась доля православного и старообрядческого населения в Ида-Вирумаа (Эстония) и столице Латвии (более чем на 20 %), также значительный рост наблюдался во всех регионах Латвии (от 10 до 20 %), менее значительный (до 10 %) – в двух регионах Литвы (Жемайтии и Восточной Аукштайтии), Северной Эстонии и г. Таллине.

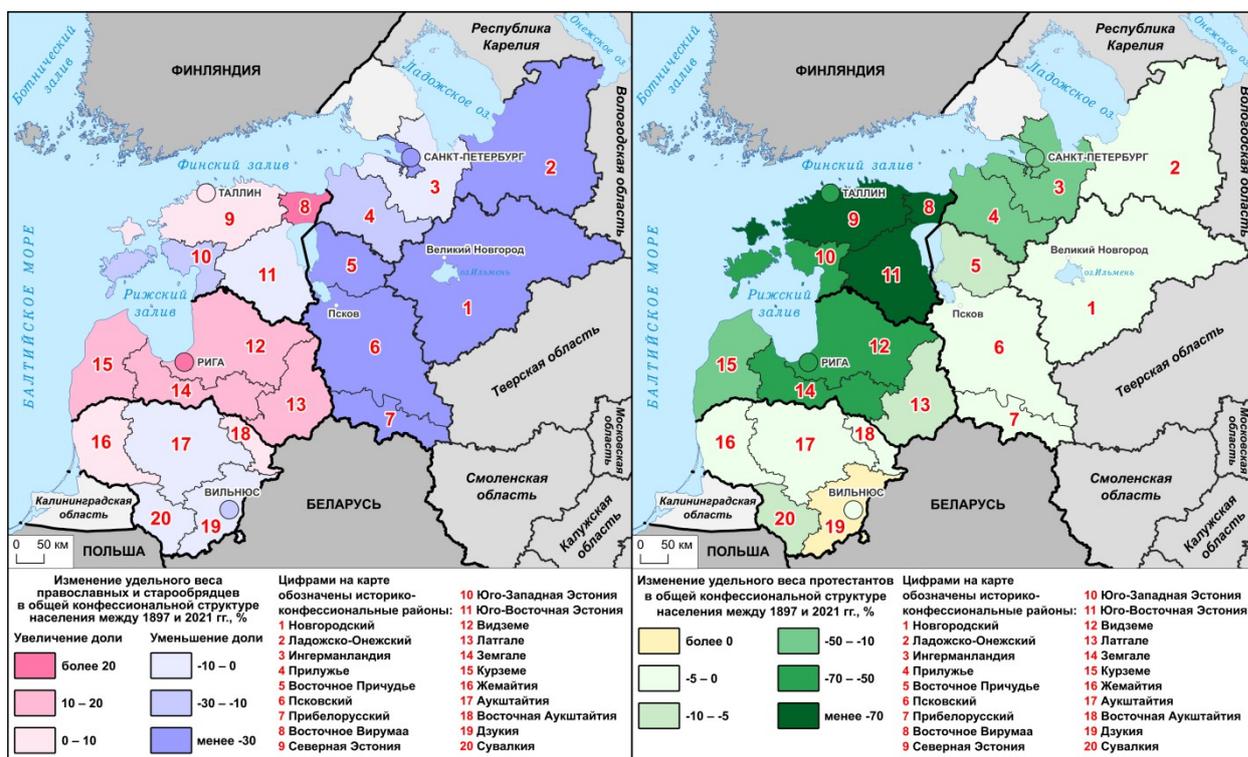

Рисунок 57 – Изменение доли православных (со старообрядцами) и протестантов в населении историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики с 1897 по 2021 гг. (составлено автором)

Доля православных с конца XIX в. по настоящее время по причине роста удельного веса нерелигиозного населения уменьшилась во всех историко-конфессиональных районах Северо-Запада России, хотя и в разной степени (в меньшей мере – в Ингерманландии, где в конце XIX в. была высока доля финнов-лютеран). Вместе с тем, православное геопространство утратило свои позиции в южной части Эстонии, особенно на ее юго-западе, где ранее была высокой доля эстонцев, принявших православие еще в XIX в. Также уменьшилась доля православных в большинстве регионов Литвы и ее столице, главным образом, по причине сокращения на этих территориях русского и белорусского населения.

Удельный вес *протестантов* в населении всего региона исследования с 1897 г. по настоящее время уменьшилась с 24 до 4 %, при этом наибольшее падение этой доли произошло на территории Эстонии (с 84 до 10 %) и Латвии (с 60 до 20 %), т.е. в странах, где в качестве традиционной религии населения выступает лютеранское направление христианства. Также заметно уменьшилась доля протестантов на Северо-Западе России (с 7 до 0,3 %, главным образом, по причине депортации финнов-ингерманландцев и возвращения на родину эстонцев и латышей в первой половине XX в.) и на территории Литвы (с 4 до 1 %).

Протестантское геопространство за более чем вековой период испытало значительное территориальное сужение в регионе исследования, почти полностью утратив свои позиции на Северо-Западе России и в Литве. Но и в Эстонии и Латвии, выполняющих роль протестантских ядер в территориальной структуре конфессионального пространства, произошло многократное сокращение доли протестантов почти на всей их территории, кроме Латгалии (см. рис. 57), где удельный вес протестантов уменьшился всего на 5 % по причине изначально невысокой их доли в этом поликонфессиональном регионе.

Хотя доля *католиков* в пределах региона исследования с конца XIX в. по настоящее время уменьшилась с 25 до 19 %, католическое

геопространство утратило свои позиции только на Северо-Западе России (рис. 58). При этом в Прибалтике доля католиков сократилась незначительно, и то за счет Литвы (с 76 до 74 %), а в Эстонии и Латвии их удельный вес почти не изменился, составляя в начале и конце рассматриваемого периода менее 1 % и 20 % соответственно.

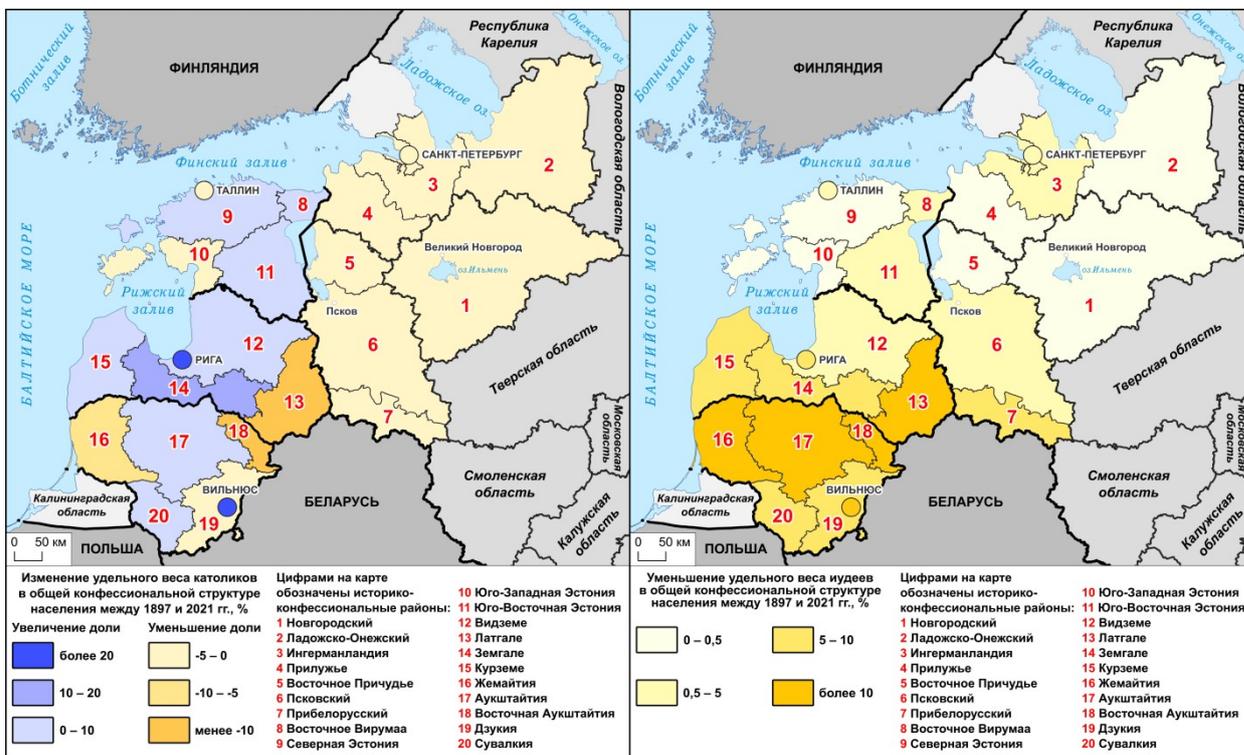

Рисунок 58 – Изменение доли католиков и иудеев в населении историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики с 1897 по 2021 гг. (составлено автором)

В целом же можно говорить не только об устойчивости, но и даже о территориальном расширении *католического геопространства* в Прибалтике за прошедший период. Доля католиков выросла в большинстве историко-конфессиональных районов Эстонии (кроме ее юго-запада и г. Таллина) и Латвии (кроме Латгалии). Наиболее значительный рост удельного веса католиков произошел в столицах Литвы и Латвии. Однако на западе и востоке Литвы (особенно в Жемайтии и Восточной Аукштайтии) доля католиков несколько уменьшилась, что связано с усилившейся в этих

регионах конкуренцией с православием (по причине притока сюда в XX в. русскоязычного населения).

Также нужно отметить усиление позиций католичества в городах Литвы (в т.ч. в ее столице), что имеет прямое отношение к фактически полному выпадению из компонентной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики приверженцев *иудаизма*. В конце XIX в. доля иудеев была наиболее высока на территории Литвы (13,5 %), которая полностью попадала в пределы черты оседлости еврейского населения, и Латвии (7,4 %), где в «черту» входила Латгалия, будучи частью Витебской губернии (см. рис. 58). Также в Витебскую губернию входила южная часть современной Псковской области (Прибелорусский историко-конфессиональный район), благодаря чему и на Северо-Западе России также было заметное представительство приверженцев иудаизма (1 %). Именно черта оседлости еврейского населения в то время определяла внешние границы *иудейского геопространства*.

Однако, до революции немногочисленное еврейское (иудейское) население проживало и за пределами черты оседлости, в основном в крупных городах, в т.ч. в Санкт-Петербурге, Таллине и Риге. Но в последующем, в течение XX и начала XXI вв. произошло не только «растворение» черты оседлости еврейского населения, но и фактически полностью выезд евреев из региона исследования. Так, в настоящее время доля евреев на территории Литвы (0,03 %), ранее входившей в «черту», составляет даже меньше, чем в Эстонии и Латвии (0,17 и 0,22 % соответственно). Таким образом, к настоящему времени регион исследования фактически выпал из территорий, которые можно отнести к *иудейскому геопространству*.

На рисунке 59 представлена типология историко-конфессиональных районов Северо-Запада России и Прибалтики по особенностям динамики конфессионального пространства в период с конца XIX в. по настоящее время.

Рисунок 59 – Динамика территориальной структуры конфессионального пространства (на уровне историко-конфессиональных районов) Северо-Запада России и Прибалтики с 1897 по 2021 гг. (составлено автором)

Большая часть районов пережила *гетерогенизацию общей конфессиональной структуры* населения по причине роста удельного веса нерелигиозного населения. В данной группе районов выделяются две основные подгруппы. Районы *первой подгруппы* характеризуются *гомогенизацией* структуры религиозной части населения, в т.ч. в пользу православия (весь Северо-Запад России, г. Таллин и Ида-Вирумаа в Эстонии, Латгалия в Латвии), католицизма (г. Вильнюс и Дзукия в Литве), также католицизма, но при росте доли православных (Жемайтя и Восточная Аукштайтя в Литве). Районы *второй подгруппы* характеризуются *гетерогенизацией* структуры религиозной части населения, в т.ч. при росте доли католиков (Юго-Восточная Эстония), православных (г. Таллин), православных и католиков (Северная Эстония, г. Рига, Видземе, Курземе и Земгале в Латвии).

Лишь три историко-конфессиональных района в регионе исследования характеризовались *гомогенизацией* как общей конфессиональной структуры

населения, так и ее религиозной части. Гомогенизацией в пользу *католиков* при росте доли нерелигиозного населения отличались Аукштайтис и Сувалкия в Литве. И, наконец, Юго-Западная Эстония характеризовалась одновременной гомогенизацией общей конфессиональной структуры в пользу *нерелигиозного населения*, а в его религиозной части – в пользу *протестантов*.

Таким образом, главным фактором трансформации компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX в. по настоящее время стало сокращение (примерно до двух третей) доли религиозного населения, что сказалось и на уменьшении удельного веса последователей каждого из трех основных направлений христианства. Тем не менее, в качестве первого значительного изменения следует назвать почти полное выпадение из конфессиональной структуры населения приверженцев иудаизма (с уменьшением доли с 5,6 до 0,1 %) вследствие миграционного оттока из региона евреев. Во-вторых, произошло катастрофическое падение доли протестантов (с 24 до 4 %). В-третьих, заметно уменьшилась доля православных и старообрядцев (с 45 до 37 %), а также католиков (с 25 до 19 %).

Основными чертами динамики территориальной структуры конфессионального пространства стали следующие. Во-первых, это сужение протестантского геопространства, почти полностью оставившего Северо-Запад России и в Литву. Во-вторых, это растекание православного геопространства, несколько ослабившего свои позиции в ядре (Северо-Западе России), но при этом усилившего, благодаря миграциям русскоязычного населения, в Эстонии (особенно в Ида-Вирумаа и г. Таллине) и Латвии. В-третьих, это устойчивость католического геопространства, которое не только сохранило свои позиции в ядре (в Литве), но и усилило в Латвии и Эстонии.

Заключение

Результатом исследования стали следующие двенадцать выводов.

1. Конфессиональное пространство в исследовании рассматривается как часть геокультурного пространства, состоящее из взаимодействующих конфессиональных (религиозных) систем, включающих конфессиональные общности людей разного порядка и уровня с соответствующими атрибутами их деятельности. Элементами компонентной структуры конфессионального пространства являются отдельные религии, религиозные направления и течения, религиозные деноминации и общины. В качестве основных элементов территориальной структуры конфессионального пространства выступают конфессиональные ядра (или моноконфессиональные территории) и конфессиональные контактные зоны разной степени выраженности.

2. На территории Северо-Запада России и Прибалтики по итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. можно выделить три крупных конфессиональных региона с доминированием приверженцев основных направлений христианской религии: 1) православный «русский» Северо-Запад (Санкт-Петербургская, Олонецкая, Новгородская, Псковская губернии и северо-восточная часть Витебской губернии); 2) протестантская северная Прибалтика (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии); 3) католическая южная Прибалтика (Ковенская, Сувалкская, Виленская губернии и западная часть Витебской губернии) со значительным присутствием приверженцев иудаизма (в городских поселениях).

Ярко выраженная конфессиональная контактная зона характеризует главное место стыка этих трех регионов, а точнее, территорию Латгалии (запад Витебской губернии). Также можно выделить конфессиональные контактные зоны несколько меньшей степени выраженности, сложившиеся на стыке протестантского и православного регионов (северные части

Лифляндской и Санкт-Петербургской губерний), католического и православного регионов (восточная часть Виленской губернии).

3. Наличие лишь небольших сдвигов в конфессиональном пространстве в современных границах Эстонии в конце XIX в. позволяет говорить об относительной устойчивости его территориальной структуры, и о преимущественно гомогенной его компонентной структуре, за исключением относительно гетерогенных территорий на юго-западе Эстонии (о. Сааремаа и района г. Пярну, или в то время Эзельского и Перновского уездов Лифляндской губернии), по сути представляющих собой ярко выраженные контактные зоны между лютеранами и православными (хотя этнически и те, и другие были эстонцами).

4. На протяжении всего периода с XIX в. по 1940-е гг. в границах современной Латвии наблюдалась крайне неоднородная компонентная и территориальная структура конфессионального пространства, что было связано с вхождением ее исторических регионов до XVIII в. в разные государственные образования с доминированием лютеранства (Видземе, Курземе и Земгале) и католичества (Латгале). Кроме того, в Латгале проживали достаточно многочисленные группы старообрядцев, мигрировавших в нее в XVII в., в ней же была повышенной доля иудеев, что являлось наследием существовавшей до революции «черты оседлости» еврейского населения. Доля иудеев также была высока в городских поселениях Курземе и Земгале (в прошлом – территории Курляндского герцогства). Конфессиональной спецификой Видземе являлось принятие во второй половине XIX в. частью местного латышского населения православной религии («царской веры»).

В динамике территориальной структуры конфессионального пространства Латвии в период с XIX в. по 40-е гг. XX в. отмечались следующие черты. Во-первых, конфессиональная гомогенизация Латгале, происходившая в пользу католиков и православных, в 1930-е гг. переросла в гетерогенизацию, связанную с ростом доли лютеран (вследствие

проводившейся в этот период политики этнической и конфессиональной «коренизации» национальных меньшинств). Во-вторых, преобладала конфессиональная гетерогенизация остальной территории Латвии (в основном вследствие роста доли католиков и православных). Исключение составили первые два десятилетия XX в., характеризовавшиеся временной гомогенизацией почти всех регионов Латвии (кроме Латгале) в пользу протестантов, а также 1930-е гг., когда увеличение доли лютеран произошло не только в Латгале, но и на западе Курземе, что было связано с оттоком оттуда русского населения.

5. Конфессиональное пространство Литвы в XIX и начале XX вв., хотя и было относительно гомогенным по причине доминирования фактически на всей ее территории католической религии, все же имела специфическую черту. Городские поселения представляли конфессионально гетерогенные «островки» (с перевесом населения, исповедующего иудаизм) на фоне относительно гомогенной в религиозном плане сельской местности (с явным преобладанием католиков). Другие конфессиональные меньшинства были рассосредоточены по территории Литвы, причем в ее западной части была повышена доля протестантов, а в восточной части – православных и старообрядцев.

В дореволюционный период на территории Литвы на фоне роста удельного веса иудеев и православных снижалась доля католиков, что вело к нарастанию гетерогенности компонентной структуры ее конфессионального пространства. Однако в начальный период независимости Литвы отмечалось резкое увеличение удельного веса католиков при падении доли других конфессиональных групп, что означало переход к фазе гомогенизации компонентной структуры конфессионального пространства.

6. В конфессиональном пространстве Северо-Запада России в конце XX – начале XXI вв. произошли значительные изменения, связанные с десекуляризацией, наступившей после длительного периода политической секуляризации, охватившего большую часть советского времени.

Десекуляризация выражалась, в первую очередь, в росте религиозности населения, увеличении числа приходов Русской православной церкви и легализации целого ряда других религиозных организаций (особенно протестантских), активизации религиозной жизни, возрождении монастырей и т.д.

Благодаря итогам социологического опроса населения регионов России, проведенного в 2012 г. в рамках проекта «Арена» Фондом «Общественное мнение» по заказу Некоммерческой исследовательской службы «Среда», можно проследить различия в территориальной структуре конфессионального пространства Северо-Запада России на уровне субъектов Российской Федерации. Согласно результатам данного опроса, наиболее религиозным в настоящее время является население Ленинградской области (64 %), которой по религиозности жителей уступают Санкт-Петербург и Псковская область (около 60 %), и более значительно – Новгородская область (свыше 46 %). При этом во всех четырех регионах доля верующего православного населения превышает 50 %, а в Ленинградской области даже достигает 61 %.

7. Эстония в настоящее время является одной из наиболее секуляризованных стран мира. Свыше 70 % ее населения не соотносят себя ни с одной из религий. Двумя основными группами в религиозной части населения являются лютеране (11 %) и православные (16,5 %). В первом десятилетии XXI в. лидерство по численности и доле приверженцев от традиционного для Эстонии лютеранства перешло к сторонникам православной церкви. Произошло это по причине роста религиозности потенциально православного (в основном русскоязычного) населения. Скорее всего, религия в Эстонии для этой категории населения стала важнейшим маркером общекультурной идентификации, дополняющей языковую и этническую идентичность. В то же время снижалась религиозность потенциально протестантского (главным образом, эстонского) населения.

В территориальной структуре конфессионального пространства Эстонии в первых двух десятилетиях XXI в. наиболее усилились позиции православия на севере, и особенно на северо-востоке страны (в преимущественно русскоязычном уезде Ида-Вирумаа). Доля протестантов снижалась фактически на всей территории Эстонии. Также почти везде падал уровень религиозности населения, за исключением уезда Ида-Вирумаа, а также городов Таллина и Хаапсалу благодаря повышенной в них доле православного (русскоязычного) населения.

8. Латвия характеризуется наиболее гетерогенной компонентной структурой конфессионального пространства среди стран Прибалтики. Около трети ее населения не соотносят себя ни с одной из религий, свыше четверти жителей называют себя православными и старообрядцами, адепты протестантского и католического направлений христианства составляют примерно по 20 % населения. В структуре религиозной части населения Латвии, как и Эстонии, в начале XXI в. лидерство от активных последователей протестантизма перешло к приверженцам православия и старообрядчества, что стало следствием прямо противоположной динамики религиозности среди потенциально лютеранского (латышского) и потенциально православного (русского и белорусского) населения. Относительную стабильность сохраняет религиозность среди потенциально католического населения (в основном, латгальцев).

Так как в настоящее время в переписях населения Латвии не фиксируется религиозная принадлежность населения, на основе выявленных по итогам предыдущих переписей специфических черт конфессионального пространства страны была оценена современная религиозная структура населения ее исторических регионов и г. Риги. Традиционно наиболее религиозным является регион Латгале, где пока сохраняется лидерство католиков (40 %), которым лишь немного уступают православные и старообрядцы (35 %), и минимальна доля протестантов (менее 4 %). Наименее религиозными являются Видземе и Курземе с 40 % нерелигиозного

населения и перевесом протестантов (свыше 33 %) в религиозной части населения. Регион Земгале по конфессиональной структуре населения занимает позицию, близкую к Курземе и Видземе, а г. Рига в этом плане более схож с Латгале.

9. Литва в настоящее время является самой религиозной из трех стран Прибалтики. Только 20 % ее населения в 2021 г. не обозначили свою религиозную принадлежность. В значительной мере это связано с традиционной религией литовцев – католичеством, предопределяющим больший консерватизм в культуре, чем в Эстонии и Латвии, в прошлом преимущественно лютеранских странах. Также Литва наиболее близка к категории моноконфессиональных стран, 74 % ее населения относит себя к католикам, еще около 5 % – к православным и старообрядцам. Однако в двух первых десятилетиях XXI в. отмечался рост гетерогенности компонентной структуры конфессионального пространства Литвы по причине увеличения доли нерелигиозного населения (с 15 до 20 %), и уменьшения доли католиков (с 79 до 74 %) и православных со старообрядцами (с 4,8 до 4,4 %).

Территориальная структура конфессионального пространства Литвы в начале XXI в. не претерпевала значительных изменений. Тем не менее, нужно отметить конфессиональную гетерогенизацию большинства муниципальных образований страны вследствие увеличения удельного веса нерелигиозного населения, а также небольшого роста доли православных и старообрядцев – в первом десятилетии XXI в., и протестантов – во втором десятилетии. Лишь единичные муниципалитеты испытывали конфессиональную гомогенизацию в пользу приверженцев католицизма, а также православной религии (в самоуправлении Висагинас, бывшем Снечкусе, расположенном на северо-востоке страны).

10. В исследовании осуществлено историко-конфессиональное районирование, целью которого является выделение территориальных ячеек, служащих для оценки трансформации территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с

конца XIX в. по настоящее время. Каждый из выделенных районов обладает спецификой конфессионального состава населения или в начале интервала исследования (1897 г.), или в настоящее время. В качестве одного из основных признаков районирования выступают политические и административные границы, как современные, так и бывшие, существовавшие в разные временные интервалы с конца XIX в., особенно наиболее устойчивые.

Всего на территории региона исследования выделено 20 историко-конфессиональных районов, а также отдельно 3 современные столицы стран Прибалтики и Санкт-Петербург. Территория Северо-Западной России разделена на 7 районов, один из которых соответствует Новгородской области, три расположено в Ленинградской области (Ладожско-Онежский, Прилужье и Ингерманландия) и три – в Псковской области (Восточное Причудье, Псковский и Прибелорусский). В Эстонии выделено 4 района, два из которых соответствуют бывшей территории Эстляндской губернии (Ида-Вирумаа и Северная Эстония) и еще два – северной части бывшей Лифляндской губернии (Юго-Западная и Юго-Восточная Эстония). Историко-конфессиональные районы на территории Латвии соответствуют ее 4 историко-культурным областям (Видземе, Латгале, Земгале и Курземе). В Литве выделено 5 районов с максимальной привязкой к границам историко-культурных (этнографических) регионов страны (Жемайтия, Аукштайтя, Восточная Аукштайтя, Дзукия и Сувалкия).

11. Предложенная в работе методика позволила выделить основные составляющие территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики – конфессиональные ядра и контактные зоны. Для этого использовались такие показатели, как модифицированный индекс религиозной мозаичности (ИРМ_М) и модифицированный индекс конфессиональной мозаичности (ИКМ_М). Если первый показатель служит для оценки степени сложности структуры религиозной части населения, то

второй рассчитывается с учетом выделенной отдельно группы населения, не обозначившего свою религиозную принадлежность.

Для возможности сопоставления показателей ИКМ_М и ИРМ_М за разные годы был введен поправочный коэффициент, названный коэффициентом религиозной контрастности. Благодаря этому удалось не только определить территории трех конфессиональных ядер (православного, протестантского и католического) в регионе исследования и контактных зон между ними в конце XIX в. и в настоящее время, но и определить степень выраженности последних. Традиционно в качестве ярко выраженных конфессиональных контактных зон выступают столицы стран Прибалтики и территория Латгалии. К настоящему времени растворились православно-лютеранские контактные зоны в Санкт-Петербурге и его окрестностях, а также в Юго-Западной Эстонии, но в XX в. обозначилась новая контактная зона с перевесом православного населения в эстонском уезде Ида-Вирумаа.

12. Главным фактором трансформации компонентной и территориальной структуры конфессионального пространства Северо-Запада России и Прибалтики с конца XIX в. по настоящее время стало сокращение (примерно до двух третей) доли религиозного населения, что сказалось и на уменьшении удельного веса последователей каждого из трех основных направлений христианства. Тем не менее, в качестве первого значительного изменения следует назвать почти полное выпадение из конфессиональной структуры населения приверженцев иудаизма (с уменьшением доли с 5,6 до 0,1 %) вследствие полного растворения черты оседлости евреев как результата их миграционного оттока из региона, а также геноцида евреев на территориях фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны.. Во-вторых, произошло катастрофическое падение доли протестантов (с 24 до 4 %). В-третьих, заметно уменьшилась доля православных и старообрядцев (с 45 до 37 %), а также католиков (с 25 до 19 %).

Основными чертами динамики территориальной структуры конфессионального пространства стали следующие. Во-первых, это сужение

протестантского геопространства, особенно на Северо-Западе России и в Литве. Во-вторых, это растекание православного геопространства, несколько ослабившего свои позиции в ядре (Северо-Западе России), но при этом усилившего, благодаря миграциям русскоязычного населения, в Эстонии (особенно в Ида-Вирумаа и г. Таллине) и Латвии. В-третьих, это устойчивость католического геопространства, которое не только сохранило свои позиции в ядре (в Литве), но и усилило в Латвии и Эстонии.

Литература

1. Абросимова И.В. Формирование и современное состояние этноконфессионального пространства Курганской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Пермь, 2013. 23 с.
2. Агафшин М.М., Горохов С.А. Влияние внешней миграции на формирование конфессиональной структуры населения Швеции // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 2. С. 84–99.
3. Агафшин М.М., Горохов С.А. Трансформация конфессионального пространства Западной Азии // География в школе. 2017. № 1. С. 24–29.
4. Аксенова Л.А., Плыско Я.А. Роль религиозного туризма в современном обществе // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 2. С. 126–129.
5. Алексеев А.И., Савоскул М.С., Сафронов С.Г. Отечественная география населения в постсоветский период: основные направления и тренды их развития // Региональные исследования. 2016. № 2 (52). С. 55–65.
6. Андреева Т.А. Пространственная реконструкция монастырского строительства Русского Православия X–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 1.6.13. Санкт-Петербург, 2023. 26 с.
7. Андреева С.И. Региональное конфессиональное пространство: структура и типология // Глобальный научный потенциал. 2014. № 11 (44). С. 7–12.
8. Андреева С.И. Структура и особенности формирования конфессионального пространства Северного Кавказа: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Ставрополь, 2015. 23 с.
9. Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII – начала XX в. М.; РГГУ, 2006. 194 с.
10. Антонова Е.В., Забунова И.С., Озерова Г.Н., Петрова Т.М. Русское православие: история, география, культура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. 1992. № 4. С. 37–41.

11. Арена (Атлас религий и национальностей России). Некоммерческая исследовательская служба «Среда». URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения: 14.06.2024).
12. Асочакова В.Н. Формирование религиозного ландшафта Хакасии в XVIII–XIX веке: к истории православных храмов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4 (38). С. 75–79.
13. Атаман Л.В. Исследование сакрального пространства региона: методология и принципы // Псковский регионологический журнал. 2015. № 23. С. 107–117.
14. Балабейкина О.А. Изменение конфессионального пространства в период с 1917 по 1941 гг. на примере Санкт-Петербургской епархии РПЦ // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований: мат. V Межд. конф. по исторической географии. СПб., 2015. С. 21–25.
15. Балабейкина О.А. Историко-географические аспекты территориальной организации православной церкви в России // Псковский регионологический журнал. 2014. № 19. С. 64–73.
16. Балабейкина О.А. Конфессиональное зарубежное регионоведение как направление исследований // Регионология. 2020. Т. 28. № 1 (110). С. 111–132.
17. Балабейкина О.А. Санкт-Петербургская епархия в 90-х гг. XX в. // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 2. С. 267–272.
18. Балабейкина О.А. Санкт-Петербургская епархия: историческая география православия: дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. СПб., 2005. 155 с.
19. Балабейкина О.А. Традиционные христианские конфессии Финляндии: территориальный аспект // Известия Русского географического общества. 2014. Т. 146. № 5. С. 56–62.
20. Балабейкина О.А., Гаврилова К.С., Кузнецова Ю.А. Религиозный туризм как составляющая брендинга Архангельской области // Север и рынок:

- формирование экономического порядка. 2021. Т. 24. № 3 (73). С. 118–128.
21. Балабейкина О.А., Гаврилова К.С., Межевич Н.М., Янковская А.А. Роль церкви Дании в борьбе с пандемией COVID-19 и значение этого опыта для Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2023. № 3. С. 73–85.
 22. Балабейкина О.А., Дмитриев А.Л. Конфессиональное регионоведение: направления и подходы в исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 5. С. 45–56.
 23. Балабейкина О.А., Колесникова В.Ю. Современные тенденции трансформации конфессионального пространства стран Северной Европы (на примере христианских деноминаций Норвегии) // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 57–67.
 24. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Евангелическо-лютеранская церковь: история становления доминанты конфессионального пространства Эстонии // Сборник статей кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 100–103.
 25. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Конфессиональное пространство современной Швеции: христианские деноминации // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 3. С. 113–127.
 26. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Лютеранство в Финляндии: историческая география и современность // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 150–161.
 27. Балабейкина О.А., Мартынов В.Л. Основные тенденции трансформации конфессионального пространства современной Польши // Псковский регионологический журнал. 2018. № 3 (35). С. 50–63.
 28. Бейль П. Исторический и критический словарь: в 2 т. М.: Мысль, 1968. Т. 2. С. 434.

29. Борисова М.А., Сараева А.М., Суханов Л.В. О конфессиональной географии Орловщины // Геоэкологические проблемы современности и пути их решения. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2023. С. 141–145.
30. Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник / отв. ред. П.И. Пучков. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 832 с.
31. Булаева В.М., Горина К.В. Конфессиональное пространство как предмет социальной географии // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2011. Вып. 1. С. 147–156.
32. Вампилова Л.Б., Дементьев В.С., Манаков А.Г. Метод временных срезов в исторической географии населения: монография. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. 204 с.
33. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1997. 224 с.
34. Верующие россияне чаще помогают другим // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7344413> (дата обращения: 29.12.2024).
35. ВЦИОМ. Религия и общество: мониторинг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения 29.12.2024).
36. Габдрафиков И.М. Переписи населения в татаро-башкирском пограничье: политизация этностатистики // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 17–23.
37. Габдрафиков И.М., Сафин Ф.Г., Фатхутдинова А.И. Этническая и языковая идентичности: парадигмы и парадоксы результатов переписей населения (на примере Республики Башкортостан) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2013. Т. 1. № 11 (15). С. 198–204.
38. Горина К.В. Географическая специфика формирования конфессионального пространства Забайкальского края: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Улан-Удэ, 2011. 23 с.

39. Горина К.В. Конфессиональное пространство: понятие и его структурные элементы // Система ценностей современного общества. 2012. № 24. С. 8–13.
40. Горохов С.А. География религии в России и за рубежом: история развития и новые вызовы // Вопросы истории естествознания и техники. 2019. Т. 40. № 3. С. 439–467.
41. Горохов С.А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
42. Горохов С.А. География религиозно-общинных конфликтов в Индии: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. М., 1999. 16 с.
43. Горохов С.А. Динамика конфессионального геопространства мира под влиянием религиозной конкуренции: дис. ... докт. геогр. наук: 25.00.24. М., 2017. 394 с.
44. Горохов С.А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 2. С. 21–30.
45. Горохов С.А. Религиозная идентичность как фактор формирования конфессиональных регионов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2012. № 5. С. 49–55.
46. Горохов С.А. Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2014. № 4. С. 56–61.
47. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Латинская Америка: современные тренды конфессионального развития // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 9 (124). С. 67–79.
48. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности демографии религиозных общин Индии в начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 56–63.

49. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Формирование конфессионального пространства Индии: опыт историко-географического анализа // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 79–96.
50. Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Территориальное развитие христианства в Африке в XX – начале XXI века // География и природные ресурсы. 2018. № 1. С. 207–214.
51. Горохов С.А., Христов Т.Т. Религии народов мира. М.: КНОРУС, 2010. 424 с.
52. Государства и религии в Европейском Союзе (опыт государственно-конфессиональных отношений) / Г. Робберс (сост.). М.: Институт Европы РАН, 2009. 719 с.
53. Грищенко В.В. Постсоветский этап в процессе развития Приамурско-Приморского религиозно-географического района // Постулат. 2017. № 5–2 (19). С. 6.
54. Даринский А.В. Русская православная церковь (географические аспекты) // География в школе. 1992. № 6. С. 7–15.
55. Дашковский П.К. Некоторые итоги изучения эволюции религиозного ландшафта Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии // Религиоведение. 2018. № 4. С. 26–36.
56. Дашковский П.К., Бурнаков В.А., Белоус П.В., Овчинников В.А., Дворянчикова Н.С., Зиберт Н.П., Любимова Г.В., Горбатов А.В., Билотас В., Жанбосинова А.С. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 2. XX век. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2015. 194 с.
57. Дашковский П.К., Овчинников В.А., Селезнев А.Г., Серова Е.А., Селезнева И.А., Содномпилова М.М., Любимова Г.В., Хомушку О.М., Цэдэв Н., Хвастунова Ю.А., Романова Е.В., Шершнева Е.А., Жанбасинова А.С. Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 3. Конец XX – начало XXI в. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. 190 с.

58. Дементьев В. С. Трансформация поселенческой и этноконфессиональной структуры населения Псковского региона в XVIII – начале XXI вв.: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. Калининград, 2019. 22 с.
59. Дементьев В.С. История учета населения России до начала XX века // Географический вестник. 2015. № 4 (35). С. 11–17.
60. Дементьев В.С. Особенности расселения и этноконфессионального состава населения Псковской губернии по материалам переписи 1897 года // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2014. № 5. С. 60–69.
61. Дементьев В.С. Подходы к изучению структурных элементов конфессионального пространства Северо-Запада России на рубеже XIX–XX вв. // Псковский регионологический журнал. 2021. № 2 (46). С. 117–131.
62. Дементьев В.С. Подходы к оценке конфессиональной структуры населения в послереволюционный период // Исторический подход в географии и геоэкологии. Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии / отв. ред. Л.Б. Вампилова. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 707–711.
63. Дементьев В.С. Современное состояние конфессионального пространства Северо-Запада России // Историческая география России: концептуальные основы комплексных полимасштабных исследований регионов. Материалы VI Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.А. Субетто, Л.Б. Вампилова, А.А. Соколова. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. С. 280–284.
64. Дементьев В.С. Территориальное устройство Русской православной церкви Псковского региона в XVIII–XXI вв. // Псковский регионологический журнал. 2018. № 3 (35). С. 74–88.

65. Дементьев В.С. Территориальное устройство Русской православной церкви Северо-Запада России в советский и постсоветский периоды // Псковский регионологический журнал. 2019. № 4 (40). С. 68–79.
66. Дементьев В.С. Территориальное устройство Русской православной церкви на Северо-Западе России в средневековый период // Псковский регионологический журнал. 2019. № 1 (37). С. 99–108.
67. Дементьев В.С. Трансформация поселенческой и этноконфессиональной структуры населения Псковского региона в XVIII – начале XXI вв. автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Калининград, 2019. 22 с.
68. Дементьев В.С. Этнический и конфессиональный состав населения Псковской губернии в XIX – начале XX вв. // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2016. № 45. С. 34–44.
69. Дементьев В.С., Кроток Р.Н. Конфессиональная структура населения Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: статистико-географический анализ // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 4. С. 62–80.
70. Дементьев В.С., Кроток Р.Н. Конфессиональные контактные зоны Российской империи в разрезе уездов и округов по итогам переписи 1897 года // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 1. С. 91–106.
71. Дементьев В.С., Кроток Р.Н. Территориальное устройство Русской Православной Церкви в России в постсоветский период // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 3. С. 56–70.
72. Дирин Д.А. Геокультурное пространство: понятие, структура, основные свойства и факторы дифференциации // География и природопользование Сибири. 2015. № 19. С. 45–56.
73. Дирин Д.А. Концепт «геокультурное пространство» в общественной географии // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 146–160.
74. Дирин Д.А. Основные подходы к исследованию культурных ландшафтов в российской культурной географии // Социально-экономическая

- география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2015. № 4. С. 24–37.
75. Дроботушенко Е.В. Трансформация религиозного ландшафта в Забайкалье в постсоветское время: особенности религиозного пространства периферийного, полиэтничного и поликонфессионального региона // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации. Материалы Всероссийского научного семинара / под общ. ред. А.П. Романовой, Д.А. Черничкина. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. С. 26–30.
76. Дружинин А.Г., Суций С.Я. География русской культуры: подходы к исследованию // Известия русского географического общества. 1993. Т. 125. Вып. 6. С. 27–36.
77. Евреи России в черте и за чертой: XIX – начало XX в. // Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв. Сборник документов и материалов / отв. ред. В.Н. Шайдуров, Т.А. Новгородский. СПб., 2022.
78. Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 году // Исторический вестник. 2000. № 5. URL: <http://apologetik.ru/religioznost-naroda-v-1937-godu/>.
79. Захаров И.А. География религий: трансформация конфессионального пространства Африки. М.: Институт Африки РАН, 2020. 148 с.
80. Захаров И.А. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI веков: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. М., 2019. 168 с.
81. Захаров И.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Роль религиозного фактора в формировании конфликтных зон в Африке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. Т. 65. № 4. С. 640–653.
82. Захаров И.А., Дмитриев Р.В. Межобщинные конфликты в условиях трансформации конфессионального геопространства (на примере

- Нигерии) // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2021. № 5. С. 149–160.
83. Захаров И.А., Дмитриев Р.В., Горохов С.А. Трансформация конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 3. С. 359–368.
 84. Интерактивная карта всех религиозных общин России / под ред. Р.А. Силантьева. 2013.
 85. Исаченко Г.А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998. 474 с.
 86. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М.: Наука, 1971. 190 с.
 87. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в.: (По материалам ревизий). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 230 с.
 88. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с.
 89. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 216 с.
 90. Кабузан В.М. Распространение православия и других конфессий в России в XVIII – начале XX в. (1719–1917 гг.). М.: Институт российской истории РАН, 2008. 272 с.
 91. Кабузан В.М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М.: ИРИ РАН, 2009. 151 с.
 92. Казьмина О.Е. Конфессии мира: вероучение, ритуал, организационное устройство, численность последователей и современное распространение. М.: Отражение, 2008. 275 с.
 93. Казьмина О.Е. Религиозные организации современного мира. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2010. 368 с.

94. Казьмина О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России. Этноконфессиональная составляющая проблемы. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2009. 304 с.
95. Казьмина О.Е., Пучков П.И. Религиозные организации современного мира: Учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2010. 368 с.
96. Калуцков В.Н. Культурная география России. Часть 1. Теоретический и специальный разделы. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. 138 с.
97. Кирчанов М.В. Противоречия модернизации и секуляризации в Литве во второй половине 1930-х годов. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 37–42.
98. Ковальчук А.С. Географія релігії в Україні. Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. 308 с.
99. Ковальчук А.С. Географія релігії в Україні: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. Львів, 2000. 20 с.
100. Козлова К.И. Русские западного побережья Чудского озера // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXIII. М., 1954. С. 152–158.
101. Комаров А., Токарева Е. Католическая церковь и формирование национального самосознания в Эстонии в межвоенный период (по документам архивов Ватикана) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32. № 4. С. 136–159.
102. Корнев И.Н., Абросимова И.В. Дифференциация этноконфессионального пространства Курганской области // Региональные исследования. 2013. № 1 (39). С. 100–105.
103. Краткий очерк истории Псковской епархии (1589–2010 гг.) / под общ. ред. Архимандрита Ермогена (Муртазова); Нина Владимировна

- Коломыцева; Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, Псковская Епархия. Псков: Издательство «Гименей», 2010. 224 с.
- 104.Криндач А.Д. География религии как научное направление // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1992. № 3. С. 63–69.
- 105.Криндач А.Д. Конфессиональное пространство современной России // Изв. РАН. Сер. геогр. 1996. № 4. С. 78–87.
- 106.Крипатова Ю.И. Православные приходы Выборгской губернии в составе Великого княжества Финляндского // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2009. № 10. С. 381–393.
- 107.Кроток Р.Н. Динамика конфессионального пространства на территории Эстонии в XIX веке // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 4. С. 84–101.
- 108.Кроток Р.Н. Изменения в конфессиональной структуре населения Латвии в 1925–1935 гг.: картографический анализ // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 4. С. 19–32.
- 109.Кроток Р.Н. Историко-географические подходы к изучению конфессиональных контактных зон // Исторический подход в географии и геоэкологии. Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии / отв. ред. Л.Б. Вампилова. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 720–723.
- 110.Кроток Р.Н. Сдвиги в конфессиональной структуре населения районов и городов Литвы в 2001–2021 гг. // Псковский регионологический журнал. 2025. Т. 21. № 1. С. 93–109.
- 111.Кроток Р.Н. Территориальная структура конфессионального пространства Латвии в конце XIX – начале XX вв. // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 24–39.
- 112.Кроток Р.Н. Территориальные различия в конфессиональной структуре населения Литвы по итогам переписи населения Российской империи

- 1897 года // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 3. С. 66–77.
113. Кроток Р.Н., Теренина Н.К. Динамика контактных зон христианского и нехристианского населения России в XVIII – начале XX вв.: картографический анализ // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 3. С. 34–44.
114. Кучабський О.Г. Релігійна сфера обласного регіону: трансформація і територіальна організація (на матеріалах Львівської області): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. Львів, 2000. 20 с.
115. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Заповедные места в дискурсах сакральной географии // Вестник славянских культур. 2024. № 72. С. 9–24.
116. Лебедев С.В., Лебедева Г.Н. Народное движение в Прибалтике за переход в «царскую веру» // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 60–77.
117. Липатова А.П. Сакральная география Ульяновского Присурья // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5S. С. 154–165.
118. Лисовская Т.В. Изменение конфессиональной структуры общества белорусско-прибалтийского региона в начале XX века // Белорусский исторический обзор. 2022. № 1 (6). С. 57–65.
119. Лобач В.А. Сакральная география Белорусского Подвинья: типология, актуальное состояние и перспективы исследования // Псковский регионологический журнал. 2019. № 2 (38). С. 22–35.
120. Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этногеография и география религий: учеб. пособие. М.: Академия, 2005. 176 с.
121. Лысикова О.В., Лысикова Н.П. Этнокультурный и религиозный туризм как приоритетные виды российского туризма // Сервис plus. 2023. Т. 17. № 4. С. 33–40.

122. Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. 300 с.
123. Манаков А.Г. Метод временных срезов в исторической и конфессиональной географии // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2015. № 6. С. 50–60.
124. Манаков А.Г. Методика историко-географического районирования староосвоенных территорий на микроуровне (на примере Псковской области) // Псковский регионологический журнал. 2014. № 19. С. 83–96.
125. Манаков А.Г. Подходы к историко-географическому районированию Северо-Западной России в физической и культурной географии // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2013. № 3. С. 64–77.
126. Манаков А.Г. Трансформация территориальной структуры конфессионального пространства России в XX – начале XXI в. // Географический вестник. 2019. № 2 (49). С. 13–24.
127. Манаков А.Г. Этнокультурное пространство России: структура и геодинамика с XVIII века. Псков: Псковский государственный университет, 2018. 208 с.
128. Манаков А.Г., Горелов А.А. Метаэтническая динамика регионов России с 1959 по 2021 годы // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 3. С. 33–49.
129. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Динамика конфессионального состава населения Псковского региона во второй половине XIX в. // Религиоведение. 2018. № 1. С. 92–102.
130. Манаков А.Г., Дементьев В.С. Территориальная структура конфессионального пространства юго-восточной части Балтийского региона // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 1. С. 92–108.

131. Манаков А.Г., Коротаева Т.А. Картографирование динамики численности евреев по регионам СССР и постсоветского пространства с 1939 по 2002 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 4. С. 115–130.
132. Манаков А.Г., Коротаева Т.А. Сдвиги в расселении евреев в раннесоветский период: картографический анализ // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 3. С. 31–48.
133. Манаков А.Г., Кулаков И.С. Историческая география Псковщины (население, культура, экономика). М.: ЛА «Варяг», 1994. 316 с.
134. Манаков А.Г., Мартынов В.Л., Дементьев В.С. Историческая география Северо-Запада России: население и пути сообщения: монография. Псков: Псковский государственный университет, 2017. 303 с.
135. Манаков А.Г., Сидорович А.А., Иванов И.А. Сдвиги в структуре этнического пространства Прибалтики с конца XIX века до начала 1920-х годов // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 3–23.
136. Манаков А.Г., Суворков П.Э. Сдвиги в конфессиональном пространстве России в XVIII – начале XX в.: историко-географический анализ // Известия Русского географического общества. 2018. Т. 150. № 2. С. 3–15.
137. Манаков А.Г., Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Оценка современной конфессиональной структуры населения регионов Латвии // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 1. С. 101–113.
138. Манаков А.Г., Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Религиозность и основные конфессии эстонцев: региональные различия в Эстонии // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 3 (58). С. 578–587.
139. Манаков А.Г., Теренина Н.К. Этническая неоднородность регионов России: динамика по десятилетиям в постсоветский период // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. № 68 (4). С. 783–797.

140. Манаков А.Г., Чученкова О.А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 по 2016 г. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 96 с.
141. Межконфессиональная интерактивная карта РФ. URL: <https://bolgar.academy/cmdmap/?ysclid=m4nstgjrbc897649647> (дата обращения: 29.12.2024).
142. Молодов О.Б. Особенности конфессиональной географии областей Европейского Севера России // Социогуманитарный вестник. 2013. № 2 (11). С. 38–42.
143. Мурашова Т.В. Отражение фактора пограничности в структуре конфессионального пространства Псковской области // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 177–183.
144. Набиева У.Н. Формирование и современная география религий в Дагестане // Изв. РАН. Сер. геогр. 1994. № 6. С. 91–95.
145. Народы России: Атлас культур и религий / отв. ред. А.В. Журавский, О.Е. Казьмина, В.А. Тишков. М.: ИПЦ ДИК, 2009. 320 с.
146. Настольная книга атеиста / С.Ф. Анисимов, Н.А. Аширов, М.С. Беленький и др.; под общ. ред. С.Д. Сказкина. М.: Политиздат, 1987. 431 с.
147. Новиков А.Н. География и религиоведение: интеграция, конвергенция, синергизм // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29. № 2. С. 91–100.
148. Обозный К.П. Православная Церковь на Северо-Западе России в 1948 году: сравнительный анализ положения Ленинградской, Новгородской и Псковской епархий // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 324–342.
149. Овсянников В.П., Якунин В.Н. Религиозный туризм как механизм поддержания духовно-культурных процессов на уровне регионального социума // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 9 (70). С. 107–117.

- 150.Озем Г.З. Конфессиональное районирование Беларуси // Вестник БГУ. Серия 2: Химия. Биология. География. 2008. № 1. С. 90–95.
- 151.Озем Г.З. Территориальная структура религиозной сферы и конфессиональное районирование Беларуси: дис. канд. гео. наук 25.00.24. Мн., 2010. 166 с.
- 152.Озем Г.З., Сидоренко В.П., Шавель А.Н. К вопросу определения объекта исследования географии религии // «География в XXI веке: проблемы и перспективы развития»: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. 17–18 апреля 2008 года, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина. URL: www.bsu.by/Cache/pdf/172683.pdf (дата обращения: 30.11.2024).
- 153.Павлов С.В. Організація релігійно-географічної сфери України: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. Львів, 1999. 18 с.
- 154.Павлов С.В., Мезенцев К.В., Любіцева О.О. Географія релігій: навчальний посібник. Київ: АртЕк, 1999. 504 с.
- 155.Патійчук В. Територіальна організація релігійної сфери адміністративної області (на прикладі Волинської області): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. Київ, 1998. 17 с.
- 156.Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения: 20.04.2024).
- 157.Петров Д.Д. Сакральная география восточных районов Архангельской области: автореф. дис. ... канд. истор. наук: М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2015. 22 с.
- 158.Пирожник И.И., Сидоренко В.П., Озем Г.З., Леонович М.В. Конфессии и культовые сооружения Беларуси: электронный аналитический географический атлас. Минск: НИРУП «ИПСС», 2007.
- 159.Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и

- географического исследования. Том I (XVI–XVII вв.). Казань: Типо-
литография Императорского Университета, 1897. 599 с.
160. Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и
пределы. Опыт церковно- исторического, статистического и
географического исследования. Том II (XVIII в.). Казань:
Типо-литография Императорского университета, 1913. 966 с.
161. Поплавский Р.О., Корандей Ф.С., Черепанов М.С. Ландшафтная
концепция и география религий (на материалах англоязычной географии)
// Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2024.
Т. 88. № 1. С. 90–99.
162. Попов И.В., Шкаровский М.В. Приходы Псковской миссии // Санкт-
Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 26–27. СПб., 2002. С. 53–
62.
163. Православие в Эстонии: исследования и документы. Т. 1. Исследования /
ред. протоиер. Н. Балашов, С.Л. Кравец. М.: Церковно-науч. центр
«Православная энциклопедия», 2010. 319 с.
164. Пучков П.И. К вопросу о классификации религий // Этнос и религия / отв.
ред.-сост. Б.-Р. Логашова. М.: Институт этнологии и антропологии РАН,
1998. С. 7–23.
165. Пучков П.И. Конфессиональная картография в России // Этнографическое
обозрение. 2007. № 4. С. 37–42.
166. Пучков П.И. О соотношении конфессиональной и этнической
общностей // Советская этнография. 1973. № 6. С. 51–65.
167. Пучков П.И. Современная география религий. М.: Наука, 1975. 182 с.
168. Пучков П.И., Казьмина О.Е. Религии современного мира. Догматика.
Обрядность. Организационное устройство. География. М.: Изд-во УРАО,
1998. 184 с.
169. Пучков П.И., Казьмина О.Е. Религии современного мира. М., 1997. 286 с.
170. Религии // Национальный атлас России. Т. 1. М.: АСТ, Астрель,
Роскартография, 2008. С. 384–387.

- 171.Религиоведение: словарь / Е.С. Элбакян. М.: Академический Проект, 2007. 637 с.
- 172.Ровенчак І. Українська географія релігії: історія формування та предмет дослідження // Історія української географії. Всеукраїнський науково-теоретичний часопис. 2003. Вип. 2 (8). URL: <http://ukr-tur.narod.ru/istoukrgeo/allpubl/antropos/ukrgeorelig.htm> (дата обращения: 30.11.2024).
- 173.Ровенчак І.І. Географія культури: проблеми теорії, методології та методики дослідження: автореф. ... докт. геогр. наук: 11.00.02. Львів, 2010. 32 с.
- 174.Родионова Д.Д., Насонов А.А. Религиозный туризм как перспективное направление развития внутреннего туризма (на примере Кемеровской области) // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 21–25.
- 175.Сафронов С.Г. Географические аспекты изучения религиозной сферы России: дисс. ... канд. геогр. Наук. М., 1998. 200 с.
- 176.Сафронов С.Г. Конфессиональное пространство России в начале и конце XX века // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / под ред. Т. Нефедовой, П. Полян, А. Трейвиш. М., 2001. С. 443–460.
- 177.Сафронов С.Г. Русская православная церковь в конце XX века: территориальный аспект. М.: 2001. 100 с.
- 178.Сафронов С.Г. Современная сеть православных монастырей в географическом измерении // Изв. РАН. Сер. геогр. 1999. № 1. С. 60–66.
- 179.Сафронов С.Г. Структура и особенности современного религиозного ландшафта России // Проблемы расселения: история и современность. М.: Ваш Выбор, ЦИРЗ, 1997. С. 71–75.
- 180.Сафронов С.Г. Территориальная структура и динамика современного конфессионального пространства России // Региональные исследования. 2013. № 4 (42). С. 87–100.

- 181.Сафронов С.Г. Территориальные аспекты организации российских конфессий // Вестник МГУ. Сер. 5. География. 1998. № 6. С. 28–33.
- 182.Саякова С.Ш. Религиозный туризм как составная часть современной индустрии туризма // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики имени Казы Дикамбаева. 2019. № 11. С. 33–40.
- 183.Советская Эстония. Энциклопедический справочник / гл. ред. Г. Наан. Таллин: Валгус, 1979. 440 с.
- 184.Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 4. С. 96–123.
- 185.Старостенко В.В. К вопросу о специфике религиозности населения на постсоветском пространстве: страны Балтии // Религия и общество – 12 / под ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. Могилев: Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова. 2018. С. 102–105.
- 186.Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. № 14. С. 9–21.
- 187.Стрелецкий В.Н. Этническое расселение и география культуры // СССР–СНГ–Россия: география населения и социальная география. 1985–1996. Аналитико-библиографический обзор. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 396–427.
- 188.Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ, 1994. 576 с.
- 189.Теренина Н.К. Индекс этнической контактности как инструмент изучения территорий со смешанным национальным составом населения // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 101–116.
- 190.Теренина Н.К. Расчет коэффициента этнической контрастности на примере республик Урало-Поволжья // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 4. С. 81–94.

191. Теренина Н.К. Фазы развития этноконтактных зон: от зарождения до растворения // Исторический подход в географии и геоэкологии. Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии / отв. ред. Л.Б. Вампилова. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 741–744.
192. Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Изменение этнической неоднородности регионов России в 2010–2020 годах в свете концепции этноконтактных зон // География и природные ресурсы. 2024. № 4. С. 5–15.
193. Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Использование индекса религиозной контактности в изучении пространственно-временной динамики конфессионального пространства Российской империи // Религиоведение. 2024. № 1. С. 120–130.
194. Теренина Н.К., Кроток Р.Н. Опыт расчета коэффициента религиозной контрастности по регионам России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 4. С. 82–94.
195. Теренина Н.К., Манаков А.Г., Кроток Р.Н. Стадии развития этноконтактных зон Эстонии, Латвии и Литвы с конца XIX века // Балтийский регион. 2024. Т. 16. № 2. С. 145–158.
196. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Институт Наследия. 1998. 210 с.
197. Федирко О.П. Влияние процессов глобализации на изменение конфессионального ландшафта российского Дальнего Востока в период с 1980-х до 2019 г. // Общество: философия, история, культура. 2019. № 11 (67). С. 50–55.
198. Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. 536 с.

199. Филимонова И.Ю. Структура и развитие конфессионального пространства Оренбургской области: дис. ... канд. геогр. наук. Оренбург, 2006. 174 с.
200. Христов Т.Т. Религиозный туризм: Учебное пособие. М.: Академия, 2008. 288 с.
201. Цыпин В. Епархиальное управление и епископат РПЦ в 1700–1999 гг. // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1995. С. 242–252.
202. Черепенина Н.Ю., Шкаровский М.В. Православные храмы Санкт-Петербурга 1917–1945 гг. СПб.: Русско-Балт. информационный центр БЛИЦ, 1999. 366 с.
203. Шаблій О.И., Висьтак А.И. Сакральная география: становление и проблемы развития // Проблемы территориальной организации общества: тезисы докладов. Пермь: Изд-во Пермского университета, 1993. С. 27–28.
204. Шаблій О. Географія релігії // Соціально-економічна географія України / за ред. О. Шаблія. Львів: Світ, 1994. С. 423–440.
205. Шальнев В.А., Андреева С.И. Конфессиональное пространство: геопространственный и региональный подходы // Наука. Инновации. Технологии. 2013. № 3. С. 79–84.
206. Шведова В.В. Предварительный опыт разработки теоретических основ проведения религиозно-географического районирования // В мире научных открытий. 2015. № 3–6 (63). С. 2840–2851.
207. Шевчук Л.Т. Соціальна географія: Навчальний посібник. Київ: Знання, 2007.
208. Шиллер В.В. Конфессиональная политика и процессы межконфессионального взаимодействия в Кузбассе в конце XX – начале XXI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–2 (62). С. 99–104.
209. Шитиков Ф.В. Географические особенности этноконфессиональной ситуации на территории Республики Бурятия // Известия Иркутского

- государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2015. Т. 11. С. 141–148.
210. Шуканов П.В. Методологические основы происхождения и развития сакральной географии // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Геологія – Географія – Екологія. 2012. № 1033. Вип. 37. С. 228–232.
211. Эйдемиллер К.Ю. Роль мусульманских общин в процессе трансформации социокультурного и политического пространства стран Северной Европы: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. СПб, 2015. 20 с.
212. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–42.
213. Эккель Б.М. Расчет индекса мозаичности для этнического состава республик, краев и областей СССР // Советская социология. 1979. Т. 18. Вып. 1. С. 47–63.
214. Яблоков И.Н. Религиоведение: учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. 317 с.
215. Alisauskiene M. Freedom of Religion in the Baltic States: Sociological and Legal Analysis // Mate-Toth A., Rughinis C. (eds.). Spaces and Borders. Current Research on Religion in Central and Eastern Europe. Walter De Gruyter Publ., 2011. P. 133–151.
216. Balabeikina O.A., Yankovskaya A.A., Poputneva M.I. Religious scientific tourism as a new form of religious tourism // Services in Russia and Abroad. 2021. Т. 15. № 2 (94). С. 5–16.
217. Browne T. Religio Medici. New York: John B. Alden, 1839. 192 p.
218. Büttner M. et al. Zur Geschichte und Systematik der Religionsgeographie // Geographia Religionum. Bd.1. Grundfragen der Religionsgeographie. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1985. S. 11–121.

219. Büttner M. Religion and Geography: Impulses for a New Dialogue between Religionswissenschaftlern and Geographers // *Numen*. 1974. Vol. 21. Is. 3. P. 163–196.
220. Campos N.F., Saleh A., Kuzeyev V. Dynamic Ethnic Fractionalization and Economic Growth // *The Journal of International Trade & Economic Development*. 2011. Vol. 20. Is. 2. P. 129–152.
221. Churchill S.A. Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata // *Economic Issues*. 2019. Vol. 24. Part 1. P. 21–34.
222. Deffontaines P. *Géographie et religions*. Paris: Gallimard, 1948. 439 p.
223. Dražanová L. Historical Index of Ethnic Fractionalization Dataset (HIEF). Harvard Dataverse (V1). 2019.
224. Dražanová L. Introducing the Historical Index of Ethnic Fractionalization (HIEF) Dataset: Accounting for Longitudinal Changes in Ethnic Diversity // *Journal of Open Humanities Data*. 2020. Vol. 6. No. 1.
225. Eesti rahvastiku usuline koosseis. Eesti Entsüklopeedia. 2002. URL: http://entsyklopeedia.ee/artikkel/eesti_rahvastiku_usuline_kooseis (дата обращения: 14.10.2024).
226. Estonia Statistical database. URL: <http://pub.stat.ee> (дата обращения: 12.05.2024).
227. Ferrario G. *Il costume antico e moderno*. Firenze: Per Vincenzo Batelli, 1831.
228. Fickeler P. Fundamental questions in the geography of religions // *Readings in Cultural Geography* / Ed. P.L. Wagner, M.W. Mikesell. Chicago: University of Chicago Press, 1962. P. 94–117.
229. Fickeler P. Grundfragen der Religionsgeographie // *Erdkunde*. 1947. Vol. 1. P. 121–144.
230. Gökarksel B. Beyond the Officially Sacred: Religion, Secularism, and the Body in the Production of Subjectivity // *Social and Cultural Geography*. 2009. Vol. 10. No. 6. P. 657–674.

231. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Experience of Geographical Typology of Secularization Processes in the Modern World // *Geography and Natural Resources*. 2016. Vol. 37. No. 2. P. 93–99.
232. Graunt J. *Natural and Political Observations Mentioned in a Following Index, and Made upon the Bills of Mortality*. Baltimore: The Johns Hopkins press, 1939.
233. Greenberg J.H. The Measurement of Linguistic Diversity // *Language*. 1956. Vol. 32. No. 1. P. 109–115. URL: <https://www.jstor.org/stable/410659> (дата обращения: 10.06.2024).
234. Isaac E. Religion, Landscape and Space // *Landscape*. 1959–1960. Vol. 9. No. 2. P. 14–18.
235. Isaac E. The Act and the Covenant: The Impact of Religion on the Landscape // *Landscape*. 1961–1962. Vol. 11. No. 2. P. 12.
236. Jackowski A. *Swieta przestrzen swiata: Podstawy geografii religii*. Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2003. 268 s.
237. Kaktiņš Arnis (2018-09-24). Lūk, kā izskatās Latvijas iedzīvotāju reliģiskās un konfesionālās piederības pēdējās 3 aptaujās, kur tas ir ticis prasīts. URL: <https://twitter.com/arniskaktins/status/1044214761557282816?lang=he> (дата обращения: 14.06.2024).
238. Kasche G.H. *Ideen über religiöse Geographie*. Lübeck, 1795.
239. Keckermann B. *Systema geographicum*. Hanoviae: Antonius, 1611.
240. Krindatch A.D. Changing relationships between Religion, the State, and Society in Russia // *GeoJournal*. 2006. № 67 (4). P. 267–282.
241. Lebedev S.V., Lebedeva G.N. The struggle for the transition to the “Royal faith”. from the history of Orthodoxy in the Baltic states // *European Scientific e-Journal*. 2021. № 7 (13). С. 52–79.
242. Lietuvos gyventojai. 1923 m. rugsėjo 17 d. surašymo duomenys. Kaunas, 1924. P. XL.

- 243.Lithuania Population and Housing Census 2011. URL: <https://osp.stat.gov.lt/gyventoju-ir-bustu-surasyml> (дата обращения: 19.05.2024).
- 244.Michalopoulos S. The Origins of Ethnolinguistic Diversity // *American Economic Review*. 2012. Vol. 102. P. 1508–1539.
- 245.Misāne Agita. Reliģiskā dažādība Latvijā. LU Sociālo un politisko pētījumu institūts. Biedrība «Patvērumš «Drošā māja»», 2016. URL: https://cilvektiesibas.org.lv/media/attachments/31/10/2016/A.Misane_ppt.pdf (дата обращения: 14.06.2024).
- 246.Németh Á. Ethnic diversity and its spatial change in Latvia, 1897–2011 // *Post-Soviet Affairs*. 2013. No. 29 (5).
- 247.Németh Á., Šolks G. Alteration of the Ethnic Diversity and Ethnic Segregation Index in Latvia During the First and Second Independence Periods // *The Romanian Journal for Baltic and Nordic Studies*. 2012. Vol. 4. No. 1. P. 9–33.
- 248.Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 15.05.2024).
- 249.Posner D.N. Measuring Ethnic Fractionalization in Africa // *American Journal of Political Science*. 2004. Vol. 48, Is. 4. P. 849–863.
- 250.Ringvee R. State, Religion and the Legal Framework in Estonia // *Religion, State and Society*. 2008. Vol. 36. No. 2. P. 181–196.
- 251.Semple E.Ch. Influences of Geographic Environment: On the Basis of Ratzel's System of Anthro-Geography. New York: Henry Holt and Company, 1911.
- 252.Soom K., Lehtsaar T. Forms and Roots of Contemporary Religiosity in Estonia // *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*. 2021. Vol. 41. Iss. 2, Article 2.
- 253.Sopher D. Geography and religions // *Progress in Human Geography*. 1981. № 5. P. 510–524.
- 254.Sopher D. Geography of religions. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. 128 p.

- 255.Soroko E. How the methods of natural sciences can help in the studies of ethnically mixed families? // Journal of Physics: Conference. Ser. 2: Computer Simulations in Physics and Beyond, CSP 2017. 2018. P. 012035.
- 256.Statistics Estonia: Statistical database. Population and Housing Census 2021. URL: <https://andmed.stat.ee/en/stat/rahvaloendus> (дата обращения: 15.05.2024).
- 257.Stump R. The Geography of Religion: Faith, Place, and Space. Lanham: Rowman and Littlefield, 2008. 423 p.
- 258.Sturm J.-E., De Haan J. Income Inequality, Capitalism, and Ethno-linguistic Fractionalization // American Economic Review. 2015. No. 105. P. 593–597.
- 259.Warf B., Winsberg M. Geographies of Megachurches in the United States // Journal of Cultural Geography. 2010. Vol. 27. No. 1. P. 33–51.